

83.3/2P-41.1/6

Л94

во д

Копия

В. Люкшинова

Литературные портреты

Поэты и прозаики Новомосковска

63.3(2Р-4Т)а)6

Л94

В. ЛЮКШИНОВА

Литературные портреты.

Поэты и прозаики Новомосковска

Наедине с текстом

Эссе

65427-код(4)

09

**г. Новомосковск
2004г.**

Редактор - корректор - Гришин В. С.

Рецензенты:

Заслуженный работник культуры России,
директор Новомосковского историко-
художественного музея

- Старкова Л. В.,

учитель литературы МОУ СОШ №1
г. Новомосковска

- Гришин В. С.

Книга напечатана за счет средств автора.

При перепечатке и использовании ссылка обязательна.

Отпечатано в типографии «Экспресс типография», Россия, 301650,
Тульская область, г. Новомосковск, ул. Березовая, 26-а.
Тираж. 99 экз. Печать трафаретная.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Клуб творчества... Это понятие сегодня неотделимо от понятия «музей». Уже несколько лет такой клуб существует при нашем филиале – археологическом музее.

Клуб стал местом проведения семинаров, викторин, концертов и т.д. В нем в 2002г прошли первые районные филолого-краеведческие чтения, организованные совместно с информационно-методическим центром Комитета по образованию.

Постоянными участниками клубных мероприятий стали новомосковские поэты и прозаики. И не только они. У нас выступали члены СП России из Тулы, Узловой и других городов области. Гостем Клуба был и руководитель Тульского отделения Союза писателей России известный поэт В.Пахомов.

Результат сотрудничества музея с писателями – предлагаемая книга, насколько нам известно, первая в нашем крае, где делается попытка проанализировать творчество поэтов и прозаиков, наших современников.

Книга написана сотрудником нашего музея, филологом по образованию.

Хочется надеяться, что она окажется полезной учителям-словесникам, краеведам и всем, кто интересуется литературой.

Директор Новомосковского историко-художественного музея, Заслуженный работник культуры России *Л.В. Старкова.*

ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИГИ.

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, писалась четыре года. Её автор, определяя жанр издания, мог бы сказать словами А.С.Пушкина:

*собрание пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

Эта книга рассказывает о новомосковских поэтах и прозаиках, их творчестве.

Кто-то, может быть, воскликнет: «Да какая в провинциальном

Новомосковске литература?! Что хорошего могут написать доморощенные авторы? Что они могут сказать после Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Толстого?» Читая книгу, уверяемся: литература в Новомосковске была и есть – и не хуже столичной, новомосковский литературный ручей впадает в море русской литературы, не замутив его.

Первая часть книги – «Литературные портреты» – о живших и живущих на новомосковской земле поэтах и прозаиках: Степане Позднякове, Владимире Суворове, Владимире Большакове, Викторе Зайцева, Вячеславе Кузнецове, Николае Смирнове, Геннадии Ошуркове, Алексее Логунове, Петре Митрохине, Дмитриии Ракитине, Александре Вишневецком, Валентине Кирееве, Александре Топчии и Владимире Сотке. Автор сумел ёмко, на нескольких страницах, рассказать о художественном мире каждого: главных темах творчества, проблемах, которые ставятся в произведениях, идеях, ведущих образах и способах их создания, художественных особенностях. Поражает простота, ясность, точность, выразительность, логичность изложения, подкупает уважительное, трепетное отношение к каждому герою книги.

Вторая часть – «Наедине с текстом» – несколько эссе, попытка углубиться, взглядеться, вчитаться в текст. Автор наслаждается отдельным словом, художественной деталью, маленьким эпизодом, стихотворением. Во второй части книги найдёте и воспоминания автора («Непреходящее чувство»), и размышления о «природных» образах в произведениях – звёздах, дождях («О звездах, дождях и прочем», «Дождик, дождик, перестань...»), животных («Два Ивана и лягушка», «Собачья жизнь», «Непреходящее чувство»), и рассказ об особенностях литературного портрета («О мастерстве литературного портрета»), и обстоятельный анализ стихотворения в эссе «Маленький шедевр». Можно сказать, что каждое эссе автора – «маленький шедевр»: композиции свободны и законченны, стиль лёгок, статьи глубоки, увлекательны и мудры, предмет разговора «окружен» широким контекстом...

Дорогой читатель! Закончу рассказ об этой замечательной книге словами А.С.Пушкина:

*Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крутицу мог найти.
За сим расстанемся, прости!*

В.С. Гришин, учитель литературы
МОУ «СОШ №1» г. Новомосковска

ОТ АВТОРА

*Родителям моим,
Зинаиде и Дмитрию,
и Учителям моим посвящаю.*

Эта книга «собиралась» постепенно из материалов, готовившихся к творческим вечерам местных поэтов и прозаиков, проводившимся с октября 2000 г. по февраль 2004 г. в Клубе творчества. В определении «местная проза и поэзия» не нахожу ничего обидного или уничижительного, так как наши писатели в лучших своих «вещах» выглядят не хуже «столичных».

Творческая среда – непростая среда. Такой она была всегда.

Русский поэт 18 века Иван Пнин, незаконный сын князя Репнина, умерший от чахотки в молодых годах, когда-то написал такие строки:

*К вам, друзья мои писатели ...
К вам мою речь обращаю я,
С вами я хочу беседовать!
Вы поведайте причину мне,
Для чего вы так злословите
Вам подобных сочинителей?
Неужели, зря погрешности
В сочиненьях издаваемых,
Без обид и без ругательства
Вам не можно говорить о них?
Неужели почитаете.
То похвальным вы деянием,
Чтобы честь и добродетели
За ошибки всем нам сродные,
Осуждать с такою злостию
Брата вашего писателя?*

«Зря погрешности», мы остановились на достоинствах, задавшись целью дать общее представление о творчестве наших поэтов и прозаиков.

И ещё – эта работа – дань читательского уважения к нелёгкому писательскому труду. Творческие люди, может быть, как никто, нуждаются в добром слове, в признании.

Спасибо «героям» этой книги, любезно поделившимся со мной материалами из личных архивов.

The first point to be noted is that the State is not a simple aggregate of individuals. It is a complex organism, the life of which depends upon the harmonious action of its various parts. Each part has its own function to perform, and its failure to do so would result in the ruin of the whole. The State, therefore, is a unity, a single entity, the parts of which are inseparably united.

It is a unity of interests, a unity of purpose. The interests of the State are not the interests of any one individual, but the interests of the whole. The purpose of the State is not the purpose of any one individual, but the purpose of the whole. The State, therefore, is a unity of interests and a unity of purpose.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ВЛАДИМИР БОЛЬШАКОВ

*Мне где б ни жить
Под этой звездной синью,
Была бы лишь тропа моя
Светла,
Была бы только за окном
Россия,
Ржаное поле, речка и ветла...*

Эти слова В. Большакова, журналиста, поэта, прозаика, выражают суть его жизненного и творческого пути.

А начался этот путь в селе Медведки, под Венёвом, где 21 июля 1924 года в крестьянской семье появился на свет Владимир Большаков.

Проникновенные слова посвятил он своей малой родине в предисловии к последней книге «Сполóхи памяти».

«О светло светлая и красно украшенная земля русская! И многими красотоми удивлена еси, города великими, селы дивными...» Иногда мне кажется, что эти великолепные слова безымянный летописец сказал о моем родном селе Медведки... Природу своего родного края я глубоко полюбил еще в детстве...» (6, с.3)

И это чувство к родному краю стало истоком большой любви к Родине. «Когда началась война, я ушел на фронт, - пишет в том же предисловии В. Большаков. — Мне довелось принимать участие в Сталинградской битве, затем в боях на Донце и Днепре... В 1944 г. я вернулся на рассвете к родному деревенскому крыльцу 19-летним инвалидом войны». (6, с.4)

Но нужно было жить, потому что ещё на фронте Большаков поставил перед собой задачу: «если уцелею в этой страшной войне, то всю оставшуюся жизнь буду рассказывать людям о своих товарищах по оружию – ребятах 1924 года рождения, от которых осталось в живых только 2 %...». (6, с.4)

Владимир Большаков выполнил эту задачу.

Ну, а тогда, в 1944 году, после возвращения с фронта он поступил в Тульское театральное училище, после окончания, которого некоторое время проработал артистом в Белгородском драматическом театре.

Через год он ушел из театра и поступил в ГИТИС им. Луначарского в Москве. Через много лет он напишет: «Я думал тогда, учась в этом престижном институте, стану режиссером и буду изображать фронтовиков, своих бывших товарищей, такими, какими я их видел» (6, с. 5).

Он выполнил и эту задачу: по окончании ГИТИСа, работая старшим режиссером тульского телевидения, он делал передачи о героях войны в самых разных жанрах.

В 60 – 70-е годы выходят первые книги В. Большакова: «Половодье», «И мама, и папа, и дедушка мой». Он печатается в коллективных сборниках тульских писателей.

В 80-е годы увидели свет книги Владимира Александровича: «Солдатское счастье», «Материнский упрёк».

Главной темой его произведений становится жизнь солдата – хлебопашца. И в стихах и в прозе он остается верным памяти поколения победителей.

В 2002 году выходит уже после смерти писателя (он умер 4 декабря 2001 года) книга «Сполохи памяти».

«Сполохи памяти» – своеобразное подведение творческих итогов. В сборник вошли стихи, поэмы, очерки, созданные в разные периоды жизни писателя.

Владимир Александрович отобрал те вещи, которые считал наиболее удачными. Среди них – повесть «Семьянский большак».

«Семьянь умирала долго и мучительно» (6, с. 79), – так начинается это произведение, рассказывающее обычную для современной русской деревни историю. В ней, деревне, остались 3 старухи и скотник Степан, который, перебравшись на центральную усадьбу, оставляет старух один на один с их проблемами.

Свинарка Акулина «в середине зимы занедужила, влезла на печку, вздохнула и ... померла» (6, с. 79), Степаниду, её товарку по ферме, разбил паралич («и лежит она в Венёвской больнице ожидая своего последнего часа» (6, с. 79)). Так решилась судьба двух героинь.

И осталась в Семьяни одна Василиса. Одинокими ночами вспоминает она недолгую замужнюю предвоенную жизнь, потом гибель на фронте мужа и сына Александра, летчика-истребителя. И пропавшего без вести на войне сына Тимофея вспоминает Василиса бессонными ночами.

А ещё свою послевоенную работу дояркой. Быстро в нелёгком труде прошла жизнь Василисы. Выросли сын и дочь, вылетели из родного гнезда, обзавелись семьями, детьми.

И решает Василиса уехать к сыну Алексею. Но слишком горько расставание с родным домом, с которым связана для неё вся жизнь. И старая Василиса умирает.

Похоронами её заканчивается повесть: «У могилы остался один Дружок. Он просидел там и следующий день, а потом исчез куда-то. И с тех пор его никто и нигде не видел.

Это была последняя живая душа Семьяни».(6, с.101)

Опустел семьянский большак, как и тысячи других просёлочных дорог в России, по которым уже некому ходить.

Большаков тяжело переживал медленное умирание русской деревни, традиционных народных устоев жизни. Его повесть - реквием по русскому селу и его людям.

Рассказ «Незабудки для Натали», включённый в последнюю книгу В. Большакова, тематикой, особым лиризмом напоминает бунинские рассказы. О чём он?

В начале перестройки в бывшее имение приезжает из Франции старый барин Николай Николаевич с сыном Ярославом. Здесь он встречается со старухой Ефросиньей, в дни его молодости служившей горничной в господском доме. Два старика вспоминают свою жизнь, которая почти вся уже в прошлом.

Ностальгией пронизан этот трогательный рассказ.

В словах старого барина: «Всё есть, решительно всё! И чего-то нет. Родины нет. Ее ничем не заменить...»,(6, с.110) – суть этой ностальгии.

Общее, теперь уже очень далёкое прошлое делает этих абсолютно разных людей близкими, почти родными.

Старик вспоминает о своей умершей во Франции жене – Натали, которая мечтала хоть краем глаза увидеть родное Княжево, где когда-то она любила собирать первые незабудки.

После отъезда барина старая Ефросинья думает об обещанной им встрече в «той тихой и безмятежной стране», которая дарует всем вечный отдых.

Рассказ В. Большакова «Бегство из рая» напоминает своей темой опубликованный в 80-е гг. рассказ Бориса Васильева «Вы чьё, старичьё?».

Оставшийся одиноким бывший колхозник Степан Кузьмич решает поехать к сыну в город. Но обещанный городской «рай» оказался сущим адом, и старик бежит назад в свой дом. В избе старухи, куда он зашел передохнуть, он так объясняет свой поступок: «Вот зазвал меня сын к себе в город, обещал райскую жизнь. А теперь бегу я из этого рая куда подальше. Драпаю домой, как из германского плена...».(6, с.136)

Если у Б. Васильева Касьян Глушков находит себе пристанище в доме непутевой, но доброй племянницы его друга, такого же старика, Павла Егоровича Сидоренко, то герою Большакова приходится в одиночестве сидеть на лавочке и мечтать о том, чтобы снова оказаться нужным родному колхозу, людям, хоть кому-нибудь.

Бесхозна и брошена не только земля, но и человек на ней, а это страшно – таков вывод автора.

Проза Большакова, как набатный колокол, призывает нас задуматься над собственной судьбой, судьбой страны. Владимир Александрович Большаков говорит нам о том, что России и ее народу сегодня как никогда нужна деятельная любовь.

В поэтическом творчестве Владимира Большакова поднимаются те же темы, что и в его прозе: судьба России, судьба обычного человека во времена войны и мира.

Реквием «Бунт мертвых». Он о великой войне, её великих жертвах и о сегодняшней России.

Воображаемый диалог лирического героя и его давно умершей односельчанки, матери двух погибших в Великую Отечественную юношей, пронизан болью за тех, кто не вернулся с фронта, раздумьями о сегодняшнем беспамятстве людей, о том, что случилось с великой страной.

Сама истерзанная Россия устами Фросиньи говорит с поэтом:

*Мне и горько, и больно,
Что не вижу сегодня своих сыновей,
Тех отчаянно – преданных и сердобольных,
Что пошли от горячих, от русских кровей!
Над Россией навис, торжествуя, Иуда.
А у нас преспокойная, сонная тишь...* (6, с.27)

Лирический герой «Бунта мертвых» не оправдывается:

*Каюсь, мать, но прощенья просить я не буду:
Все равно ты меня никогда не простишь!
Сам разрушил я все, что сложилось веками,
И что вдруг в одночасье повержено в прах...* (6, с.27)

Поэт признает и себя виноватым в том, что случилось со страной. Поколение В. Большакова никогда не снимало с себя ответственности за всё, что происходило вокруг.

В поэтическом реквиеме звучат фамилии: Жуков, Рокоссовский, Ватутин, Воронов, Баграмян - фамилии полководцев Великой Отечественной.

В воображении поэта рисуется поистине трагическая картина бунта мёртвых:

*И вставали с погостов Фросиньи да Феклы,
Аверьяны, Петровичи и Кузьмичи.*

...

*Не стерпели страдальцы двадцатого века –
Взбунтовались, ударили в колокола!
Перед этим тревожным вселенским набатом
Все живущее в ужасе падало ниц,
Задрожала земля от громовых раскатов
В ослепительном блеске и треске зарниц!* (6, с.30)

Глава «Бунт мертвых» заканчивается на тревожной ноте:

*И заплакала матушка, заголосила,
Как не плакала все свои тысячи лет.
Этой ночью ко мне приходила Россия,
И ее заскорузлые ноги босые
На росистой земле свой оставили след.
Мы любили ее, а сберечь не сумели,
И стоим перед нею, потушивши взгляд.
Не о том ли столетние ветлы шумели,
Не о том ли сегодня они мне шумят?* (6, с.30)

О другой своей поэме «Сын человеческий» (1975 г.) сам В. Большаков писал так: "... в ее подтексте показан не тот библейский герой, а наш русский народ, вышедший с глазу на глаз с танковыми армадами вермахта и спасший человечество от гибели. Он, по моему мнению, тоже сын человеческий, прошедший все круги ада и вынесший на своих плечах такие тяжести, такие титанические порывы духа и вместе с тем великодушия и всепрощения, которые не снились никакому народу в мире! Всю боль человечества, как и Тот легендарный, он взял на себя»: (6, с.5)

*Потемнело в глазах
Палестинское небо,
Пригвожденный к столбу,
Изгибался Он весь.
Кто сказал об Иисусе Христе,
Что он не был!
Говорю вам: Он был!
Говорю вам: Он есть!*

...

*Я его где-то видел
Своими глазами...
Я его где-то видел
И видел не раз...*

...
*Он бежал по земле,
Безбородый, безусый
С автоматом в руках,
Конопат и губаст,
Он собой заслоня,
Белобрысый Иисусе,
И от гибели всё
Человечество спас!*

...
*Я его где-то видел
В недавнем вчерашнем,
Старика-работягу,
Кормильца страны,
Над слезою и потом
Политою пашней
Надрывался в войну он
И после войны.*

...
*Про добро и любовь
Делетал жаворонок,
Где-то теплая, мирная
Зрела гроза,
А Иисус мой, сгорбатясь
От трёх похоронок,
Золотистые россыпи
В землю бросал...*

(б, с. 8-10)

Творчество В. Большакова - это поэмы «Песня о Белом городе», «Тишина над полем», повести в стихах «Женщина у дороги», «Петрович», стихотворные новеллы «А старики уходят понемногу», «Леший». В своих стихотворениях поэт часто пишет о родном крае, который дорог ему.

*Я в венёвской деревне родился и рос,
Много знаю я здесь и дорог, и дорожек,
Я пленен лебединою статью берез,
Только ветлы мне все – таки чем-то дороже.*

Так начинается одно из стихотворений В. Большакова. Оно рисует сельский пейзаж. Автор пишет об обычной ветле, но - как!

*Если грянет откуда лихая беда
И лавиной попрут басурманские кони,
Ветлы- стражники смотрят в тревожную даль,
Как Добрыни-Никитичи из-под ладони.*

Ветлы у поэта и старушки, кладущие поклоны, тянущие к небу засохшие чёрные руки... Заканчивается стихотворение такими строками:

*И когда забелеют, проснутся сады,
Ветлы явятся в мареве, точно виденья,
Я не знаю иной на земле красоты
Краше этого раннего чудо-цветенья!*

Трогает сердце читателя и печальная история деревеньки Ольховки, о которой узнаем мы из стихотворения «Прощай, Ольховка»:

*Пишут мне из деревни:
«Ольховку-то сносят!
И сады, и ветелки,
И даже погост...»*

Гибель деревни предreshена:

*... Отыскали в Ольховских
Окрестностях уголь,
И дорога пройдет
Через наши дома.*

(1978 г.)

Родное Подмосковье – герой многих произведений В. Большакова:

*Спит речушка
В тихом лунном блеске,
Красоту неброскую тая,
Рощи, терриконы, перелески –
Подмосковье, Родина моя!*

(стихотворение «Он зовется именем Москвы»)

И в этом до боли сердечной любимом Подмосковье есть город, с которым связана жизнь поэта:

*В Подмосковье есть
Чудесный город,
Он зовется именем
Москвы!*

Тепло пишет В. Большаков о первостроителях Новомосковска:

*С песней приходили отовсюду,
С песней восходили на леса!
Чтоб воздвигнуть
Этакое чудо,
Надо было верить в чудеса!
Слава им, веселым и горластым!
Путь их прям во всей своей красе,
Как само шоссе Энтузиастов,
Ныне Комсомольское шоссе!*

Поэма «Тишина над полем» (1978 г.) посвящена Куликовской битве, события 1380 года органично соединяются автором с размышлениями о сегодняшнем дне. Главная тема В. Большакова – война, ее герои и жертвы – находит отражение в стихотворениях «Ветлы шумят», «Я еду к друзьям», «Опять за Днепром я где-то», «В метель», «На могиле друга связиста», «Исповедь капитану Рожнову» и других.

Владимир Большаков был патриотом своего края. Об этом говорят не только его литературные произведения, но и обширная общественная работа. Любовь «к отеческим гробам» у этого человека была деятельной.

Он часто выступал перед различными аудиториями, в том числе и в школах города.

Владимир Александрович Большаков много ездил по Тульскому краю, встречался с интересными людьми.

Поездки, встречи с неординарными людьми «подпитывали» творчество В. Большакова. Энтузиазму и целеустремленности этого человека город обязан появлением на ул. Комсомольской памятника – бюста нашего знаменитого земляка, командира легендарного крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева.

Долгое время после С. Я. Позднякова Большаков В. А. возглавлял Новомосковское литобъединение и писательскую организацию. Он помогал новичкам в литературе, давая советы, критика его всегда была конструктивной и доброжелательной.

С 1985 года В. Большаков работал в «Новомосковской правде», где заведовал отделом культуры. Журналист Большаков – автор великолепных очерков: «Сполохи памяти», «Хроника одного дня», «После боя поют соловьи», «Западня», «И снова бегу вдоль Донца!», «Встреча», посвящённых войне.

Об одном из её незаметных героев, человеку трудной,

трагической судьбы, скульпторе - самоучке Александре Ивановиче Романове рассказывал очерк «Пропавший Бетховен».

А очерк «Золото, которое не продаётся», повествует об удивительной женщине, бывшем председателе колхоза «Объединение» Герое Социалистического Труда Екатерине Иосифовне Елсуковой.

Из очерка «Летят перелетные птицы» мы узнаем о нелегкой судьбе старшего лейтенанта Анатолия Леонтьевича Цалкова, удостоенного за военные подвиги ордена Александра Невского.

Великолепна статья «Самосожженье – вот еще словечко...», посвященная жизни и творчеству одного из самых талантливых наших поэтов – Владимира Суворова.

А статья «Лес рубят – щепки летят» - о нашем драмтеатре, который Владимир Александрович постоянно посещал, о спектаклях которого часто писал.

«Раздумья о судьбе русской лошади» – такой подзаголовок дал своей статье «Мы Сивку еще попросим...» В. Большаков.

Новомосковску он посвятил очерк «Гимн невеликому городу».

До последних дней жизни В. А. Большаков занимался общественной деятельностью, часто печатался не только в «Новомосковский правде», но и областных периодических изданиях.

Выступал он и в Клубе творчества при археологическом музее Новомосковска, где я с ним и познакомилась.

В. Большаков был награждён природой той благородной красотой, которая не исчезает и в немолодые годы. Достоинство – вот, наверное, определяющее слово для его умения держаться. Он был несуетлив, хотя за внешним спокойствием чувствовалась внутренняя импульсивность, которую он умел сдерживать. Его часто можно было увидеть на Комсомольской, когда он торопливо шёл в редакцию. Он казался ещё крепким и с виду здоровым.

Ничто не предвещало скорого и трагического финала. Никто и подумать не мог, что 4 декабря 2001 года окажется последним днём жизни Владимира Александровича Большакова, фронтовика, человека высокой культуры, настоящего русского патриота, вписавшего яркую страницу в историю тульского телевидения, нашей литературы, журналистики.

На памятнике В. А. Большакова на городском кладбище – слова: «Твоя муза, влюблённая в жизнь... и уставшая от прозы жизни». Может быть, эта надпись говорит об одной из причин того, почему умирают поэты.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Одна семья (Сборник). – Тула: Приокское, 1967.
- 2) В. Большаков. Половодье. Стихи и поэма. – Тула: Приокское, 1970.
- 3) В. Большаков. И мама, и папа, и бабушка моя. Художник – В. К. Михайлов. – Тула: Приокское, 1971.
- 4) В. Большаков. Солдатское счастье. – Тула: Приокское, 1982.
- 5) В. Большаков. Материнский упрек. Поэмы, повести в стихах. – Тула: Приокское, 1989.
- 6) В. Большаков. Спорохи памяти. – Тула, Изд. Дом «Пересвет», 2002.

АЛЕКСАНДР ВИШНЕВЕЦКИЙ.

*Поэт! Скажи, любезный,
К чему такое рвенье?
Кому-нибудь известны
Твои стихотворенья?
К чему твои стремленья,
Кому они потребны:
Полуночные бденья,
Полночные молебны?
Ну, выпустишь ты книжку,
Тираж под стать карману...*

*.....
Мечтай! Мечтай, надежда
Дана тебе в награду.
Стихи – твоя одежда,
Строка – твоя отрада.*

(2, с.40)

О поэте, авторе этих строк, в коллективном сборнике «Иван-озеро» за 2000 г. в разделе «Коротко об авторах» всего 2 строки:

«Александр Вишневецкий, 1960 года рождения, - поэт, автор сборника «Открытый взгляд». Этот небольшого формата сборник стихотворений вышел в Туле в 2000 г.

В предисловии к нему член Союза писателей России Владимир Большаков так написал об авторе: «Лично мне видится в этом сборнике Александр Вишневецкий как равнодушный, одаренный и вдумчивый человек, от которого можно ждать по-настоящему хороших стихов».

В этой книжке А.Вишневецкий заявил об основных темах своего творчества.

Открывается она коротким, но ёмким по содержанию стихотворением:

*Здесь небо выше
И воздух слаще,
Здесь каждый может
 смеяться вслух.
Здесь камень дышит
И туча плачет,
Вдыхая русский
 привольный дух.*

Наверное, такой является и страна поэзии. Первая книга содержит кредо Вишневецкого, поэта и человека:

65427 - 1091

*Моя национальная идея –
Не разделять по нациям людей
И отличать грузина от еврея
Не кепкой, а количеством друзей,
Радушием распахнутой калитки,
Затоптанной травой у ворот ...*

В 2002 г. вышел 2-ой сборник А.Вишневецкого «Грани». В него вошли стихи из первого сборника и новые стихотворения. Как и в первой книге, во второй автор много пишет о современных проблемах.

Поэт «болеет» сегодняшней болью страны, мира. Достаточно прочитать стихотворенья «Пришла пора загадывать желанья», «По подвалом и помойкам», «Казалось, застряла планета»... и другие.

А.Вишневецкий много ездил, работал в разных местах. Впечатлениями об увиденном он делится с читателями в стихотворениях «Хребет Черского», «Я бродил по пескам Украины», «Проездом в Брянске ввечеру», «Сопка, распадок, сопка» и других.

Второй сборник содержит 7 разделов: «Здесь небо выше», «Привет, дружище!», «Мой друг проснулся на рассвете», «Разрази меня гром», «Ах, если б вы знали», «Шумят, бушуют страсти», «Серебристая грань поднебесных равнин»...

Судьбе русской женщины посвящено прекрасное стихотворение А.Вишневецкого. Его названием стала некрасовская строчка «Есть женщины в русских селеньях»:

*Вот и срок пришел –
Как мука бела
На дощатый пол
Простыня сползла.
А в глазах печаль,
Как белесый снег,
Уходящий в даль
Вдоль дорожных вех.*

*Вдоль знакомых мест,
На родной погост,
Там, где мужнин крест
Виден в полный рост.*

(2, с.24)

Горька жизнь вдовы, но и она кончается:

*Вьётся белый свет
И зовет в поля.*

Через 40 лет,
Через 40 бед –
«Здравствуй, Ванечка.
Это я».

(2, с.25)

Трагическую картину нашего времени рисует поэт в стихотворении «Казалось, устала планета»:

*Казалось, устала планета
Под древним названием Русь.
Застыла под тяжестью света,
Вбирая вселенскую грусть.
Величие славы и воли
Взорвалось осколками звезд!
И мир содрогнулся от боли,
Увидев гигантский погост...*

(2, с.7)

Но поэт не был бы поэтом, если бы был законченным пессимистом, а поэтому: ... верю,

*надеюсь – планете
Удастся подняться, восстать!*

(2, с.7)

О драматической судьбе русской деревни во времена перестройки рассказывается в стихотворениях: «От громкого названья сельсовета», «Стучат костяшками бухгалтерские счеты», «Линялый пол, в сених пылятся крынки» и других.

Сам поэт признаётся:

*Меня иногда критикуют,
Что нет мол стихов о любви,
Где люди безмерно тоскуют
И души в горячей крови
Ликуют, срываются, стонут
И гибнут в любовном огне,
Где кто-то бросается в омут
В похмельной своей тишине.*

(2, с.161)

А.Вишневецкий, действительно, не пишет о любви, считая что:

*Любовь – это личная драма,
Любовь – это только мое.*

(2, с.161)

Самые лучшие произведения поэта посвящены природе, размышлениям о жизни, творчестве:

*Опять, как положено, осень поспела,
Земные одежды пронзила дождем,
Хватила ознобом продрогшее тело*

И в душу попала каким-то путём.

Расквасились мысли,

осыпались чувства,

И кости трещат, как лесной бурелом.

Шипит, затухая, уставшее буйство,

Залитое серым осенним дождём.

(2, с. 49)

Осень задумалась

В жёлтых подпалинах

Тонкие ветви уставших берез.

Небо обвисло в свинцовых проталинах –

Мокрых заплатках мятущихся гроз.

(2, с. 151)

Поэт ценит всё, что даёт ему жизнь, к его пейзажной лирике, пожалуй, применимо выражение «у природы нет плохой погоды»:

Ах, если б вы знали,

Как пахнут весной

Согретые тёплым светом

Бескрайние дали

За рыжей сосной

В далёком,

но милom –

где-то ...

(2, с. 147).

На тонких зелёных травах,

Продрогших ночной порой,

Туман погулял на славу.

Когда

по-над той горой,

Где утро встаёт с восходом,

По веткам ударил свет,

Скользнул по парящим водам...

И мокрых цветов букет

Заискрился

звёздной пылью

И выдохнул сладкий мед.

(2, с. 146)

А ветер рвёт обрывки листьев

Из-под граблей, из-под сапог,

И, как художник, щедрой кистью

Рисует жёлтый эпизод.

(2, с. 152)

Разноликая и прекрасная природа нашей страны – героиня поэтического раздела «Серебристая грань поднебесных равнин».

Александр Вишневецкий сам дал оценку своему творчеству:

*Мой слог не изыскан до блеска,
Не слишком изячна строка,
Мой стих –*

*грубоватая фреска
В шершавых крупинках песка.
Но нет в нём ни лжи, ни злословья,
Ни круглых надуманных фраз.
Не правда,*

*что стих пишут кровью –
Поэзия только с любовью
Приходит в назначенный час!* (2, с. 129)

В предисловии ко 2 сборнику А.Вишневецкого поэт Анатолий Брагин написал о его творчестве: «Стих его гибок, эмоционален, чувствуется владение формой. И ещё, автор пишет в русском стиле и варьирует, ломает строку, вкладывая в это смысловую нагрузку, подчёркивая то, что хотел бы выделить, на чём заострить внимание читателя, заставить его задуматься.

Главное автор в этой книге обрёл свое поэтическое лицо. Оно проглядывает в каждом стихе». (2, с.3)

Свое мирозерцание поэт выразил в таких строках:

*Бесценный дар достался мне,
Бесценный*

светлый дар –

*Густое небо в вышине
И солнечный пожар,*

*Туман в низинах и роса,
И всполохи грозы,
И ветер,*

бьющийся в глаза,

*И проблески слезы,
И шелест трав, и плеск волны,
И нега по утрам ...
И память давней старины
Достались мне.*

Достались Вам! (2, с. 149)

ЛИТЕРАТУРА.

- 1) А.Вишневецкий «Открытый взгляд». Тула, 2000.
- 2) А.Вишневецкий «Грани». Тула, 2002 г.

ВИКТОР ЗАЙЦЕВ

*Надо же было судьбе так нескладно сложиться:
Будто нам не давал познакомиться рок.
Нам бы глянуть в глаза и навек подружиться,
Только я не успел: он шагнул за порог.
Он оставил родных, и друзей, и знакомых,
Удивленно застывших в печали немой,
Проклинаю себя за допущенный промах,
За российский характер стеснительный мой.*

*Вот они – фотографии русского парня;
Я успел только раз его руку пожать;
А судьба оказалась быстра и коварна –
От нее не укрыться, не убежать.
Все равно я считаю себя виноватым,
Что не знал о беде, не подставил плечо ...
Может, встретимся там – за последним закатом
И друг другу не раз пригодимся ещё.*

22.05.2002 года.

Это исповедально-грустное стихотворение написано новомосковским поэтом, членом СП России Г.Т. Ошурковым, врачом по основной своей специальности, и посвящено памяти новомосковского прозаика В.Зайцева, умершего 15 декабря 2000 года. В.Зайцев родился 22 мая 1937г. в деревне Кольна на речке Снежедь в Черномском районе.

После окончания средней школы имени И.С.Тургенева в селе Спасское-Лутовиново работал в колхозе, служил в Армии, потом трудился на ряде предприятий, более 10 лет проработал аппаратчиком на Щёкинском химкомбинате, затем перешёл на журналистскую работу. Главы из первых его повестей публиковались на страницах газет. В 1990 году в Приокском издательстве вышла книга повестей и рассказов В.Зайцева «Тёщин язык», а в 1995 году в Новомосковске увидели свет «Повести о любви».

Одна из них – «Ораниха» – закончена была 3 ноября 1990 года. Начинается это произведение почти детективно. Герой, отдыхая в деревне, слышит странный женский голос, раздающийся из-за реки и наводящий ужас на местных жителей.

Племянники героя со страхом сообщают, что объявилась Ораниха, которая пропала лет тридцать назад.

А затем читатель узнает не такую уж редкую женскую историю. Родившуюся в крестьянской семье девочку Дарью односельчане прозвали Оранихой, потому что Ораном звали ее отца – пастуха за то, что громко кричал на коров.

«Странной» Дарьюшку считали за её любовь к природе, лесным обитателям. После окончания школы Дарья влюбляется в Павла, своего односельчанина, и эта любовь оказывается для нее и огромным счастьем и большим испытанием. Проводив Павла в армию, Дарья поступает в институт.

После армии и работы в городе Павел приезжает в деревню, но «забывает» сказать ждавшей все эти годы Дарье, что женат. Павел оставляет Дарью, которая ждет ребенка, и возвращается в город. Беременная Ораниха становится пугалом для односельчан и даже для родной матери. Ее выживают из школы, где она работала, за «аморальное» поведение. Поехав однажды в город на совещание, Ораниха решает не возвращаться. Она «пропадает», после этого и слагается местная легенда о том, что время от времени она возвращается домой, даже печь топит в своей уже давно опустевшей избе.

На самом деле Дарья осталась в городе, где было легко затеряться. Писатель рисует нелёгкую судьбу матери-одиночки, которой помогают добрые люди, встречающиеся на её пути. Одна она растит дочь, которая уже взрослой попадает под машину и гибнет. Героиня мужественно принимает очередной удар судьбы. Чтобы избавиться от тяжёлых воспоминаний, связанных со смертью единственного ребенка, она уезжает из города, где прожила долгие годы, в Москву. Проходит время – она становится известным учёным – биологом.

На приёмных экзаменах случай сталкивает её с дочерью Павла, приехавшей учиться в Москву. Вернувшись в деревню, дочь рассказывает отцу о странной преподавательнице, которая её экзаменовала.

Вскоре Павел погибает, перевернувшись на тракторе.

Несмотря на обилие драматических и трагических эпизодов, повесть заканчивается на светлой ноте. Постепенно Дарья Алексеевна сближается со ставшей студенткой дочерью Павла, начинает опекать её.

Пришедшая к ней в день её рождения дочка Павла говорит: «Дарья Алексеевна, вы для меня как мамка родная...» (2, с.63)
В этой девочке Ораниха обретает новый смысл существования: в её жизнь возвращаются добро, свет, любовь, доверие.

О нелёгкой женской доле рассказывает повесть «Жаба». Так прозвали на селе жену Ефрема Ульяну, которую он привёз, когда умерла его первая супруга.

Типичная, и не очень, судьба у Ульяны. Тяжёлая, но, несмотря ни на что, счастливая жизнь до войны, потом 1941 год – смерть сына Ефрема Миши, который сбежал с трудового фронта, потому что жалко было Ульяну и братьев с сёстрами.

Потом пришла похоронка на Ефрема, а затем страшная болезнь – полиомиелит – свалила младшего сына Ефремку, сделав его инвалидом.

Но не только беды были в семье Ульяны. Были и радости. Вышла замуж дочь Ефрема от первого брака Наталья.

Сын Алексей ушёл служить в армию. А дочь Надежда решила учиться на агронома.

Ульяна переживает за всех детей, но особо – за Ефремку, которого болезнь сделала беспомощным. Она сама научила сына ловить рыбу в речке, а теперь каждый раз, когда он отправляется туда, боится за него.

Повесть заканчивается трагически. Услышав крик дочери Веры, которая хотела предупредить мать о том, что домой идут Надежда и приехавший на побывку сын Алексей, видя, что девочка указывает на мост, Ульяна решает, что случилось что-то страшное с Ефремкой, ушедшим на рыбалку: «Нож выпал из её рук, со звоном ударился о кирпичи. Она хотела встать, но грудь пронзила острая режущая боль. Ноги её подвернулись, и она ... неукложе осела на бок, повалив плечом ведро с начищенной картошкой...

А радостные дети её спешили к дому. Они ещё не знали, что мать не выйдет их встречать». (2, с. 112)

Над этим произведением Виктор Зайцев работал с ноября 1990 года по июнь 1991 года.

Повесть «Кутерьма» датируется 1991-1992 г. В центре повествования жизнь Захара Белугина, прошедшего войну, женившегося после неё, жадного до работы, денег, а иногда и до чужого.

Захар – не ангел, человек как человек, не лучше и не хуже других. Но вот случайная встреча со вдовой Валентиной переворачивает его жизнь, казалось бы расчисленную на годы вперед: «Настоящая любовь, сама по себе, бывает, опять-таки, или счастливой, или глубоко несчастной. Вот и суди теперь как хочешь: то ли радоваться настоящей любви, то ли ...» (2, с. 164)

И всё же герои повести ищут эту настоящую любовь и неважно

для них, что она иногда способна превратить жизнь человека в кутерьму.

Для героев В.Зайцева любовь – это то, без чего жизнь человека не может быть полной, настоящей.

Несколько человеческих судеб, прошедших испытание этим прекрасным и непростым чувством, находит читатель под обложкой книги «Повести о любви».

Виктор Зайцев свои детские и юношеские годы провёл на берегах маленькой, но уютной и поэтичной речки Снежедь.

Об истоках своего особого отношения к природе сам писатель говорил так: «Детство и юношеские годы прошли в деревне, в общении с удивительно богатой природой тех мест...»

Дом наш и сегодня стоит в нескольких десятках метров от студёной и очаровательной реки Снежеди, в которой в то время водились крупные щуки, черноглазые язи, красноперые голавли, полосатые окуни, плотва, голец и крупные чёрные раки. А в окрестных лесах в изобилии встречались лоси, кабаны, барсуки, лисы, зайцы, белки, тетерева, куропатки...

Первые впечатления от встречи с природой вынесены и сохранены из далекого милого детства». (2, с.3)

На протяжении всей жизни Виктор Зайцев был заядлым рыболовом и охотником. Его впечатления от поездок по нашему краю, путешествий по Мещере нашли отражение в рассказах, публиковавшихся в разных сборниках.

Охотничьи рассказы – жанр особенно любимый русскими писателями 19-20 вв. Вспомним «Записки охотника» И.С.Тургенева, «Записки об ужении рыбы», «Записки и воспоминания охотника о разных охотах» С.Т.Аксакова, произведения В.Солоухина, В.Астафьева, посвящённые природе и общению с ней человека.

Аксаковские, тургеневские, солоухинские традиции ощущаются в небольших рассказах Виктора Зайцева, посвящённых природе.

В коллективном сборнике «На семи ветрах» были напечатаны несколько рассказов писателя: «Ледоломка», поэтический рассказ о трясогузке, «маленькой серой птичке - ледоломке», «Из записок о Мещере», «Первое путешествие в сказку», «Трубач» (три последние – о Мещерском крае на Рязанщине).

В сборнике «Иван-озеро» помещён рассказ «Старый пруд». Виктор Зайцев пишет о пруде недалеко от Прони, мимо которого часто ездили не рыбалку.

От местных жителей узнал он историю Марьяниного пруда, узнал о красавице Марьяне, влюбившейся в бедного парня, о том, как её жениха староста сдал в рекруты, а отец выдал дочку за сына богатого крестьянина. Муж Марьяны и построил дом вдаль от деревни и затопил дорогу, превратив её в пруд, отделивший его от других людей. Прошло много лет; узнав о возвращении со службы смертельно больного жениха, Марьяна ночью идет через пруд, чтобы хоть «через окно на любимого посмотреть». (3, с.58)

Не знала Марьяна, что её муж прорубь для полоскания белья приготовил, И, угодив в неё, утонула: «В народе разговор пошёл, что Марьяна русалкой стала и ночью по берегу ходит, плачет и стонет от горя. Вот почему рыбу в Марьянином пруду никто не ловит, боится её рассердить...»(3, с.58).

Автор пишет о том, что решив половить рыбу на пруду, заночевал на берегу. А ночью, когда вдруг началась гроза, он услышал странный «вой, похожий на женский плач, который исходил откуда-то из-под земли. Плач то удалялся и замирал, то становился явственно слышен...» (3, с.60)

В финале рассказа автор открывает тайну Марьяниного пруда: «Местный учитель географии всё объяснил: «Берега Прони в этих местах круты и каменисты. Белый известняк местами проступает на поверхность. В нём много пустот, карстовых пещер. Даже на полях карстовые воронки есть. Когда после сильного дождя вода устремляется под землю, то попадает в эти пещеры, она и создает гул, похожий на человеческий голос. И услышать его можно только лежа на земле». (3, с.60)

Великолепные рассказы В.Зайцева о природе опубликованы в историко-литературном альманахе «У истоков Дона»: «Окунёвое местечко», «Плотва», «Чибисята», «Куманика», «Груша», «Хорек», «Это многоликое бытие», «Иволга», «Встреча в пути», «Поединок», «Осенние зарисовки», «Родники».

В рассказе «Родники» есть такие строки: «Отведешь, не торопясь, из такого родника свежей, чистой водицы и прилив новых сил испытываешь, хочется без усталости шагнуть дальше, любоваться родной землей, а в голову приходят добрые и радостные мысли...»

Такие же мысли рождает и чтение произведений новомосковского прозаика Виктора Зайцева.

Памяти писателя посвятил проникновенные строки поэт

А.Вишневецкий:

Умолкла Пронь под толстым льдом,
Неспешно дремлют рыбаки,
Забыв о всех и обо всём,
На берегу Прони-реки.
И вместе с ними колдовал
Над лункой смёрзшейся воды
Писатель. Тот, что описал
Зимы неслышные труды.
Что пел на снежном берегу
Влюблённый в зелень по весне
И в запах лета на лугу,
И в сизый облак в вышине,
И в бестолковый гомон птиц,
И в дрожь по утренней росе,
И в песню иволги в лесах,
В неброской, ласковой красе.

Уснул писатель. Но слова
Кричат с открытого листа:
«О, жизнь, ужели ты права
В немом распятии креста?»

(1, с.26)

ЛИТЕРАТУРА .

- 1) А.Вишневецкий. Грани. Тула, 2002 г.
- 2) В.Зайцев. Повести о любви. Новомосковск, 1995 г.
- 3) Иван-озеро. Сборник произведений тульских писателей. Тула, изд. Дом «Пересвет» 2000 г.
- 4) На семи ветрах. Сборник стихов и прозы новомосковских писателей. Новомосковск, 1995 г.
- 5) У истоков Дона. Историко-литературный альманах, ч.1, Тула, РИФ «ИИФРА», 2001 г.

ВАЛЕНТИН КИРЕЕВ

Валентин Викторович Киреев родился 4 января 1949 в Болоховском районе Тульской области. Стихи писал с детства. Первым критиком его была мать.

Ей он посвятит позже такие строки:

*Спасибо, мать, за пламенную душу,
За строгую и верную любовь,
За то, что обо всем умеешь слушать,
За то, что в нас одна и боль, и кровь.* (1, с.16).

Закончив школу, Валентин Киреев работал на Богородицком заводе технохимических изделий, на комсомольской стройке «Нефтестрой «Дружба».

В 1972 г. приехал в Новомосковск. Работал на разных предприятиях города. Учился заочно в НФ МХТИ по специальности «Промышленная теплоэнергетика».

Последние годы работает преподавателем в учебных заведениях города.

С 1998 года Валентин Киреев возглавляет литобъединение «Новомосковск». Он является лауреатом Тульского областного конкурса поэзии, прозы, публицистики (1997г.), дипломантом Тульского городского литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина (1999), лауреатом Тульского областного конкурса, посвящённого 2000-летию Рождества Христова. Член Союза писателей России с 1998 года.

А впервые стихи и басни поэта, объединённые в сборник, увидели свет в 1993г.

Литературный «первенец» поэта был назван им «Запах меда».

Начинался сборник стихотворением, давшим «имя» книжке:

*Мне не забыть горячей песни лета,
Несу с собой сквозь череду невзгод
В истоках памяти прозрачный купол света
И запах мёда из пчелиных сот,
Дожди грибные, радугу над полем,
Таежный скрип просёлочных дорог.
Я болен детством и уже не волен
Шагнуть за детство, словно за порог!* (1, с.5)

Искренний, жизнерадостный взгляд на мир демонстрируют это и другие стихотворения первого сборника.

А ещё в нем заявлена одна из основных тем, волнующих автора.
Это тема Родины:

*Земля моя! От края и до края
Тебя и в мыслях не дано обнять,
И пусть я что угодно потеряю –
Одну тебя вовек не потерять!* (1, с.5)

В сборник «Запах меда» вошли стихотворения о природе, о человеческих чувствах, о современной жизни и ее проблемах, живые зарисовки с натуры.

В 1997 г. вышла 2-ая книжка Валентина Киреева, названная им «Я вернусь, деревня!». Все мы родом из детства, которое питает нас всю жизнь, дает своеобразный заряд оптимизма и бодрости.

Для Валентина Киреева детство – это деревня:

*Для меня деревня – родники и росы,
Жаркий запах хлеба, дедов дождевик,
Озорные песни, золотые косы,
Камышовый шепот, петушиный крик.* (2, с.4)

В этом сборнике много произведений, посвященных селу, его жителям, среди которых сегодня большую часть составляют люди преклонного возраста:

*Старики ...
Сколько муки в глазах и боли,
Да смиренность – всё в воле Божьей!
В огороды уткнулось поле,
Окольцованное бездорожьем.
У березы поникли плечи,
Ветер листья в пригоршнях носит,
В закоулки вползает вечер,
В проводах причитает осень.
А в избе, словно пятна, лица –
Как же жить – то, тудыт их в лапоть...
На взбухающие половицы
С потолка продолжает капать...* (2, с.5)

Нет у стариков сил, чтобы поправить свалившуюся трубу и прекратить эту «капель».

Стихи о Родине, родной стороне пронизывают грусть и тревога:

*Спит моя забытая деревня
 В горьких думах стариков и вдов,
 Тишина дремучая и древняя
 В шелесте заброшенных садов.
 Покосилась грустная ракита
 На краю заброшенного пруда,
 По живому зелёную зашитая,
 Молча плачет мертвая вода.
 Словно плесень, паутина скуки
 Затянула капли родников,
 А кусты малины тянут руки
 К обожжённым ключьям облаков!... (2, с. 3)*

Поэт назвал это стихотворение «Летаргия». Заброшена, забыта деревня, нет в ней хозяина. А дом без хозяина – обречён. Отсюда и художественно-образительные приёмы: например, система эпитетов, – думы «горькие», тишина «дремучая», ключья облаков «обожжённые». Все печально, неухожено, ни в чем нет лада. Используя прием олицетворения, поэт усиливает эмоциональное звучание стихотворения: забытая деревня «спит»; мёртвая вода «плачет», по живому зелёную «зашитая», кусты малины «тянут руки».

«По живому зелёную зашитая» – метафора, подчёркивающая, что пруд погибает, т.к. его затягивает ряса.

Спит деревня, но не здоровым, а страшным летаргическим сном.

Несмотря ни на что, поэт влюблён в свою родину, где

*Над родником о чём-то шепчут клены,
 Торопятся куда-то облака. (2, с. 4)*

Ей он посвящает многие стихи своего 3-его сборника «Точка света»: «Корни», «Деревенский поэт», «Русь державная», «Русь» и др.

Матери поэта посвящено стихотворение «Тревога»:

*За рекой к горизонту уходит дорога,
 На зелёной ладони земли – колея.
 Рот ладошкой прикрыв, ты стоишь у порога
 И кровинку свою ждёшь, старушка моя. (3, с. 50).*

Поэт в сегодняшней России – это человек, драматически переживающий все происходящее:

*Ни коня, ни меча, ни шелома,
 Крест нательный пошёл за долги,*

*На развалины отчего дома,
Как на падаль, слетелись враги.*

*Эх, мужик, одурачен, изломан,
Всё молчишь, да сопишь, простота,
Да очнись же ты – в царских хоробах
Распинает Иуда Христа!* (3, с.62)

Причину случившегося с нашим Отечеством Валентин Киреев видит в безверии, прсазившем страну:

*Не извечная грязь бездорожья,
Не хмельная слезливая грусть –
Губит нашу Отчизну безбожье,
Оскверняет безверие Русь.* (3, с.72)

А в стране без веры легко уживаются всякие аномалии с остатками нормального бытия. Об этом и пишет в своих остроумных и актуальных баснях В.Киреев. Они посвящены легко узнаваемым «героем» дня: «Осел – депутат», «Демократ», «Фермер» и др.

В.Киреев пишет о любви, её радостях и невзгодах, о её не всегда счастливом финале: стих. «Любовь терпелива», «Я постерегу», «Ненужная сказка» и др.

«Намолчу о любви» – так поэт назвал раздел, открывающий книгу «Начало отсчёта», увидевшую свет в 2001 г.:

*Я пишу о любви не словами трескучими,
От истрепанных слов умирает строка ...* (4, с.13).

Любовь, считает В.Киреев, не прощает непонимания:

*Помнишь осень? Низко плыли тучи,
Часто барабанил в крыши дождь,
Ты тогда сказала: «Будет лучше,
Если ты простишься и уйдёшь».*

*И тропинкой к дому побежала,
Встала на крыльце и замерла,
Жаль, что сердце мне не подсказало:
Ты не прогоняла, ты – звала.* (4, с.21)

В разделе «Запах меда» поэт помещает стихи о родине, о природе. Сам он признаётся в том, что лучше всего ему работаетя в деревне:

*На деревне воздух чище,
Разговорчивей река,*

*Там сама поэтa ищет
Задушевная строка.*

(4, с.75)

Часто поэт вспоминает тропинку к родному дому:

*Усталое сердце в деревню по-прежнему рвется,
Туда, где в тумане ржавеют стогов сухари,
Где к дому тропинка, как нить путеводная вьётся,
Где можно прижаться к малиновой щечке зари.*

*Где каждый готов поделиться и кровом и хлебом,
Где правды понятны и двери не знают замков,
Где всем одинаково дороги солнце и небо,
Где нет у природы ни пасынков и ни сынков*

(4, с.79)

Родная сторона мила поэту в любое время года:

*Люблю твои закаты и рассветы,
Когда ты мокрой осенью одета
В задумчивую, золотую грусть.*

(4, с.81)

А осень в городе – у поэта другая:

*Осень – серая, мокрая лошадь.
Под попоной из серых кружев,
Прискакала на серую площадь,
В мостовую вбиваю лужи.*

(4, с.84)

Третий раздел сборника «Начало отсчёта» – «Как я пишу» – это поэтический рассказ о творческой лаборатории В.Киреева. Здесь, наряду с шутливыми, есть и серьёзные стихи о поэзии:

*Я пишу, как кричу, пусть простуженным голосом,
Пусть срываюсь на стон, захлебнувшись в тоске,
Просто в жизни моей – чаще чёрные полосы,
А из светлых тонов – только прядь на виске.*

(4, с.137).

В поэтическом разделе «Не спросили» В.Киреев размышляет над проблемами сегодняшнего дня. Об этом – стихотворения «Крик души», «Шестидесятники», «Русь державная», «Стыдно», «Не спросили», «Срамота», «Не бейте упавших», «В ответе» и др.

Последнее стихотворение как бы итоговое в этом разделе:

*В своей стране мы все за всё в ответе –
За каждый клочок неспаханной земли,
За то, что детства не имеют дети,
За всё, чем жили и не сберегли.*

*За пни от елей, пущенных на доски,
За срубленную иву у пруда,
За то, что землю топчут «отморозки»,
Без совести, без чести и стыда!*

*За родники, заросшие осокой,
За трусость, как ее ни назови!
За то, что можно пошло о высоком,
За то, что можно гнусно о любви. ... (4, с.163)*

Следующий раздел сборника «Начало отсчёта» называется «Дорогим и любимым». Среди адресатов этого раздела – Николай Старшинов, «воин и поэт», Валерий Маслов, тульский писатель, Юрий Никулин, Надежда Садовская, Владимир Солдатенков и, конечно, самый дорогой и любимый человек – мать поэта.

В разделе «Посиделки» помещены шуточные и сатирические стихи на разные темы.

В предисловии к сборнику руководитель тульской писательской организации поэт В.Пахомов написал: «Начало отсчета» – так назвал свою уже четвертую книгу новомосковский поэт, член Союза писателей России, Валентин Киреев. Действительно, автор только с четвертой книги начинает серьезный отсчет своего творчества – редкий случай для, как правило, самолюбивых стихотворцев.

... от книги к книге заметно растёт его мастерство, что в полной мере отразилось в новом сборнике талантливого поэта земли Тульской».

Пятый сборник стихов поэта «Я сугубо земной» вышел в 2002г. Его составили стихи, созданные в последние годы. В.Киреев остается верным своей Музе.

Он пишет о современности, её не очень весёлых приметах (стих. «Приехали», «Чубайсу», «Не простят», «Пора проснуться», «Твари», «Наполеонам местного значения», «Сказка – ложь, да в ней намек», «Здесь раньше пахали»); о смысле человеческой жизни, её радостях, бедах, любви (стих. «Трясина», «Лохотрон», «Смейся – не хочю», «Авось»); о писательском ремесле (стих. «Эпитафия», «Если полуаются стихи», «Грызу перо», «Чудной»).

В разделе «Остановись, прохожий» говорит о себе и друзьях – литераторах.

Сам себя поэт оценивает так:

*Я сугубо земной, деревенский мужик,
Как у нас говорят, «от сохи»,
Ко всему притерпелся, втянулся, привык
И теперь сочиняю стихи. (5, с.95).*

*Верую восторженно, неистово,
Небольшой, но искренний поэт:
Чувство Родины – единственная истина,
Истиннее не было и нет!* (5, с.100).

Последний раздел поэт назвал «Сокровенное», т.е. самое святое, особо охраняемое, душевное.

А что же поэт считает таковым? Любовь, не очень счастливую, ранящую и всё-таки не забытую, простые человеческие радости, которые и составляют счастье людское.

Произведения Валентина Киреева отличаются редкой лиричностью и мелодичностью. «Некоторые из стихов положены на музыку самыми разными композиторами», - написал в предисловии к сборнику «Начало отсчёта» ответственный секретарь Тульской писательской организации, секретарь правления Союза писателей России Виктор Пахомов.

Музыкальные произведения, созданные на стихи поэта Н.Садовской, А.Топчим, Ю.Романом, С.Игольницыным, Ю.Тамаровым, М.Албановым, собраны в песеннике «Приходи». У Валентина Киреева есть маленькое стихотворение:

*Мне судьба отмерила три вишнёвых дерева,
Два куста смородины, лису у крыльца,
Да ещё полынную путь – дорогу длинную,
Да черты приметные русского лица.* (3, с.42)

И еще судьба отмерила ему талант, общительность, интерес к людям, доброжелательность, умение прийти на помощь начинающему таланту. В.В.Киреев ведёт большую общественную работу, является автором слов «Гимна Новомосковска», он часто выступает перед различными аудиториями, пропагандируя творчество членов литобъединения, занимается редактированием и выпуском литературно-музыкального альманаха «НЛО», а также руководит городской школой молодого поэта.

Вот такой он – поэт Валентин Киреев.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) В.Киреев. Запах мёда. Новомосковск, 1993г.
- 2) В.Киреев. Я вернусь, деревня! Новомосковск, 1997г.
- 3) В.Киреев. Точка света. Тула, 2000г.
- 4) В.Киреев. Начало отсчёта. Тула, 2001г.
- 5) В.Киреев. Я сугубо земной Тула, РИФ «ИНФРА», 2002г.
- 6) Приходи. Сборник на стихи В.В. Киреева. Тула, РИФ «ИНФРА», 2002г.

ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ

«Что за непонятное диво в этих простеньких новеллах, какая непостижимая магия письма!»

(2. С.3) – сказал о прозе нашего земляка

В. М. Кузнецова писатель Евгений Носов.

Вячеслав Михайлович Кузнецов родился 9 марта 1939 года в посёлке Дугна Калужской области. После окончания школы работал в Калуге токарем, шофёром. Затем были педагогические курсы и работа учителем в школах Тульской области.

Писать В. Кузнецов начал в 60-е годы. В 1971 он был участником зонального семинара молодых литераторов центра России, проходившего в Туле. Рассказы В. Кузнецова печатались в журнале «Наш современник», в центральных, областных газетах, в коллективных сборниках Приокского издательства.

В 1980-ые годы в издательстве «Современник» выходит сборник рассказов «Камень у крыльца», в 1993 году в Новомосковске – книжка «Годы старшего брата» (повесть и рассказы).

В 1999 году увидела свет очередная книга писателя – «Сны о доме». В неё вошли новые рассказы и повести. Для творчества В. Кузнецова характерна постоянная работа с текстом. Он непрерывно шлифует его. В новые произведения, более совершенные по исполнению, он вводит самые удачные фрагменты из старых.

«Окрестности рассказа», так называется одно из произведений сборника «Сны о доме», как бы приоткрывают дверь в творческую мастерскую писателя. Главный герой повести Агеев и внешне и обстоятельствами жизни напоминает автора. Агеев – «молодой литератор», к 35 годам имевший «2 публикации в центральный журналах, ... 2 книжки рассказов» (2. С.128).

Автор повести сообщает о герое: «Приступал он к новому рассказу тяжело, будто идя на пытку, тратил много душевной энергии, эксплуатируя в основном память детства, память чувств. Но вот жизнь теперешняя, сегодняшняя редко возбуждала писательский нерв Агеева, вернее, он терялся: что из повседневности можно организовать в рассказ?» Это можно отнести и к творчеству самого Вячеслава Кузнецова.

В аннотации к первому сборнику писателя «Камень у крыльца» говорится: «Герои рассказов Вячеслава Кузнецова – сельские жители, ребяташки, мужающие в трудные послевоенные годы, их самоотверженные матери, солдатские вдовы, старики, труженики приокских земель». (1. С.6)

Уже сами названия рассказов говорят об их содержании: «Картофельный праздник», «Яблочный Спас», «Дожди», «Новые валенки», «Первая школа», «Песня для мамы», «Речной лёд», «Возвращение в сны», «Речной шторм», «Детская любовь», «Мокрый снег» и т.д. Но о чём бы ни писал В. Кузнецов, он «с любовью и добрым участием рассказывает... о жизни своих больших и маленьких героев».

(I. С. 6)

Рассказы В. Кузнецова пронизаны радостью жизни, каждого её мгновения. Эта радость и удивление всему, что даёт жизнь, свойственно нам только в детстве, где на восприятие нами окружающего мира ещё не накладывается груз взрослых проблем и взрослой жизни.

Люди и события в рассказах В. Кузнецова просты и обыденны. Автор далёк от желания развлечь читателя, но он хотел бы поделиться тем чистым, сокровенным, чем было отмечено его детство.

И он рассказывает с детской непосредственностью о людях, встреченных им в начале жизни, о том, чем живёт душа ребёнка, о её впечатлениях. Прав был Евгений Носов, когда-то написавший о рассказах В. Кузнецова: «А сколько воистину человеческого чувства бьётся в них, какая чуткость ко всему сущему, какое неиссякаемое сострадание и сочувствие к нам, человекам грешным. И это – не в общем потоке современной молодой прозы, в основном грамотной и неглупой, но какой-то расчётливой и компьютерной. Кузнецов – весь сам по себе».

(I. С. 34)

«Сам по себе» в данном случае лишь означает, что наш земляк имеет свой собственный взгляд на мир, которым он и делится с читателями.

В детстве все мы воспринимаем жизнь как праздник, где каждый день приносит подарок – открытие чего-то, чего мы ещё не знали или не ощущали.

И даже уборка картофеля становится праздником. И вот – кульминация его: «Уже выстраиваются в ряд неуклюжие мешки на межах». (I. С. 3) Читая эту фразу, вдруг припомнишь строчки из стихотворения друга В. Кузнецова Владимира Суворова, посвящённого всё той же «картофельной эпопее»:

Паутиной перевита

Спит земля. Горят костры.

И вдали мешок забытый

Словно суслик у норы. (А. С. 59)

Наверное, не случайно дружили эти люди – поэт и прозаик. Проза тоже может быть поэтической, что и подтверждает творчество В.

Кузнецова. Рассказ «Картофельный праздник» заканчивается на высокой лирической ноте: «Мы еле таскаем вёдра и ноги. От низкой лампы наши огромные тени мелькают по стене, ломаются и встают тёмными столбами в паутинно-чердачной пустоте, - беззвучно мечутся, живут своей, отдельной от нас жизнью...

Усталые сядем за стол. И поздний ужин будет праздничным, необыкновенно вкусным»... (I. С. 14)

У кого в детстве не было лазаний по чужим садам. Сколько эмоций, от ужаса до щекочущей нервы особой напряжённости, довелось когда-то испытать многим. Об этом рассказ «Яблочный Спас». Но не только, ещё о первой встрече мальчишки с женской наготой.

В саду Алик, один из героев рассказа, видит спящую девушку: «Алику были видны её щека и затылок, грудь и полные обнажённые ноги, чуть прикрытые сорочкой. Стыдливо и восхищенно рассматривал Алик спящую. Он забыл обо всём. Сердце билось по-птичьи легко и беспорядочно часто, вдруг исчезало и вновь выпархивало». (I. С. 20)

Об интимных чувствах В. Кузнецов пишет так, как ощущают их его герои – Алик поражён увиденным, но не хочет делиться этим даже с другом Юркой. «Выйдя на стёжку, пошли спокойно. Позади было тихо.

- Что, с ружьём, да? – допытывался Юрка.

- Ага, в шалаше, - стеснительно врал Алик» (I. С. 20)

Проза В. Кузнецова чиста по замыслу и исполнению, чиста той безоглядной верой миру, которую мы имеем только в детстве. В этом смысле всё творчество этого талантливого писателя «родом из детства».

«Живые тени» прошлого будоражат память В. Кузнецова, питают его творческую мысль, помогают сделать живыми образы людей, с которыми автор был когда-то знаком.

Это и 2 сестры, женская судьба которых не состоялась из-за войны (рассказ «Сёстры»), и Груня (рассказ «В глубине старой фотокарточки»), которая мается с 4 детьми и непутёвым мужем – гулякой, и фронтовик, рассказывающий историю о том, как чуть не утонул в новых валенках его «неласковый, зыркватый» 12-летний сын Васька, военный «подранок», которого «детство-то ... укутало той жизнью». (I. С. 79)

✓ Герой рассказа «Последние сны» Прокофий, сухорукий инвалид, в годы войны единственный мужик в деревне, а после – вдовец с детьми, женившийся на Арине, тоже из детства писателя: «До немощи, до 68 лет, работал конюхом Прокофий. Был он сутул, плечист, высок. И сила когда-то играла в нём – мешки, случалось, под мышками таскал. Пил

Прокофий без меры, но без похмелья – слабости такой не имел. Слыл матерщинником, но незлобивым – был весь на виду». (I. С. 85)

Герои рассказов В. Кузнецова – не ангелы, они живые, простые люди, иногда внешне неказистые, но не злые, не завистливые. Они просты той сложной простотой, которую являет нам сама природа: земля, вода, небо.

Смерть Прокофия (рассказ «Последние дни») лишена какого-то показного трагизма, она естественна. Герой уходит из жизни тихо, как бы незаметно, так же, как жил. Но тем тяжелее это испытание и для вдовы Арины и для нас, читателей: ведь именно эти «незаметные» люди и есть та «соль земли», без которой не быть России. Арина принимает жизнь с мудрой покорностью, отличающей русского крестьянина: «Но не заснуть Арине: натруженные, иссохшие руки станут развиваться, ломить, безмолвно и долго будет греметь она сухими поленьями, перекладываясь с боку на бок в поисках покоя – без мысли, без желаний, без обиды». (I. С. 90)

✓ А вот живая, будто сошедшая со страниц русской сказки, бабка-травница (рассказ «Хлопотливая»): «... Я гляжу на неё и словно попадаю в нечаянную тень, будто остановился у входа в сельский погребок, откуда тянет прохладой сырой земли, рассолом, картошкой». (I. С. 91)

Маленькая, выразительная зарисовка создаёт почти эпический образ Матери Сырой Земли, когда-то существовавший в сознании наших далёких предков. Сколько ещё таких старушек живёт на Руси! Они хранят народную память, народную мудрость.

✓ Рассказ «Сказочный час» – это повествование о матери, оставившей родной деревенский дом и вынужденной уехать в город к сыну: «... в сиротски пустом родном доме остались ржавый скелет кровати, самодельный стол, кухонная дубовая тумба-кладовка, чёрный бумажный конус радио на стене, худая кружка, ржавое ведро, коромысло – да мало ли всего-то – и сундук, в который сложили книги, вдруг найденные под кроватью, в чулане». (I. С. 110)

Герой рассказа, видя свою мать, читающей те же стихи, сказки, что когда-то и ему в детстве, но теперь уже внуку, делает вывод: «И то, что матери не смогли дать детям, бабушки дарят внукам. Сказкой начинается человек». (I. С. 116)

И хотя в рассказе чувствуется некая горечь героя, на которого у матери когда-то не хватало времени, всё же основная мысль рассказа – это непрерывность жизни, извечная жажда её продолжения и обновления, связь поколений.

Автор пишет о своих героях с чувством первооткрывателя

человеческой души, её непростых загадок.

✓ Михаил Ильич из одноимённого рассказа способен задумываться и над не очень простыми вопросами: «В январях-то этих последних в лесу мокро, кисель вместо снегу, а вот позавчера мужики могилу копали, говорят, что на цельный метр земля вглубь промёрзла... Ай солнце стынуть начало?!». (I. С. 118)

А вот рассуждение Михаила Ильича о зайцах и человеческой природе, заметим, не без юмора: «... в беде, значит, он друг человеку, а как нет опасности кругом, он тогда и от человека подале – и правильно. У него ведь шкура-то одна, хошь и цвету в поры разные; а человек всякий встречается: какой и шею сразу свернёт». (I. С. 119)

Герой рассказа после разговора с Михаилом Ильичом размышляет: «Неграмотный! И вместо положенного сожаления об этом, я вдруг почувствовал радость. Так вот отчего так хорошо слушать его! Разговор его самобытный, общение радостное, мысли бесхитростные. Ведь не убыло в нём человеческого! И в разговоре он промашки не даст – всё просто, ясно, по разумению его». (I. С. 122)

Самобытны и бесхитростны все герои В. Кузнецова. «Ведь и о солнце-то Михаил Ильич заметил не от прочитанного (как я было подумал), а от первобытного ощущения, что вот оно светит и греет и жизнь стережёт; ведь ночами-то, если вовремя не слетит к нам сон, от крошечной тьмы без солнца и приходят к нам тревоги и страхи. Но, верно, каждый человек когда-либо в жизни своей хоть однажды тревожно думал: «А что, если завтра солнца не станет, не будет?!». (I. С. 123)

Михаил Ильич – участник войны, инвалид. После нескольких контузий он оказался ещё и заваленным землёй во время артобстрела. После того как его откопали, «он безмерно радовался, что жив «ядрёна мать», и плакал, и на радостях позже всех заметил, что руки его всё время трясутся и будут трястись всю остальную жизнь». (I. С. 123)

После общения с этим человеком герой рассказа, от лица которого ведётся повествование, приходит к выводу: «Да ведь не я ему в помощь, а он мне! Он даёт мне пример трудного и мужественного исполнения жизни». (I. С. 125)

✓ Под стать героям и русская природа в рассказах В. Кузнецова. Она так же скромна, непритязательна и в то же время прекрасна. Пейзажные зарисовки в прозе писателя просто великолепны. А рассказы «Дожди», «Речный лёд», «Большая вода», «Мокрый снег» по уровню не уступают лучшим образцам русской классической прозы.

Рассказ «Дожди» с описанием постепенного рождения грозы,

переходящей затем в монотонный дождь, потрясает своей невероятной выразительностью. Автору удаётся мастерски передать цвет, звук, состояние атмосферы, накалённость ожидания грозových разрядов и то, как стихия, обессиленная собственной мощью, постепенно затухает, переходя в надоедливый тихий дождик.

Читая этот рассказ, испытываешь и предгрозовое томление, и ужас от разверзнувшегося неба, и сонливость, нападающую после эмоционального потрясения, вызванного грозовой стихией. И вспоминается гроза в «Детстве» Л. Н. Толстого и грозы собственного детства с их странной очищающей свежестью.

«... выгоревшая синь неба высока, ярка, только на западе мглистая белёсая муть у горизонта. Неожиданно и резко настаёт перемена. Вдруг в минуту налетит порывом ветер (захлопает бельё, застучат ставни), погонит кур, раздувая их хвосты, закричат радостно и суматошно гуси. И вдруг увидишь, что полнеба уже охвачено грозовой тучей, мглой. Какой трепет охватывает всю природу: и траву, и деревья, и птиц, и животных; как возбуждены и торопливы люди.

На улице уже сумрачно. С первыми тяжёлыми каплями дождя убежишь в дом. В комнате темно».(I. С. 45)

Но вот новая стадия: «Раздаётся треск и гром обвала.

Что ужаснее этого звука раскальвающегося неба! А между тем он пьянит сатанинским восторгом. Вновь комната озаряется вздрагивающим сиянием, и вновь несутся, организуя мир в нечто громадно-каменное и дробя, сокрушая его, громовые раскаты.

А затем из тишины проступит глухой шум дождя и звук разбивающейся струи с крыши. Гроза кончится. Ещё будет вдали погромыхивать, но уже посветлеет. Обрадуешься, подумаешь – уже проходит... Но нигде нет просвета – всё в ровной, серой пелене, дождь не затихает...».(I. С. 46)

И, наконец, всё переходит в «дождливый шёпот»: «А снаружи всё тот же глухой дождливый шёпот, но кажется – посветлело. Подойдёшь к окну, посмотришь на реку. Там особенно ненастно плещет дождь, кажется, река переполнена и затопляет берега. На огороде всё прибито дождём».(I. С. 48)

В рассказе «Речной лёд» автор описывает чудо встречи с первым льдом: «И вот он – лёд. Его зеркальная свежесть усеяна камнями, огородными кочерыжками, земляной россыпью. На середине реки ещё густо рябит и плещется у кромок, а дальше вновь ослепительная яркость льда...

...бросишь камень, другой, послушаешь: тё-тё, зи-и, и

увлечёшься, забыв обо всём, одним желанием возобновлять эти уходящие вдоль по реке до самого леса чистые звуки льда». (1. С. 159)

Ока стала героиней рассказа «Большая вода»: «Выйдешь из последнего бугристого поворота на Окский луг и тут почувствуешь зябкую дрожь большой воды, сырой ветер, холодный блеск мутного стремленья, необыкновенную ширь. Какая невыразимая даль! И прорыв в новые дали за речным поворотом означает пустым коридором лесных берегов уже невидимой реки.

Ещё плывут на середине последние льдины, брёвна, доски, но кончился шумный праздник вешних вод – последним утренним сном отлетел». (1. С. 180)

И первый снег воспринимается как повторяющееся из года в год чудо: «Наутро выпал первый снег. Он падал безветренно – прямо, тихо, большими хлопьями, влажно-липкими, и так густо, что в минуту облепливал прохожих с головы до ног.

Снегопад скоро кончился, а небо осталось таким же ватно-серым, низким, и к обеду так же, как и в прежние дни, заморосило бесконечно, нудно холодным ноябрьским дождём». (1. С. 181)

В 1993 году в Новомосковске была издана книга В. Кузнецова «Годы старшего брата» (повесть и рассказы).

«Годы старшего брата» – это повесть о детстве героя, от лица которого ведётся рассказ. «Были дни, когда я ещё не помнил брата. Но плакал я тогда не о брате, я пел в слезах маму, которая одна и могла утешить, приласкать, стоило ей только явиться из каких-то запредельных далей...

... Но порой тебя тискали не по-матерински, непривычно грубовато, отчего ты заходил в долгий, младенческий надсадный крик – тут верно не память, но первое ощущение братской «нежности», в часы, когда матери дома не бывало», – так начинается это произведение. (2. С. 5)

«Годы старшего брата» – это повесть не только о детстве, но о постепенном взрослении главного героя, о роли старшего брата в этом нелёгком процессе. Русская литература знает не одно произведение, посвящённое такой сложной и неоднозначной поре, как детство. Это и одноимённая повесть Л. Толстого, «Детство Никиты» А. Н. Толстого и др.

Все эти произведения отличаются острым психологизмом, особой поэтической атмосферой и свежестью чувствований.

Все эти черты присущи и повести В. Кузнецова, с той лишь разницей, что речь идёт о трудном послевоенном детстве мальчишки

20 века.

Когда читаешь повесть, приходит ощущение, что это яркий праздничный калейдоскоп. Мы, послевоенные дети, ещё застали эту игрушку. Поворачиваешь картонную трубку, прижатую к глазу, и через маленькое отверстие видишь на противоположном конце её, как складываются из разноцветного стекла причудливые узоры, каждое мгновение – новый.

Так и в повести В. Кузнецова. Она сложена из отдельных фрагментов – воспоминаний, из самых ярких эпизодов жизни двух братьев.

Сначала мы узнаём о реалиях послевоенной жизни. Герой носит пальто брата, который не отличается примерным поведением: срывает урок, стреляет бумажными катышками в нового ученика Славу, сына работницы райкома. Старший брат рано повзрослел, потому что была война и отец героев повести погиб на фронте.

Вот брат болеет, а после него заболевает и сам герой, которому вырезают гланды и из-за этого мать впервые покупает ему мороженое в городе.

Герою повести старший брат представляется сильным, смелым, независимым. Он заступает за Пашу, которого бьёт мальчуган, по кличке «Хрипчатый». А потом герой попадает вместе с братом в пионерский лагерь, где случается драка его старшего брата с городским верховодом Марковым: «... брат стал оседать, всё ниже держась за блестящие верха кровати, и, не поняв, что произошло, я испугался, увидев слёзы на лице брата... Брат медленно встал на ноги, отвернулся, и я почувствовал боль каких-то мужских обрезающих горло слёз у себя в груди, раздирающую боль сухих слёз – я не смел заплакать. Это была первая схватка бесхитростного поселкового драчуна с городским». (2. С. 45)

Взрослеет главный герой повести, и его брат – тоже. Вот мать купила ему мужское пальто, предмет тихой зависти младшего. Брат начинает участвовать «во всех затеях» нового учителя физики, и кроме того, он оказался самым «дейтельным устроителем школы». (2. С. 55)

Взросление и мужание старшего брата сказывается и в его отношении к герою повести: «Брат стал неразговорчив, ко мне относился молчаливо внимательно, будто присматривал за мною или охранял. Но это казалось случайным, неважным». (2. С. 56)

Осенью, после окончания семилетки, брат уехал учиться на механизатора: «Я стал как-то тяжело чувствовать разлуку с братом, своё домашнее одиночество». (2. С. 58)

Зимой главного героя чуть «не измучил» ровесник Игорь,

сказав попутно: «...а жаловаться теперь идти не к кому,» – намекая на отсутствие старшего брата. (2. С. 58)

Обиженный герой приходит домой: «Дома, успокоившись, я посмотрел на себя в зеркало особенно внимательно: отрочески припухлое, прыщавое лицо, короткий нос, большие уши, толстые губы – и почувствовал, как глаза наливаются обидой.

Но в душе зарождалась какая-то непокорность внешности – и взор яснел, зрачки ширились радостью жизни». (2. С. 58-59)

Но вот брат приезжает с другом на несколько дней. И героя повести поражает новое, мужское во внешности и поведении брата: «Вечером на огороде, на турнике брат показал своё умение: делал махи, подьёмы на прямые руки ... чувство силы и неутомимости радовало, возбуждало его, играло в нём. Я смотрел на него, видел брата, а чувствовал юношу, незнакомца, имеющего какое-то счастливое отношение ко мне». (2. С. 59)

Но радость свидания оказалась недолгой. Брат снова уезжает на учёбу. Он бодр, возбуждён, чувствует свою взрослую значимость. А что же младший? «У меня на глазах, не поддающихся весёлой игре, всё более появлялся вопрос - крик: а как же я?!». (2. С. 60)

Печалью веет от финала повести: «Я не знал, да и брат тоже, что Шамардино, куда он возвращался, будет уже ему полустанком и скоро оттуда он уедет на Алтай, на работу трактористом, и что свидимся мы не скоро». (2. С. 60)

Евгений Носов написал о рассказах В. Кузнецова, что они «бессюжетны начисто». (2. С. 4)

Наверное, потому, что не внешнее интересует его в человеке, а внутреннее. Прозу В. Кузнецова можно, по праву, назвать психологической, где главное не событие, а состояние (человека, природы, вещного мира). И ещё писатель скуп на слово, он не увлекается изобразительностью ради неё самой. Но это не скупость жадного, это творческий приём, один из отличительных признаков стиля В. Кузнецова.

Автор пишет о трудных послевоенных годах, когда большинство людей жило без лишнего, а иногда и без необходимого. Вещный мир в его прозе отражает трудный послевоенный быт и в то же время он опозитизирован. Вот герой повести просыпается после грозы: «Вдруг займут твоё внимание предметы комнаты; их недвижимое таинство жизни. Комод, стол, самовар, лёгкий скрипучий венский стул, обитый железными полосами сундук.: Как это я не замечал их? И что это значит – «комод»?

«Комод» ... «комод» ... какая-то бессмыслица, нестижимость. Ты начинаешь повторять слово «сундук». И тоже чувствуешь потерю, разорванность связи. Будто имя всего лишь знакомая маска, за которой проступает что-то совсем неназванное, таинственное. Ты смотришь на предмет с напряжением нарастающего испуга и, будто испытав тебя, безымянное вновь уходит, замыкается в себя, вновь обретая привычность маски – имени. Имя как пугливая душа предметов, смущённая вниманием, прячется, отлетает». (2. С. 47-48)

В прозе В. Кузнецова покоряет именно таинственная недосказанность. Его слово обладает этим магическим качеством, доступным немногим.

Евгений Носов написал о рассказах нашего земляка: «... местами шершаво и хочется что-то поправить на свой манер, а не могу, рука не поднимается: всё хрупко и неприкасаемого, как тонкое стекло». (2. С.3)

«Шершавость» прозы В. Кузнецова скорее достоинство, чем недостаток. Ибо именно эти языковые «шершавости» создают неповторимый облик его прозы, действительно хрупкой и прозрачной, как осенний лес над Окой, любимой рекой детства писателя.

В рассказе «Жизнь слов» В. Кузнецов размышляет над творчеством Л. Толстого, его ролью в собственной жизни. Он пишет о феномене слова: «По языку, по его древним, архаичным формам можно будет восстановить мироощущение, впервые выраженное в звуках, звукосочетаниях, словах». (2. С. 190-191)

И о языке В. Кузнецов пишет не как сухой учёный-лингвист, а как поэт: «Задумаешься над глаголом отверзать. Отверзать уши. Отверзлась – твердь земная. Уста отверзлись».

И тут, следуя за значением вглубь, почувствуешь вдруг образ этого глагола. Была земля первобытная для Человека, дремучая, горбатая и хлябью проступающая. И было небо, часто сумраком сокрывающее ясный лик свой, и тогда карой кому-то невидимому метало оно гнев громовой. А случалось, будто чудище подземное пробуждалось, и тогда задрожит, заходит всюду земля, вздыбится камнем и отверзнется, и смрад горячий изыдет из чрева её». (1. С. 191)

Прозу самого В. Кузнецова отличает поэтичность, особая неспешность, бережное отношение к слову.

Скупость выразительных средств компенсируется внутренней наполненностью слова, В. Кузнецов придерживается золотого правила: «Краткость – сестра таланта». Действительно, в его прозе нет ничего лишнего, в этом она чем-то сродни пушкинской.

Евгений Носов когда-то совершенно справедливо написал о

нашем земляке: «Читать Кузнецова нельзя в трамваях или в ожидании приёма врача – при таком чтении он не произведёт должного впечатления... Нельзя читать его и залпом. Это та высококонцентрированная образность письма, которую следует потреблять по абзацам, наслаждаясь неожиданной свежестью и обезоруживающим откровением». (2. С. 4)

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Кузнецов В. Камень у крыльца. – М., Современник, 1980.
- 2) Кузнецов В. Годы старшего брата. – Новомосковск, 1993.
- 3) Кузнецов В. Сны о доме. – Новомосковск, 1999.
- 4) Суворов В. Тебя мы звали домом. – Новомосковск, 1992.

АЛЕКСЕЙ ЛОГУНОВ

Алексей Андреевич Логунов родился 28 марта 1939 года в деревне Черемушки, неподалёку от Куликова поля. Это героическое и вместе поэтическое место сыграло особую роль в судьбе будущего писателя.

Наверное, поэтому и стихи сочинять начал А. Логунов еще в детские годы. Первое стихотворение было опубликовано в газете «Молодой коммунар», когда автору исполнилось 15 лет. Называлось оно «Среди полей родных»:

*Выхожу я в полюшко родное,
И в лицо мне веет ветерок.
Все здесь с детства сердцу дорогое:
Каждый клин, лощинка, бугорок ...
Я вот здесь, среди полей, родился,
Подрастал, с ребятами играл.
На полях работать я учился,
В поле я – о будущем мечтал.
Я с душой пашу и боронюю,
Не беда, что сильно устаёшь.
А как встретишь в поле звеньевую,
В один миг как будто отдохнёшь.
Хорошо бы с этой звеньевой
Вечерком по полю побродить...
Пусть растут хлеба, встают стеною,
Далеко за счастьем – не ходить!*

Сам Алексей Андреевич считает это стихотворение точкой отсчёта в своём творчестве: «Это моё первое стихотворение, с которого отсчитывается мой литературный и трудовой стаж – 50 лет!» После окончания школы А. Логунов работал в Новомосковске строителем. В 1962 году он поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького.

В 1966 году в Приокском книжном издательстве вышла первая книга Алексея Логунова. Это был сборник с поэтическим названием «Голубые острова». Его составили стихи о деревне, рабочей молодости поэта, о районной газете, где он затем работал. Эти автобиографические по сути стихи были отображением того времени, которое отличалось особой энергией и энтузиазмом.

Уже в первой книжке А. Логунов проявил себя как самобытный поэт с искренним, по-детски чистым взглядом на мир. Таким взглядом смотрит он на землю:

*Земля была всё лето теплой,
По-женски ласковой была,
И каждый день до ночи тёмной
Справляла разные дела.
Она хлеба кормила грудью,
В корзины сыпала грибы,
Дышала в лица потным людям
У недостроенной избы.
Потом лежала тихо, немо
В голубоватом свете звёзд...
Под синим одеялом неба
Так хорошо земле спалось!
Теперь другое:
Тучи, лужи,
Давно острижены поля.
Но ты ничуть не стала хуже
И осенью, моя земля!
Цветут последние ромашки,
Синеют новых изб глаза,
И, как ребята первоклашки
Стоят румяные леса.*

(1, с. 11)

В первом сборнике Алексей Логунов как бы нащупал основные темы своего творчества. Став автором многих книг, он не изменил своей главной теме – теме крестьянкой России.

А. Логунов уже в первой книжке создал собственной поэтический мир, где «лопухи, будто уши, любопытные уши весенней земли», где «стоит изба, как выпущенный колос», где природа ждёт «дождя проливного, поющего молодого». (1, с. 2, 13, 14).

В 1979 г. в Детгизе вышла книга рассказов «Мой пшеничный сноп», за которую А. Логунова приняли в Союз писателей СССР.

В 1982 г. в этом же издательстве вышла ещё одна книга писателя – «Ключёвские жаворонки», открывавшаяся небольшой повестью «Школа моя деревянная». Эта книга упрочила славу А. Логунова как прекрасного детского писателя.

Об этой книге новомосковский прозаик Д. Ракитин отозвался так: «А какой любовью веет от рассказов из книги «Ключёвские жаворонки»! Здесь психологически тонко обрисованы характеры деревенских мужиков из Ключёвки и Куликовки, которые за словом в карман не полезут...» (14, с. 10).

А в 1984 году в Туле увидел свет сборник стихов «Пирог из русской печки». Он предназначен для детей младшего возраста, но, право, стихи до того «аппетитные» (и впрямь, как горячие, душистые пироги из русской печи), что пришлось по вкусу и более зрелому читателю.

Запоминаются своей особой образностью стихи «Как пурга пироги пекла», «Я увидел целое селение», «Внучка леса», «Белы в полях снега», «Первый снег», «Вьюга», «На лугу», «Гром», «Вечерние стихи», «Берёза» и другие.

Вот строчки из стихотворения «Как пурга пироги пекла»:

*Долго стряпала пурга,
Стряпала умело.
Испекла три пирога –
Три сугроба белых.
А закат слегка
Подрумянил им бока.* (7, с.6)

Используя приём олицетворения, аллитерацию, поэт создает образ, близкий каждому, кто любит русскую зиму.

Или вот поэтический рассказ о целом «селении», увиденном под ромашкой: тут и черный жук, который «ожирными усами шевелит», муравей с оторванной лапкой, тащущий хвоинку, две букашки, о чём-то судачащих:

*Я нагнулся, чтоб сорвать ромашку,
И остановился.
Ведь она
Здесь была, как белая берёза
На бугре у нашего села.* (7, с.29)

А. Логунова интересует не вообще природа, а то конкретное, что входит в это понятие: даже самая маленькая былинка, муравей, букашки живут у него собственной, важной, хотя, может быть, не всякому человеку заметной жизнью. Для них маленькая ромашка то же, что для нас белоствольная березка, под которой так хорошо посидеть в жаркий летний день, прислонившись к её прохладному стволу.

Алексей Андреевич Логунов и своего читателя хочет научить так смотреть на все живое вокруг: с любовью, пониманием, жалостью, уважением и восхищением:

*Белы в полях снега ...
Здесь вьюги тихо зреют,
Да мамонты-стога
Бока в сугробах греют ...* (7, с.32)

Вообще лейтмотив этого поэтического сборника – «как славно жить на свете» (так А. Логунов назвал одно из стихотворений этой книги). Наряду со стихами Алексей Андреевич пишет прозу. То, что писатель перешёл от стихов к прозе, вполне объяснимо. Вспомним, что многие прекрасные русские поэты были великолепными прозаиками.

Алексей Логунов долго работал в газете, его художественная проза, к счастью, избежала штампов, которые, хочешь не хочешь, возникают у пишущих для периодической печати.

Книга писателя «Житный Дед и богатырь Пересвет» – это сказочные истории, созданные на местном материале.

В предисловии к ней И. Стрелкова написала: «Новая книга «Житный Дед и богатырь Пересвет» сложилась у Логунова, как цельное повествование в рассказах, сказках и легендах о прошлом и настоящем родной земли» (9, с.3)

По словам И. Стрелковой, «Житный дед олицетворяет в книге непреходящее значение труда земледельца» (9, с.3)

В газете «Новомосковская правда» от 3 января 1986 года А. Логунов в статье «Радость творчества» вспоминает о том, как рождался образ Житного Деда. Не найдя ничего подобного в славянской мифологии, поговорив с деревенскими стариками, писатель понял, «что ... сказочного героя, связанного с хлебом, - не было». Нужно было его придумать.

«Однажды, - писал А. Логунов, - отправился за Иван-озеро в поле ... шёл, думал, слушал жаворонков, любовался созревающими хлебами. От межи, из усатых колосьев долго глядели вслед мне два василька, будто приветливые глаза самого Хлебного Духа. Так в тот раз зародился его внешний облик».

У имени героя тоже есть собственная история: «Ну, а имя - Житный Дед - пришло значительно позже. Произвёл я его от слова «жито». Так на Руси называли хлебную культуру, наиболее распространённую в данной местности: на юге – пшеницу, в средней полосе – рожь, на севере – ячмень. А само слово «жито» родилось, как мне думается, от глагола «жить».

Житный Дед Логунова стоит в одном ряду с дедушкой – домовым, водяным дедом, лесным дедом (лешим). Каждый из этих героев нашего отечественного фольклора обладает собственным характером, достоинствами и недостатками.

Житный Дед в произведениях А. Логунова – прост, добр, учит только хорошему, всегда приходит на помощь, он может быть и хитрым, и лукавым, и проказливым, но чего в нём вообще нет – так это злобы,

зависти, желания навредить.

Если домовой, водяной, лесной дед – это представители нечистой силы, то Житный Дед – воплощение всего доброго и светлого, связанного с землёй, хлебом.

Вот каким он предстаёт в рассказе «Богатырский каравай»: «...точно золотой сноп, стоит старичок-полевинок, которого зовут у нас Житный Дед. Треплется по ветру его овсяная борода, топорщатся ячменные усы, а синие глаза – васильки смотрят печально» (9, с. 18)

А. Логунов творчески относится к фольклору, давая свою собственную трактовку появления тех или иных обычаев, обрядов.

Он излагает свою версию возникновения обряда последнего снопа.

А. Логунов пишет литературную сказку о том, как у одного крестьянина были сын Зяблик и дочь Забава. Забава – девочка любознательная. Именно она спросила отца, кто в поле живёт.

В ответ отец рассказывает о Житном Деде: «Весной, когда хлеб только взойдёт, Житный Дед бывает совсем маленький: бегает по полю в зелёной рубашке да с сусликами в прятки играет. Станут хлеба колос выметывать – и у Житного Деда отрастут ячменные усы да овсяная борода. А подойдет жатва, и волосы его становятся золотыми. В это время чаще всего люди и видят его. Стоит где-нибудь на краю поля этакий пшеничный сноп, подпоясанный витым ремешком. Брови – точно колоски. А из-под них поглядывают на людей два синих василька» (9, с. 25)

Но вот умирает отец, и дети остаются круглыми сиротами. Забава сеет хлеб. А её брат Зяблик, видя, что над полем жаворонки и перепёлки летают, мыши шмыгают, суслики свистят, думает, что все они его хлеб будут есть. От жадности он решает полить поле отваром, который дала ему баба – ведунья, отчего хлеб стал невкусным.

Чуть было не умерли Зяблик и Забава от неурожая. Соседи спасли. Ушёл Зяблик из деревни, но потом вернулся. А Житный Дед помог Забаве убрать новый хлеб. Зяблик же стал собирать оставшиеся колоски.

«Может быть, - пишет А. Логунов, - с тех пор и появился в народе обычай – последний сноп с поля приносить домой... Говорят, в этом снопе Житный Дед и зимует. За зиму он так съжится, что станет не больше пшеничного зерна. А весной просыпается и начинает свою жизнь сначала...» (9, с. 32)

Второй главный герой книги А. Логунова – богатырь Пересвет, с поединка которого с Челубеем началась Куликовская битва.

В рассказе «Крупеничка» писатель излагает собственную версию

появления этого героя.

Чёрное Колесо, налетавшее на землю русскую и хватавшее «все подряд в свою ненасытную утробу», схватило и Крупеничку – праправнучку «Добрыни-пахаря с Солнцовой Дочери Лады» (9, с. 13) Попала Крупеничка в Грецию, хотела пойти к купцам, но они её на корабль не взяли, тогда она рассыпалась у околицы зерном. Посеяли её пахари и получилась из крупы богатырская еда.

С мореходами попала гречневая крупа на Русь. На Куликовом поле нашли люди младенца: «Над цветущим гречишным полем разлилось сияние: переливы света, пересверки зарниц! И назвали люди малыша Пересветом. От него и пошёл Пересветов род, и все юноши в роду были богатырями. Один из них, Александр Пересвет, прославил себя и русский народ во время Куликовской Битвы» (9, с. 16).

В сказке «О Пересвете и чудесном коне» автор пишет о богатырском коне, который проложил знаменитый Муравский шлях. А. Логунов говорит о родословной своего чудо-коня: «Прабабка его, Сивка-Бурка, вещая каурка, ушла жить в сказку. И его младшего братца, конька-горбунка, с собой сманила. А богатырский конь остался среди людей и помогал им в многотрудных делах» (9, с. 21).

На этом чудесном коне Пересвет и вступил в бой с Челубеем, а после гибели героя конь помчался в самую гущу врагов, давил, топтал их «да ещё и зубами кусал». (9, с. 21).

А после битвы богатырский конь пашню пахал, брёвна из лесу возил для новых домов: «Так и живёт он на Куликовом поле, помогает людям. И в народе прозвали его – Куликовский конь» (9, с. 23).

В финале рассказа писатель признаётся: «Может быть, всё это похоже на сказку. Но куликовцы бережно хранят в памяти подвиг богатыря Пересвета. А когда строят новые избы, то непременно вырубят деревянного коня и установят на крыше». (9, с. 23).

В сборнике А. Логунова «Житный Дед и богатырь Пересвет» много рассказов о конях: «Про сивого мерина», «Лёнька – лошадики», «О Пересвете и чудесном коне». Это тоже не случайно. Ведь конь и человек дружили издревле, и сегодня конь в деревне главный помощник. Кони у писателя Логунова такие же необычные, как и люди. Вот Лёньке-лошаднику из одноименного рассказа снится, как он скачет по небу на зелёном коне: «И вдруг он снова увидел голубых коней. Целый табун! Длинной цепочкой они мчались прямо по воздуху, вернее, не мчались, а плыли, медленно перебирая ногами, гордые и красивые...» (9, с. 101)

Запоминающиеся образы жителей окрестностей Куликова поля создал писатель: это и деревенский пастух дед Гудок, кладезь народной

мудрости, и Лёнька, мечтающий о собственном коне, и бабушка Касатка, которая любит рассказывать небылицы, и Шурка Локоток, сын ветеринара Якушкина, который верит во всех сказочных человечков, и лепит целый снежный зверинец: козу, коня, собаку.

Писателю удаётся соединить сказочное и реальное. Этим отличается и сборник «По русскому обычаю» (Тула, 1991 г.). В аннотации книги сказано: «Главная тема этой книги – стремление дойти до истоков: реки, родной речи, жизненного уклада, культуры».

Повествования, исполненные в обычной для автора сказовой манере, адресованы широкому кругу читателей».

Книгу «По русскому обычаю» составили два больших раздела: «Колосок с Куликова поля» и «Свидание с Непрядвой» (из писательского блокнота).

А. Логунов рассказывает о своем знакомстве с тульским писателем Иваном Федоровичем Панькиным, автором знаменитых «Легенд о мастере Тычке». Беседуя с молодым тогда ещё автором, Панькин учил его бережному отношению к слову, разумной экономности в художественных средствах и ещё тому, что без мысли всякое, даже хорошо исполненное по форме литературное произведение, - всего лишь игрушка.

Уроки И. Панькина не прошли даром, да и ученик оказался способным.

Самобытность таланта А. Логунова очевидна. Идя от традиции фольклорной, от традиции литературного сказа (Лесков, Бажов и другие), он сумел создать собственный художественный мир.

Если Лесков и Бажов являются авторами литературных памятников русскому мастеровому, то Логунов воспел русского земледельца, человека, живущего и работающего на земле.

Это прекрасный и поэтический образ Николы Вешнего — дедушки Николая Митрича, который относится к земле, как к живому существу, после сева играет на гармонии ночью в поле, чтобы хлеб дружнее всходил и быстрее рос.

А вот учительница Елена Игнатьевна, в 30-е годы приехавшая в деревню и навсегда в ней оставшаяся, «она человек особенный: живёт – словно песню поет» (11, с. 21)

О лесниковой дочке из одноимённого рассказа доктор говорит, что у неё «очень тонкая душа, со всем живым миром чувствует связь» (11, с. 66)

А Митрий Картузов – пастух божьей милостью (рассказ «Даниловский пастух»). Не менее замечательные люди – печник Афоня,

плотник Лучина и многие другие герои этой книги.

Всех их отличают прежде всего доброта, чувство справедливости, желание помочь другим.

Люди кормят «неумеху епифанскую» из жалости: делать она ничего не может, так как сошла с ума, когда на её глазах подорвались на mine в лесу в годы войны двое её сыновей, собиравших вместе с ней желуди для хлеба (рассказ «Неумеха»).

Васька-Сорванец, чуть не задушивший граблями kota, разорившего ласточкино гнездо, потом начинает жалеть одичавшего от испуга Драного и оставляет ему на подоконнике банку с молоком. Люди сочувствуют Марье-страдалице, матери дезертира Тимохи, убежавшего с фронта, 30 лет просидевшего в погребе и умершего у памятника односельчанам.

В 1999 году в Новомосковске вышла книга А. Логунова «Сказки Иван-озера», посвящённая 70-летию города. В ней рассказы и сказки о местах, расположенных вблизи Новомосковска.

Центральное место в книге занимает сказочная повесть «Про Микулу Семьяниновича, у которого птицы за пазухой греются». Действие происходит в деревне Выглядовке, где живут 8 старушек, «о которых все позабыли» (13, с. 44). Только тракторист Микула заботится о них: хлеб возит, крыши чинит, колодец чистит. Микула привез из Красного Села, что на противоположном берегу Иван-озера, девочку Кроху и её мать, доярку Марусю. Они были приезжими и нашли приют в микулином доме.

Старушки несказанно рады их появлению. Они стараются научить Кроху всему, что сами умеют делать.

Бабушка Жива рассказывает девочке историю села, возникшего в древние времена, когда пришли сюда доморубы, «топором доморубы умели творить чудеса, от избушки на курьих ножках до летающей лодки». (13, с. 54-55).

А затем появились кашевары. Так и образовалось село. Бабушка Жива так объясняет происхождение названия «Выглядовка»: «... мало ли нашествий было на русскую землю! Вот люди и прятались по оврагам да болотам, в таких местах, как у нас. Отсидятся, выглянут – вроде пронесло беду. И опять за топор да соху: разорённую землю обживать. Так что деревень с названием Выглядовка много» (13, с. 55).

Выглядовка и впрямь чудная деревенька! А старушки её сродни сказочным созданиям, каждая со своими причудами. Вот бабушка Малиновочка лепит снеговиков, веря, что «души ... родственников прилетают взглянуть на родную землю. Увидят свой прежний образ, из

снега, соломы ли, и радуются, что их помнят» (13, с. 63).

Микула – добрый и сильный, он напоминает былинного Микулу Селяниновича. Когда Усатый убил лошадь, ее жеребёнка Соломку отослали в табун. Микула через несколько лет за 400 руб выкупил Соломку, которую в колхозе звали Сиротка.

Микула – не сильно грамотный, закончил 4 класса, да в 5-ом просидел 2 года. Но это не мешает ему быть отзывчивым на чужую беду, заботливым, самоотверженным. Он умеет и любит работать, ведь после армии он вернулся в родную деревню и взялся обживать заброшенный дедов дом, а не стал искать счастья в городе.

Любит он свою землю и людей, живущих рядом с ним. Вот и собралась вокруг него дружная семья или этакое сообщество: «... Кроха с мамой и 8 бабушек. И лошадь Соломка с козой Машкой. Ну и, конечно, 3 бездомных деревенских пса – Шарик, Тузик, Волчок» (13, с. 78).

Выглядовские обитатели как бы породнились и живут по принципу взаимовыручки: баба Груша Солдатка с мосточка упала, ногу сломала, через 2 дня ее в сугробе нашли соседи – живую.

Шарик, Волчок, Тузик спасли Марусю от чужой собачьей стаи. Маруся пожаловалась бичам на бродячих собак, которые ее испугали. Те обещали помочь. И «помогли»: вместе с бродячими псами пропали и Шарик с Волчком. «Шарика и Волчка Маруся увидела лишь следующей осенью. И Полкан с Чистых Двориков с ними. Свернулись калачиком, лежат на базарном прилавке и ноль внимание на народ ... Не сразу Маруся сообразила, что это – 3 шапки из собачьего меха. С базара она бежала бегом ... Ей хотелось сказать кому-нибудь, что она не виновата!» (13, с. 84).

Выглядовские жители – люди добросердечные, они совестливые и очень больно переживают свои ошибки и неудачи, им всем присуще чувство вины за содеянное.

Микулу приглашают с семьей в колхоз «Родина». Его отъезд для Выглядовки – катастрофа. И понимая это, Микула откладывает его. А весной у Крохи появляется младший брат Ванюшка.

Весна вообще преображает Выглядовку, и даже таких ее обитателей, как Бука и Дудука, «этаких маленьких существ – анчуток, которыми пугали непослушных детей». (13, с. 44). Когда запели скворцы в починенном Микулой скворечнике, у Дудуки «прутик зелёный вырос, там, где у людей сердце» (13, с. 105).

А затем о Выглядовке по областному радио рассказывает ее бывший житель, поэт Савва Картузов, после чего в ней появляется студенты пединститута, которые берут шефство над деревушкой.

Заканчивается повесть на оптимистической ноте: Выглядовка становится казачьей станицей, а Микула Семьянинович – казачьим атаманом, в деревню приезжают переселенцы с Кавказа, да и своя «молодёжь подросла из детдомовских ребятишек» (13, с. 117). Автор приглашает Савву Картузова в Выглядовку на Рождество.

Повесть «Про Микулу Семьяниовича, у которого птицы за пазухой греются» названа автором сказкой. Она, действительно, напоминает добрую уютную рождественскую сказку.

Важное место в книге занимают «Легенды про Андрея Болотова», где исторические факты из жизни нашего знаменитого земляка органично сливаются с фантазией автора, которая наполняет жизнью события более чем 200-летней давности.

А. Логунов пишет о том, как Андрей Болотов женился, сочинял пьесы для детского театра в Богородицке. В его драматическом произведении «Несчастные сироты» на 2 года раньше, чем у Фонвизина, появился образ Митрофана Злосердова, «родного брата» Митрофана Скотинина.

А. Т. Болотов разыграл свою пьесу в Богородицке, «день показа этого спектакля считается днем рождения детского театра в России» (13, с. 149). «Диво-дивное» – это рассказ об агрономических трудах А. Т. Болотова.

Вообще А. Логунова очень интересовал образ тульского энциклопедиста. В 4-ом номере за 1996 г журнала «Русская провинция» (Тверь) напечатаны были легенды сельца Дворянинова, которые автор назвал «Про Андрея умельца, чудодея земледельца».

Героями этих легенд стали не только реальные люди, например, Андрей Тимофеевич Болотов, один из первых русских агрономов, знаменитый мемуарист, но и сказочные существа: Зеленый Волк, Луговушка, Зелепуха, дедушка Чур, маленький Чурилка.

Писатель В. Шавырин в «Тульских известиях» (11.01.1997) так охарактеризовал это произведение: «... в легендах о Болотове, написанных Алексеем Логуновым, трудно отделить правду от вымысла, народной придумки. Да и стоит ли? Это же не научное исследование, а попытка показать, что выдающийся просветитель и реформатор сельского хозяйства был прежде всего плоть от плоти народа ...»

За «Легенды села Дворянинова» в 1992 г. А. Логунов получил Диплом литературного творческого конкурса Фонда поддержки творческой интеллигенции Администрации Тульской области.

А. Логунов часто пишет о достопамятных местах родного края. В книге «Сказки Иван-озера» есть рассказ о памятнике у

истоков Дона («Казачата»), о жившем после войны в Сталиногорске дурачке Пете («Петя – добрая душа»), о тряпичнике Чуриле, легенда о скопинских гончарах, рассказ о Васе-гармонисте, который ходил по деревням и по-своему пел о Троянской войне («Деревенский Гомер»).

В последние годы А. Логунов обратился к православной тематике.

Он руководит литературно-драматическим кружком «Свеча Нечаянной Радости». Занимаются в нём и взрослые, и дети. Они сочиняют стихи и очерки, ставят пьесы и сценки на духовные темы. Кружковцы сыграли пьесу «Детство Святой Матронушки» на сцене Новомосковского драмтеатра.

Алексей Логунов написал о Святой Матроне поэтическое произведение «Святая с Куликова поля». Он часто печатает свои рассказы и притчи в периодической православной печати, в том числе в газете «Православный С.-Петербург».

В общем, он продолжает гуманистическую, духовную линию своего творчества. Алексей Андреевич на протяжении всего своего писательского пути постоянно демонстрировал в своих произведениях любовь и жалость ко всему живому, радостное, несмотря ни на какие обстоятельства, восприятие мира.

Наверное, все эти черты и привлекают читателя к поэзии и прозе члена СП России Алексея Логунова. И еще «книги его дарят нам радость общения с настоящим искусством» (14, с.4-5). Трудно не согласиться с этими словами новомосковского писателя Дмитрия Ракитина.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) А. Логунов. Голубые острова. Т., Приокское, 1966г.
- 2) А. Логунов. Мой пшеничный сноп. Рассказы. М., ДЛ, 1979г.
- 3) А. Логунов. Куликовские притчи. М., МГ, 1982.
- 4) А. Логунов. Ключевские жаворонки. Рассказы. М, ДЛ, 1982г.
- 5) А. Логунов. Сеять поехали! Стихи. М., ДЛ, 1983г.
- 6) А. Логунов. Богатырский каравай, или Сказки Куликова поля. М., ДЛ, 1984г.
- 7) А. Логунов. Пирог для русской печки. Стихи. Т., Приокское, 1984г.
- 8) А. Логунов. Школа моя деревянная. Рассказы. М., ДЛ, 1986г.
- 9) А. Логунов. Житный Дед и богатырь Пересвет. Сказочные истории. Т., Приокское, 1987г.
- 10) А. Логунов. Домашнее тепло. Рассказы и сказки. М., ДЛ, 1989г.
- 11) А. Логунов. По русскому обычаю. Рассказы, предания, сказки. Т., Приокское, 1991г.
- 12) А. Логунов. Про Андрея умельца, чудодея земледельца. Рассказы и легенды. Журнал «Русская провинция», г.Тверь, №4 1996г.
- 13) А. Логунов. Сказки Иван-озера. Новомосковск. 1999г.
- 14) Д.Ракитин. «Певец поля Куликова». Литературное приложение к газете «Шанс», №4-5, 1992г.
- 15) В.Шавырин «Плоть от плоти», газета «Тульские известия», 11.01.1997

ПЕТР МИТРОХИН.

В предисловии к первому поэтическому сборнику «Солнце на косе» его автор так написал о себе: «Родился я в рязанской деревушке с красивым названием Пчелиновка. Семья была многодетная и, как следствие этого, бедная ...

... С раннего детства работал в колхозе: то подпаском, то на скотном дворе, то в поле. Но особенно любил я сенокосную пору ...
... В 1966 г. окончил среднюю школу и уехал в Рязань» (1, с.4)

После учёбы в Рязани, став электросварщиком-монтажником, он уехал по распределению в белорусский г. Новополоцк. Затем 2,5 года служил в противоракетных войсках. После нескольких лет разъездной работы, уже обзаведшись семьей, П.А. Митрохин приехал в Новомосковск, который считал своим родным городом.

Стихи, по собственному признанию, он начал писать еще в детстве. А первая книжка П.Митрохина увидела свет в 2001 г.

О чем пишет поэт Митрохин? О том же, о чём и другие поэты: о любви, о жизни человека и природы, о труде, в том числе творческом, о Родине.

*Звенят колокольцами птицы
Над жёлтой грустью жнивья ...
Ну, как мне в тебя не влюбиться,
Родная отчизна моя.* (1, с.5)

Поэт часто вспоминает о своей малой родине, рязанской деревне (стих. «Две кудреватых ветлы», «Глухомань», «На Холомкиной речке»), о матери (стих. «Матери», «Расставание», «Глухомань»). Русской природе посвящены проникновенные строки стихотворения «Летят журавли»:

*Летят журавли...
В добрый путь, в добрый час
Неравенства знак,
Разделяющий нас.*
*Коротенький клин,
Устремлённый вперед,
Знак горькой беды
Перерытых болот,
Убитых лесов
И отравленных рек...
Виновник всего –
Только ты, человек.* (1, с.7-8)

Ни один поэт не обошёл в своём творчестве такой благодарной и находящей отклик в сердце читателя темой, как любовь. Не исключение и Петр Митрохин. О любви он пишет в стихотворениях «Колдунья», «Исповедь грешника», «Тебе», «Бег», «Вечером», «Шаловливая соседка», «Моя царица»:

*Душа моя
Словно витрина в трещинах
После булыжника – злодея ...
Бегу я в ад,
Завороженный женщиной,
Ничуть о том не сожалел.* (1, с.24-25).

О любви П.Митрохин пишет и с юмором и серьезно. Великолепно, образно стихотворение «На Оке»:

*Вдоль реки, через покосы,
Прямо в розовый рассвет,
Сквозь брильянтовую россыпь
Вилял к стогу парный след.*

*Он исчез в душистых недрах
Тайной в вырытой норе ...
Только туфельки и кеды
Мерзли рядом на заре.* (1, с.47)

Поэзии П.Митрохина свойственна особая лирическая нота, есть в ней есенинская грусть, печаль. Особо она проявляется в стихотворениях, посвященных родителям:

*Я думал, вечно будет так:
Дом, сад, отец и ты, родная, -
Но годы шли, и пустота
Вошла, мне душу распиная.*

*О как бы много я отдал,
Над поминальной стоя свечкой,
Чтоб ты, как птица из гнезда,
Со мной присела на крылечко.* (1, с.10)

В другом стихотворении поэт признаётся:

*Мне страшней любой печали
Материнская печаль.* (1, с.7).

В «Глухомани», вспоминая о родной деревне, П.Митрохин пишет:

*Только мать не выйдет на крылечко,
Задыхаясь от счастливых слез,
Не дымит трубой над крышей печка,
Не целует в губы верный пес.* (I, с. 19-20)

Обезлюдела деревня, грустят ее забытые погосты:

*За переломанной оградой
Пырей, татарник, девясил,
Да тропки, выбитые стадом
Среди заброшенных могил.
Тоска с клюкою бродит в травах,
Ища забытые года ...
Здесь Русь!*

*Ее былая слава
И современная беда!* (I, с. 34-35)

Поэт постоянно вспоминает о своей малой родине, она живёт в его душе:

*Засентябрило.
По утрам
Прохлада съёживает плечи,
И мелкий дождь, как мошкара,
Перед глазами каждый вечер.*

*Неперелетные грачи
Сбиваются, как прежде, в стаи,
Но древний их инстинкт молчит –
Они на юг не улетают.*

*Так вот и я, давно уже
Не видел родины унылой ...
Засентябрило на душе.
Засентябрило.* (I, с. 13-14)

В этом стихотворении поэт блестяще использует приём психологического параллелизма: состояние природы и переживания героя теснейшим образом взаимосвязаны.

В 2003 году вышел второй сборник П.Митрохина «Песня волка-одиночки». Тематика его близка тематике первого сборника. Поэт пишет о «родных пенатах»:

Что сделалось с моей деревней?

Какой прошёлся здесь Мамай?

Как зубы у старухи древней

Торчат осевшие дома

(2, с.19)

Грустен облик современной деревни в стихах П.Митрохина: родной дом, «как старец древний, на завалинке присел» (2, с.28), «над избёнками стропила, словно ребра из груди» (2, с.132) и т. д.

Поездке в родные места посвящена поэма «День отпуска». Рано утром герой поэмы идёт на покос. Бывшие односельчане, расспросив его о работе, приходят к выводу, что она и тяжёлая, и некрасивая.

Но герой поэмы с ними не согласен:

Я думаю так,

Дорогие деды –

Что грязная роба –

Нет в этом беды.

Была бы душа

Человека чиста

(2, с.49)

Вечером после работы герой вместе с мужиками возвращается домой. Вечерняя деревня невозможна без вида идущего с пастбища стада:

Вдоль улиц плывут

Караваны коров,

В сумраке пыли,

Слепней, комаров.

И запах, верней

Аромат молока,

За каждой буренкой

Во двор затекал.

(2, с.50)

Усталый герой испытывает чувство покоя и счастья:

Как приятна истома

Натруженных мышц.

Засыпаю.

Я сплю.

Я дома!!!

(2, с.50).

В стихотворении «Тандем» сельская тема перерастает в тему России:

Два существа – мужик и лошадь:

И в зной, и в дождик, и в мороз,

*За клоч соломы, медный грошик
Везут свой непосильный воз.*

Рисуя невесёлую жизнь «тандема», поэт так заканчивает стихотворение:

*Два существа – мужик и лошадь:
За клоч соломы, медный грошик
Россию волоком везут.* (2, с.201)

Великолепно стихотворение «Родительская суббота». По существу в нём – вся история страны в 20 веке. Это произведение можно назвать небольшой поэмой.

Родительские субботы – это дни поминовения усопших. Это время скорби, отчаяния, памяти, надежды. На примере собственного рода П.Митрохин показывает, чем был для русского человека век 20-ый: один прадед – Никита – убит под Касторной белыми, прадед Алексей принял смерть от продотрядовцев за меру зерна, зарытого для голодающих детей, дед Иван убит кулаками, маленькая сестра умерла от голода в 33 году, дяди, Кирилл и Александр, командиры Красной Армии, бесследно исчезли в 1938г., отец – Андрей, участник Великой Отечественной, умер от ран и лишений, мать – Евдокия, родившая девятерых детей, доживала последние дни «в горьком одиночестве» (2, с.182).

Вот кого вспоминает поэт П.Митрохин в родительскую субботу. Небольшое по объёму стихотворение поражает трагически-эпическим настроением.

Гражданской войне посвящены пронзительно-горькие строки:

*Невиданный ужас гражданской войны
Прошёлся чумным помелом по России.
В кровавом потоке хмельной новизны
Схлестнулись два мира, две силы
За веру, царя, коммунизм мировой.
Всем вечная память и вечный покой
Кто прав, кто не прав? – Неуместный вопрос,
Не скажет об этом ни крест, ни погост.*

(2, с.180)

На смену страшной гражданской войне пришла не менее страшная Великая Отечественная:

*Примчалась беда на конях вороных,
Тревожно влетаясь в колокольные звоны ...
Четыре зимы и четыре весны.*

*Месили солдаты дороги войны
И падали навзничь со стоном.* (2, с.182)

А после войны начался великий «исход» из русской деревни, и о нём пишет поэт:

*Давил на деревню невидимый пресс,
Закручивал гайки, людей выжимая ...
В скрипучих телегах с насиженных мест,
Мы двинулись, как от Мамаю.* (2, с.183).

Трагизм времени подчеркивают рефрены, сквозной образ их, проходящий через все стихотворение, – это погост:

Не скажет об этом ни крест, ни погост. (2, с.180)

Не скажет об этом унылый погост. (2, с.181)

Хирело поле, рос погост. (2, с.181)

Об этом расскажет любому погост. (2, с.181)

Как рыба молчит деревенский погост. (2, с.181)

Не скажет об этом заросший погост. (2, с.182)

И плачет, и плачет, и плачет погост. (2, с.183)

Рефрен в этом произведении усиливает эмоциональное воздействия на читателя.

«О работе, о себе, о жизни» – к этой теме можно отнести такие стихи поэта, как: «На монтаже», «Люблю ходить я на работу», «Мне что-то поднадоели», «Монолог скакуна – ветерана» и другие.

Стихотворение «Ладони» – это своеобразный литературный памятник рабочим рукам:

*Ладони мои,
Как лопаты совковые,
Царапины, шрамы, мозоли с фасоль,
Шершавые все, словно тёрки столовые,
И в каждом суставе полночная боль.* (2, с.96)

О руках много писали и поэты, и прозаики. Во многих литературных произведениях, рисуя портрет героя, автор обязательно останавливался на описании его рук. Руки стали «героем» живописных и скульптурных работ. Вспомним «Руку бога» Огюста Родена, памятник шведского скульптора Карла Миллеса «Рука бога», скульптуру Н.Арнольди «В память Трезини» и другие.

Руки П.А.Митрохина помнят не только металл, холод, но и ощущение от прикосновения к гладкому чистому листу бумаги:

*Всё тебе доверю:
И мечту, и думы,
И свою фантазию,
И весёлый юмор.*

*Ты всё стерпишь стойко
И запомнишь это ...
Чистый лист бумаги –
Верный друг поэта!* (2, с.53)

П.Митрохин пишет и лирические, и юмористические, и сатирические произведения. Но лучшие его стихи – лирические. Их отличает особая душевность, образность, мудрый народный взгляд на жизнь, природу.

Прекрасные метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения создают незабываемые образы в поэзии П.Митрохина:

*Луна, как бледно – жёлтый шар,
Утученный недавно сыном,
Висит на небе тёмно-синем,
Накинув облачную шаль.* (2, с.17)

*Завздохали ветры тяжко,
Прилетев с пустых полей,
Тополя ветвями машут
Провожая журавлей.* (2, с.60)

*Как тополиный пух в июле,
Под зыбким светом фонарей,
Снежинок рой, покинув улей,
Кружится в вальсе на дворе.* (2, с.93)

*Май спешит добряком Санчо Панчо
За апрелем-аскетом, как тень.
В шляпе вместо пера – одуванчик,
На груди, словно орден, сирень.* (2, с.100)

*Не слышно птиц разноголосицы,
Давно уплыли журавли,
И тучи хмурые торосятся
На стыке неба и земли.* (2, с.190)

Об отношении поэта к природе, всему живому говорят следующие строки:

*Идя по тропке осторожно,
С клубникой спелой в туеске,
Не обрывайте подорожник
И не ломайте бересклет.*

*Не растопчите мимоходом
В траве трудягу-муравья.
И не ступните на восходе
Живую песню соловья.*

(2, с.77)

Поэт назвал второй сборник «Песня волка – одиночки» по одному из стихотворений.

*Я волк-одиночка, царь дубрав и полей,
Обнесённый, как цепью, цветными флажками,
Я кручу свою жизнь перестуком когтей,
Криком раненых мной умирающих дней
И зверей, что хрипят у меня под клыками.*

*Я волк – одиночка, мои праздники – ночь
Под разгульную полную луною.
Я свиреп, я могуч, я безжалостен – но
Почему ж я так жалебно вою?!* (2, с.155)

Это стихотворение не только о диком звере и его одиночестве, оно имеет подтекст: это рассказ и об одиночестве человека, считающего себя сильным, способным на самостоятельные решения, вершащим свою судьбу и, как ему кажется, независимым ни от кого.

Но одиночество, даже если оно гордое, страшно. В конечном итоге, все мы нуждаемся друг в друге.

И горькое, ироничное стихотворение П.Митрохина это доказывает.

Поэта не стало 3 июня 2004 года. Ему шел 56-й год.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) П.Митрохин. Солнце на косе. Тула, РИФ «ИНФРА», -2001 г.
- 2) П.Митрохин. Песня волка – одиночки. Стихи. Тула, РИФ «ИНФРА», -2003 г.

ГЕННАДИЙ ОШУРКОВ.

Этого человека судьба «отметила» дважды, наградив самой гуманной профессией врача — и литературным талантом.

Геннадий Тимофеевич Ошурков родился 10 января 1932г. в городе Нолинске Кировской области. Закончив медицинский институт, всю жизнь проработал хирургом.

Но параллельно с медициной жила в душе Г.Ошуркова другая страсть, страсть к поэзии, зародившаяся ещё в юности. Он занимался в литературном объединении г. Перми, а затем — в Новомосковске. Первые произведения Г.Ошурова были напечатаны в коллективных сборниках.

А в 1998г. вышел сборник стихов для детей «Весёлый ручей», отмеченный добрым юмором, любовью к детворе, пониманием психологии маленького человека.

Детство самого писателя не было безоблачно счастливым. Об этом — в его стихах:

*Оглядывая прожитые годы,
Дивлюсь, что по земле хожу живой.
Меня под плач голодной непогоды
Не унесли по стежке межевой.
Туда, где на ветру берёза стонет
Да на могилы сыплет семена.
В траве забвенья постепенно тонут
Моих сестер и братьев имена.
Стоит берёза старая, прямая,
Она росла на маминой слезе,
Она всё лето от начала мая
О наших бедах шепчет бирюзе.
Грачи на гнёзда собирают ветки,
Выводят над могилами грачат,
А мне все снится: братья-малолетки
О жизни неизведанной кричат.*

(стих. «Родные голоса»)

С детства сохранил Г.Ошурков любовь к семье как к самому дорогому в жизни человека и пронёс эту любовь через всю жизнь. Ему близка печаль современной матери:

*Под каблуками стылый перрон,
Тьма навалилась со всех сторон;
А поезд умчался и глохнет вокзал,*

Город, как губка, толпу засосал.
 Ледышками падают капельки слёз.
 Поезд простукал, а дочь не привёз,
 В жуты морозной шагаешь одна.
 Чёрные окна и небо без дна.
 Холодные звёзды и месяц немой
 Тебе освещают дорогу домой.
 Иней прилип сединой на виски,
 На сердце гнетущая тяжесть тоски.
 В квартиру вошла беспокойная мать
 Подушку свою до утра обнимать
 И молча делиться тревогами с ней,
 Надеясь дочурку увидеть во сне.
 (стих. «Материнская тоска»)

Родительской печалью проникнуто стихотворение «Письмо дочери»:

Я ещё не повидал Загорска,
 Он, наверно, где-то за горой.
 Там Всевышний бережливой горсткой
 Сеет снег вечернею порой.
 Думаю: в соборах отслужили,
 Замолчали все колокола.
 Ваши городские старожилы –
 Каждый у семейного стола.
 Как ты там теперь, моя Ириша,
 В хороводе молодых забот?

Геннадий Ошурков ценит каждое мгновение жизни, которое дарит ему красоту:

Сигнало ветром жаркую погоду,
 Аукнула далёкая гроза.
 Я в этот миг увидел мимоходом,
 Как одуванчики зажмурили глаза. (1, с.90).

Как-то в лодке плыл под Игнолиной
 На исходе пасмурного дня.
 Вдруг закат улыбкаю малиновой
 С окоема брызнул на меня. (1, с.90-91).

Геннадий Тимофеевич в одном из стихотворений шутивно объясняет особую любовь писателей к периоду детства:

*Поэтов ругают за то,
что они
Пишут о детстве
в закатные дни;
Но так коротка
у людей престарелость,
Что дней не хватает
описывать зрелость*

(1, с.93)

Детские воспоминания легли в основу рассказа Г.Ошуркова «Висы», начинающегося так:

«Деревня без кузницы – не деревня, а так ... одно название, будто человек без голоса, будто речка без воды. А коли нет в деревне кузницы, то нет в деревне и кузнеца – могучего мужика, облепленного бугристыми мышцами, способного поднять любую тяжесть, добродушного и рассудительного.» (2, с.108)

Кузница – это особый, таинственный мир. Не случайно он влечёт к себе и взрослых, и детей: «Особенно любили кузницу мальчишки. Готовы были весь день, не вспоминая о еде, смотреть, как выхватывает клещами кузнец дядя Паша из огненного горна раскаленный добела кусок металла, укладывает его на громадную наковальню и вместе с подручным парнем Санькой в два молотка начинают бить податливое железо, оно вытягивается и постепенно принимает очертания чего-нибудь знакомого из деревенского обихода.» (2, с.108).

А вот герой – рассказчик описывает ковку коней: «Во времяковки я часто заглядывал в лошадиные глаза, но не видел в них ни боли, ни страха. Лошади серьёзно и привычно относились к замене обуви, вели себя как женщины во время примерки платья, выходили из станка довольно и горделиво, как после удачной покупки.» (2, с.109).

Судьба главного героя, могучего кузнеца дяди Паши, сложилась драматично. В самом начале войны он по доносу председателя сельсовета попадает в лагерь.

Через 10 лет в деревню возвращается совсем другой человек: «Это был седой, измождённый лагерной непосильной работой старик с большущими жилистыми руками. Недолго он и пожил.» (2, с.112)

О страшной нищете послевоенной жизни повествует Г.Ошурков в рассказе «Рождение коммуниста». Вспоминая произведение Горького «Рождение человека» с его пафосным финалом, необходимо отметить, что та же тема у Ошуркова окрашена драматичной, тревожной

интонацией. Попав через 20 лет туда, где когда-то автор-рассказчик стал свидетелем рождения мальчика, он размышляет: «Интересно, жив ли тот парень, смог ли он выбраться из ужасного барака, из пещерной нищеты, хватило ли у него на это сил? Или, не поносив собственной рубашки, так и ушёл в мир иной в платице с сестриного плеча? А такое в те времена случалось ой как часто»(3, с. 106).

Человек трудной судьбы, много лет борющийся с тяжелым недугом, Г.Ошурков не стал пессимистом, не упал духом. Он смотрит на мир по-прежнему мудро и светло:

*Что хотел – не сбылось. Не ищю виноватых,
Не кидаюсь к гробам, чтобы мёртвых карать.
Множить зло не хочу – без меня его хватит,
Лучше стану по крохам добро собирать.*

(4, с.43)

В творческом багаже члена СП России Г.Ошуркова десятки рассказов, четыре повести, две части романа «Горький век», над которым он продолжает работать.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) НЛО. Литературно-музыкальный альманах №3. РИФ «ИНФРА», Тула, 2003 г
- 2) Тула литературная. Ежегодник писателей Тульской области. Тула, изд. Дом «Пересвет», 2001г.
- 3) НЛО. 2002 г. РИФ «ИНФРА», Тула-2002г.
- 4) НЛО. 2001 г. РИФ «ИНФРА», Тула-2001г.

СТЕПАН ПОЗДНЯКОВ

*«Стихи Степана Позднякова
похожи на него самого – они
неброски, но в их тихой и
прозрачной мелодии бьётся
чуткая и в чём-то одинокая,
ранимая душа. Но не злая!
Оттого, что душу эту наполняет
любовь к ближнему своему, и еще
к родной земле, без которой, в
общем-то, и не может быть поэта»...*

В. Астафьев.

Степан Поздняков! Это имя хорошо знакомо старшему поколению жителей нашего города, меньше – молодому.

Жизнь этого человека была тесно связана с жизнью нашего города, куда он приехал в 1932 году на строительство Бобриковского энерго-химического комбината.

Родился Степан Яковлевич 10 мая 1913 года в с. Высоком Борецкой волости Рязанской губернии в бедной крестьянской семье. В 17 лет окончил девятилетку, после чего и началась его трудовая биография на одной из сверхударных строек первых советских пятилеток.

Уже в то время Степан Поздняков определил свое отношение к родному городу, позже выразившееся в таких строках:

*Ты меня романтикой увлек –
Все твои тропинки и дороги
Исходил я вдоль и поперек...*

(«Новомосковск»).

1941 год прервал мирный труд строителей города. Степан Поздняков оказался на фронте, где не только храбро сражался с фашистами, но и писал стихи и очерки для фронтовых газет, присылал стихи и в «Сталиногорскую правду», в одном из номеров которой было опубликовано его стихотворение «Кате», снабжённое таким примечанием: «Стихи Степана Позднякова, погибшего смертью героя на фронте Отечественной войны».

Но С.Я.Поздняков не погиб, он был тяжело ранен, родные получили похоронку ошибочно.

В военные годы С.Поздняков публикует очерк «На пепелище» (газета «Залог Победы»), стих «Письмо», «Расплата близка» (боевой

листок «Врага на штыки», 23.11.1941, №144, 30.11.1941, №151) и др.

Вернувшись с фронта, Степан Яковлевич работает в городской газете, более 30 лет возглавляет местное литобъединение после Ярослава Смелякова, с которым Позднякова связывали теплые личные и творческие отношения.

В 1961 году в Туле выходит первая книжечка стихов «Ветка», посвящённая трудовым и боевым будням, природе.

О войне Поздняков знает не понаслышке, и стихи его о тех днях — лучшее тому подтверждение.

Окоп — изба.

Земля — стена.

Сидят в молчании ребята,

И накалились докрасна

Цигарки в пальцах узловатых.

За миг в уме переберёшь.

Жизнь от пелёнок до привалов.

В такую пору не уснёшь,

Каким бы ни был ты усталым.

Прекрасны в этом сборнике стихотворения о природе, отличающиеся прозрачной акварельной чистотой.

Курит дом кирпичною трубою,

В переулок скромно отойдя,

Подоконник каменной губою

Ловит капли первого дождя.

Фонари несёт по скверу вечер.

Осень! Осень! За оградой сад

Надевает, торопясь, на плечи

Срочно сшитый из парчи халат.

Все вокруг охвачено молчаньем

В ожиданьи среднерусских выюг.

Расписавшись в небе на прощанье,

Удалились ласточки на юг.

(«Осеннее»):

Лиризмом, любовью ко всему живому пронизаны стихотворения «Синица», «Загребая снег с намета», «Вешние мотивы» и др.

Местными преданиями и легендами навеяны такие произведения Позднякова, как «Дуб», «Тёмный камень».

В 1964 году выходит в свет второй сборник поэта «Земной

поклон», посвящённый теме труда, борьбе за мир. Книга содержала иллюстрации новomosковского художника Михаила Болотова.

По поводу первых поэтических сборников С. Позднякова известный русский поэт 20 века Николай Рыленков так писал в статье «Идущие из глубины России»: «Вся сознательная жизнь и всё творчество Степана Позднякова связаны с рабочим Подмосковьем. Его бесхитростные стихи, собранные в двух книжечках «Ветка» и «Земной поклон» (1961 и 1964, Тула), – подкупают своей целостностью и чистотой». (газета «Литературная Россия», №25, июнь 1965).

В 1971 году появляется третья книга Степана Позднякова с поэтическим названием «Косы русые России» (Тула, Приокское изд.). Лучшие стихи этого сборника – это стихи о войне, природе.

Война в поэтических произведениях Позднякова «адская работа», военные пейзажи – это кровь, смешанная с землей и пеплом. Солдаты – истинные герои войны – это не былинные богатыри, а реальные, измученные этой «адской работой» люди.

*Прекратилась адская работа –
Бой окончен. Замолчал окол.
Командир зенитного расчета,
Сняв пилотку, вытирает лоб.
За минуту хочется забыться,
Отхлебнуть из фляги хоть глоток,
Слышно, где-то с брусвера струится
С пеплом перемешанный песок.
Остывая, сделался белесым
Накалённый боем небосвод.
Дым привстал на цыпочках над лесом
И затылком солнце достаёт.*

Стихи о русской природе, созданные Поздняковым, отличаются ненавязчивая образность, теплота чувств, какая-то чисто русская грустная пронзительность.

*Спасая саженец от зноя,
Юнец измаялся до слез,
Пока ведро с водой речною
Издалека ему принес.
И, словно мальчику в угоду,
Немного жажду утоля,
Сосёт, причмокивая, воду
Губами черными земля.*

Окружающая человека природа в поэзии С. Позднякова живет,

радуется и печалится, как и сам человек.

Деревенское детство и юность поэта подарили ему особый взгляд, взгляд человека от земли, взгляд, способный создать «песню» о самом, казалось бы, непоэтическом.

*Загребая снег с налета,
Приминая поплотней,
Ветер белые ометы
Воздвигает у плетней.
Под тепличной крышей – рамой,
Точно шустрые мальцы,
К солнцу тянутся упрямо
По шпагату огурцы.
Вдоволь влаги, вдосталь света:
Ну, совсем шольский вид!
Сквозь стекло зима на лето,
Как Снегурочка, глядит.*

В последние годы жизни С.Я.Поздняков печатался в местных стах. Он писал о природе, родном городе, его людях.

В «Донской газете» 1.05.1989 года было опубликовано его стихо-
ление о весне, о том времени, когда он появился на свет в 1913 году.

*Струя
Тяжелая, косая
Летит, шумя,
Из облаков.
С цветущих яблонь
Обивая
Снежинки
Белых лепестков.
И всё же
Кажется хорошим
Неповторимый
Вешний день:
Как будто
Первою порошей
Покрыты
Стёжки и плетень.*

Будучи патриотом своей «малой Родины», С.Поздняков много писал о родном городе и крае: стихотворения «Тобою гордится Москва», «Город в степи», «Красная строка», «Стихи о родном городе»,

«Хитровщина», «Дон», «Иванозерские предания», «На Куликовом поле», «Урван. Поэтический репортаж».

Много лет поэт прожил на улице, которой посвятил такие стихотворные строки.

*Но мне милей всех в городе родном,
Берёзовая улица, признаться,
Где против рожи – двухэтажный дом.
Она скромна,
Не выдаётся блеском,
А березняк напоминает мне
Исхоженные в детстве перелески
В краю отцов – рязанской стороне.*

(стих. «Березовая улица»).

Сейчас на доме №18 по улице Березовой висит мемориальная доска, напоминающая о том, что в нем жил поэт – новомосковец Степан Яковлевич Поздняков.

Многие годы в этот дом приходили из разных уголков страны письма от В.Астафьева, открытки от семьи Смеляковых, телеграммы Н.Старшинова, письма читателей поэзии С.Я.Позднякова.

Поэт вёл большую общественную работу, воспитывал новое поколение новомосковских литераторов.

В 1986 году С.Поздняков был награжден Орденом Отечественной войны второй степени за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

13 февраля 1996 года поэта не стало. Прах его покоится на городском кладбище.

После смерти С.Я.Позднякова его дочери передали в музей личные вещи поэта, письма к нему русских писателей 20 века, официальные документы.

Сейчас в городском музее есть фонд С.Позднякова, и в одном из залов музея можно увидеть материалы о жизни и творчестве старейшего новомосковского поэта, когда-то написавшего о нашем музее:

*Отсюда, как в бинокль, всегда
Отчётливей видны
И годы войн, и мир труда,
И будущность страны.*

Частью культурной жизни Новомосковска навсегда стало и творчество С.Я.Позднякова, о котором проникновенно написал его друг, поэт Ярослав Смеляков: «Всю свою жизнь он отдал советской поэзии; и как автор трех сборников и как организатор литературного объединения и литературных страниц и как неутолимый пропагандист всего лучшего, что есть в её активе. Он прекрасно знает жизнь людей своего города и окружающих этот город шахтёрских поселков, любит историю района, в котором живет и трудится. Он пишет, главным образом, о своём крае и пользуется большим уважением шахтеров, химиков, колхозников, которые являются и героями его стихотворений и его признательными читателями. Стихи его написаны хорошим языком, предельно ясно, экономно. У него нет фальшивых нот, туманностей, уклончивости».

ДМИТРИЙ РАКИТИН

Дмитрия Егоровича Ракитина я знаю с 1974 года. Познакомились мы на стоянке туристских групп. Тогда, в 70-е годы прошлого века, почти каждый день по маршрутам, разработанным Новомосковским бюро путешествий, отправлялись автобусы в Рязань, Калугу, Ясную Поляну, Москву, Спасское-Лутовиново, на Куликово поле. ... Мы работали внештатными экскурсоводами. С тех пор прошло много лет ...

Дмитрий Ракитин родился 16 июня 1949 года в поселке Шалыгино Сумской области на Украине. После школы поступил в Пермский университет на филфак. По окончании его приехал в наш город, недолго работал во Дворце Пионеров, затем много лет занимался журналистикой, печатал свои статьи в периодических изданиях области.

Его первый рассказ «Чика» был опубликован в 1981 г в литературном сборнике «У истоков Дона». Это рассказ о человеческой доброте и человеческой жестокости.

Токарь Васья Зубило из ремонтной мастерской невзлюбил бездомную собаку, по кличке Чика, которую приютили рабочие. «Была она худая и плоская, когда-то серая, а теперь стала чёрной от мазута, масел, моторов, о которые тёрлась любопытный мордой. Её крупные соски почти волочились по земле, ребра резко выпирали через кожу». (1, с.115).

Когда Чика оценилась, Зубило выбросил на мороз четверых её щенков, которые погибли от холода. А пятого – Чика спрятала, но Зубило решил расправиться с ним.

Когда Чика бросилась на защиту щенка, Зубило забил её до смерти. А щенок выжил. Рабочие назвали его звездочётом, «потому что по ночам, как будто что-то припоминая, щенок часто выл и поскуливал на улице, уставя морду в звёздное небо». Зубило ушел из мастерской, и все о нём забыли.

Уже в первом опубликованном рассказе проявилась главная черта творчества Д.Ракитина – категорическая неприязнь жестокости, в чём бы она ни проявлялась.

Такое отношение к жизни писатель вынес из далёкого детства: «Только возвращаясь туда, в детство, в родительский дом, понимаю, там было заложено во мне понимание мира. Именно с тех, детских впечатлений, когда я вольной птицей парил в небе, и осознавал я свою судьбу». (2, с.7).

Именно детские воспоминания писателя легли в основу повести «Лошадь по кличке Пуля». Она увидела свет в 1991 г. Главный герой ее

– маленький Егорка – живёт в степном краю, в небольшой деревушке Маковке.

Его окружают любимые и любящие люди: мать, отец, работающий ветеринаром, сёстры, дедушка Разумей. И ещё он дружит с лошадей, по кличке Пуля, которая была ранена и поэтому не угнана немцами и которую вылечил его отец. На лошади ездит отец Егорки, а иногда вместе с отцом и сам Егорка совершает незабываемые путешествия по округе.

Жизнь в Маковке размеренная, трудовая: «И работать, и петь умеют маковцы, о них слава добрая далеко разнеслась». (3, с. 8).

В этой жизни сказочное переплетается с реальным. Дед Разумей рассказывает поэтическую историю о хромой Пуле, о том, что она «была не просто конём, а конём – звездой. В тёмные ночи загоралась звезда на её лбу, словно солнце, освещала дорогу солдатам. Страшно боялись фашисты этого огненного коня, подстерегали, чтобы убить, но не давалась лошадь пуле. Неуязвимая и лихая лошадь исчезала так же быстро, как и появлялась, потому прозвали ее маковцы Пулей». (3, с. 24).

Кузнец Разумей – главный «по историям», он любит пересказывать то, что слышал, да и сам не прочь кое-что присочинить. Но его «истории» воспитывают в Егорке воображение, умение фантазировать и смотреть на мир глазами поэта: «Такие ли уж сказки маковцы рассказывают? – думает Егорка. – Стоит присмотреться... И правда, вербы – это заплетённые девичьи косы, а озеро – глаз великана. Камыш, что колышется в озере, вовсе не камыш, а борода великана...» (3, с. 30).

Интересные люди живут рядом с Егоркой. Плотник Яшка Шум не только украсил Маковку, а «историю расскажет не хуже деда Разумей» (3, с. 41). О плотнике, весельчаке и балагуре, отец говорит Егорке: «Такие солдаты, как Яшка Шум, на фронте лучше докторов иных были... Как у нас в полку говорили, с печали по дому не мрут, а сохнут» (3, с. 44). В маленькой избушке живет деревенский художник дядя Герасим, «семья» которого – это его картины: «... на стенах и весна, и лето, и мороз, и жаворонок... Вон морковка с зелёными косами, грач с грачатами, словно прокопчённый кузнец Разумей в окружении мальчишек, розовощёкое яблоко...» (3, с. 64)

Со старого тополя осматривает Егорка степь, весь маковский край: «... степь такая золотая – золотая! Как море колышется, веселый ветер гуляет по ней... И птицы разные летают, на горизонте теремок стоит, в котором солнце живёт» (3, с. 48)

Красива степь, но Егорку родители туда не пускают, потому

что «начинена» она минами, на них и после войны подрываются люди, так погибает ветврач дядя Ваня Полянин.

Дыхание войны чувствуется в этой повести о детстве. Но маковцы, в том числе и дети, не ожесточились: «Егорка любил всё живое, и когда причиняли боль даже дождевому червяку, он не мог сдержать слёз». (3, с. 72). Это проявляется в истории со щенком Дозором, который погибает задавленный телёнком в сарае. Егорка горько оплакивает его. Эта тёплая, поэтичная вещь заканчивается тем, что Егорка едет на базар с родителями за тетрадами, ручками, карандашами, портфелем – ему пора в школу. В купленном родителями букваре с изумлением обнаруживает герой повести родной ему мир: «Тут и мама доит корову Зорьку, и отец лечит маленьких ягнят, на лугу у речки Крупки лошадь Пуля пасётся. А вот и школа Егоркина с широкими окнами стоит на высоком белом фундаменте. У входа учительница Елена Андреевна, такая красивая, как Елена Прекрасная из сказки» (3, с. 94).

В разделе «Пробуждение» (книга «Лошадь по имени Пуля») собраны лучшие миниатюры, эссе, новеллы. Они посвящены природе, разным временам года. О весне Д.Ракитин пишет в «Пробуждении», «Траве»; о лете – в новеллах: «Воробьи», «После грозы», «За ягодами», «Ночью», «Гости», «Радуга», «Воспоминания» и др. А прекрасной русской зиме автор посвятил миниатюры: «Плач», «Пленница», «Сорока», «Нежданная гостья», «Вихрь», «Вороны», «Картина», «Голос».

Пожалуй, основная мысль пейзажных зарисовок выражена в финале одной из них; «Человек в предельной своей открытости встанет перед другими, только тогда, когда его одного оставить в глухой лесной чащобе. Испуганный вначале, человек инстинктивно поймёт: он такая же травинка, ромашка или голубой колокольчик. И очистится душа человека». (3, с. 107)

Миниатюры, эссе Д.Ракитина можно назвать философскими, так как в них нашли отражение размышления автора, рождённые его общением с природой.

В 1997 г. увидели свет «Сказания Боярщины», которые затем стали второй частью книги «Выглядовские истории», напечатанной в Туле в 2001 г. Д.Ракитин пишет о своих родных местах: «Наша Боярщина на самом пограничье стоит меж Украиной и Россией. Деревень много: Ходило, Козино, Ковенки, Вшивка, Мадькино, Сосновка ... Шумные, людные и весёлые были деревни, ребятни не перечесть ...

Речка, хоть и мелкая была, да рыбешка водилась, а в округе прудов, ставков десятки.» (4, с. 90)

И хотя автор давно уехал из родных мест, вспоминает он свою

Боярщину и её жителей.

И эти воспоминания вылились в рассказы, в которых есть и украинский смачный юмор, и щемящие нежность и грусть. Грусть оттого, что Боярщина постепенно пустеет, молодые уезжают искать счастья в городе. Вот и дети троюродной сестры героя-рассказчика Нины Захарки, которых она рождает, потому что «дитё нехай живеть! Божье создание!», - рано или поздно улетят из родного гнезда. (4, с. 99) «Куда?» – таким риторическим вопросом заканчивается этот в общем-то светлый по настроению рассказ.

Боярщина «населена» самыми разными, но всегда запоминающимися людьми: это и Нюнька Аришина, всю жизнь прожившая одиноко (муж ее погиб на фронте), про которую говорят, что она с нечистой силой водится (рассказы «Васюта», «Нюнька»). Или, например, сестра Ольга, ставшая продавцом в сельском магазине, а затем уехавшая из села, потому что «на базе с документами её обставили», и пришлось отцу корову продавать, чтобы возместить «убытки» (рассказ «Папан»).

В рассказе «Не так живем» автор представляет на суд читателя еще одну судьбу – судьбу Ивана Андроса, двоюродного брата рассказчика. Хороший механик, но «правдолюб», он нигде не приживается. Сменив много мест работы, он начинает спиваться, заканчивается его жизнь трагически – тяжёлой болезнью и преждевременной смертью.

Уже зная, что век его недолог, беседуя с героем – рассказчиком, он говорит: «Ты только погляди, братан, что делается? Род наш вымираить, поразъехались, поспивались, в урки пошли ... Так и весь русский род ... Усе пьють! ... Не так живем!»(4, с. 109)

Не сложилась и судьба друга детства автора Коли Ачука, хорошего музыканта, который остался в деревне работать трактористом. Но постепенно пристрастился к вину, так как нет у него ясного представления о смысле жизни. И уехав «из деревни в Крым, он там не смог наладить свою жизнь» (рассказ «Коля Ачук»).

Тётка Тонька думает, что жизнь изменится: «Вот храм откроют, глядишь, и остепенится народ», а все беды оттого, что люди живут без Бога: «А как без Бога!»(4, с. 122)

Рассказ «Рождво» весь пронизан светлым рождественским настроением.

Если вспомнить повесть «Лошадь по кличке Пуля» и сравнить её со «Сказаниями Боярщины», то выявится одна неприятная тенденция нашей сельской жизни в 20 веке – разрушение и деградация деревни. Её и проследживает в своих произведениях писатель Д.Ракитин.

Нерадостными оказываются и «Выглядовские истории». Они состоят из двух частей: «Про Ивана Подкову» и «Соседи».

В рассказе «Подкова» читатель знакомится с одним из главных героев книги: «Иван Павлович росточка маленького, хром на левую ногу, ходит с костылем, но проворен в свои почти восемьдесят. Синеватенькие глазки его остренькие, озорные» (4, с. 10).

Иван Петрович «с виду ... строг, неприветлив даже, но стоит выпить рюмку, не остановишь его» (4, с. 10).

Он любит рассказывать истории о своей жизни, о прошлом, например, о том, как его род получил такую странную фамилию – Подкова, которую им якобы дал сам царь Пётр I.

Часто вспоминает он войну, в которой участвовал: вот он рассказывает о том, как ходил за грачом на нейтральную полосу. А подбитый грач и упавши ближе к немцам, еле ноги он с этим грачом унёс: «Тут пальба! Батюшки светы, пропала моя жистушка! Ну а как добрался до своих, чую, дух аж заперло. Перекрестился Матушке-Заступнице: ведь за грача, не за барана даже, чуть богу душу не отдал» – говорит он жене Анне Даниловне (4, с. 16).

Рассказ вроде бы шуточный, но шутка-то страшная, ведь грач – это мясо, солдаты-то «трое суток не жравши были» (4, с. 16). И за это чуть не попал в дезертиры, а через 50 лет после войны получил медаль «За отвагу». В рассказе «Грач» речь идет об обычных простых людях, которые прожили такую же жизнь, как и миллионы других, но они исполнили свой человеческий долг: «А нам, что же людям в глаза не стыдно смотреть. Прожили как прожили. Деток воспитали, внучков и внучек нянчим», – говорит жена Ивану Павловичу (4, с. 20). Да и сам Подкова доволен своей жизнью: «Жизнь-то какая! Тяжёлая вроде, а такая хорошая!...» (4, с. 19-20).

Первая часть «Выглядовских историй» – это рассказ о семье и родственниках Ивана Подковы. Его зять-Семёнович, как и сам Иван Павлович, всегда готов помочь другим (рассказ «Глюкало»). В рассказе «Мент» речь идет о сыне Подковы: «Он приземистый, широкоплечий, крепкий, лицо почти квадратное, плоское, глаза серые, глубокие.» (4, с. 26).

Коля Подкова рассказывает о том, что, когда «в Чечню хотели сплавить, звёздочку давали, деньги большие обещали», он ушёл из милиции потому, что не понимал: «За что воевать?» (4, с. 27).

Теперь Коля служит охранником в фирме и строит новый дом в деревне.

В семье Подковы, как и у всех, есть свои проблемы. О них читатель узнаёт из рассказов: «Жаркое», «О грешниках», «Куренчиха»

и других. Родная сестра Ивана Павловича и та признается, что он не был ангелом. Всякое в жизни бывало. А его Анна Даниловна не только счастья, но и горя много повидала: «... один сын помер, а через год и второй под поезд попал, надвое разрезало» (4, с.39).

Вторая часть «Выглядовских историй» названа автором «Соседи». Это и Тяпа-Колдунья, муж которой считает, что она его сглазила, оттого его скрутило и высушило; это и Петрович, которому уже шестьдесят и которого подозревают в любви к соседке Дуське, которую жена и сестра Петровича считают стервой и воровкой, а он – неплохой бабой, которая его от смерти спасла.

В деревне, хоть и небольшой уже, народ разный с разной судьбой. Толя Ивляков, по прозвищу Ратан, - пьяница, выброшенный на обочину жизни. Постепенно он спивается с двумя братьями, которые живут воровством. Зимой Ратан пропадает, его тело находят весной в рощице, на краю деревни. Горечью пронизан рассказ об этом человеке, «прожившем пьяную и пустую жизнь, и умершем как дикий зверь, вдали от людей» (4, с.66).

Деревенский пастух Сюля, бывший плотник на железной дороге, попавший под сокращение, пасёт стадо, в котором всего восемь коров.

А Мишка Дятел в который раз собирается начать жизнь сначала, но страшная русская болезнь – пьянство-вряд ли позволит ему осуществить его планы: жениться, поставить домик и жить как люди.

Сюля с грустью описывает ситуацию: «Они с моим Стаськой и спиваются, один оболтус и второй такой же» (4, с.71).

О сыне Сюли – Стаське – рассказ «Забавы весны». Хороший в общем-то парёнок, но сломали его страшные обстоятельства жизни: родители – пьяницы, а после армии женитьба на девице, которая тоже «оказалась из пьющих» (4, с.83). Такое «окружение» сделало из Стасика пьяницу. Сам он объясняет всё так: «Рабо-о-тал! А деньги разве платили! К пяти утра бежишь голодный к трактору, к вечеру голодный приходишь, в доме жрать нечего, они лежат хорошенькие ... Разве такое выдержишь!...» (4, с.85)

Сюля говорит о том, как сильно время и обстоятельства изменили людей, разобшили: «Да-а-а, не те раньше были люди! Счас что, зазнались, каждый сам по себе! Раньше на Троицу соберёмся на этой поляне, у кого что есть выкладываем, с каждого по бутылке с головы, Сашка Сумин с Подковой на гармониках играют ... А теперь землю покупают – продают, теперь не то, каждый сам по себе ...» (4, с.80-81)

«Выглядовские истории» Д.Ракитина – это грустный и правдивый рассказ о распаде когда-то крепкой русской деревни и такой же крепкой крестьянской семьи.

Семья – это то, с чего начинается каждый человек, семья – это и судьба каждого ее члена. Дружная, работающая, любящая семья – это счастливая судьба отцов, матерей, детей, внуков. Но таких семей практически не осталось в разорённой, разобщённой и вымирающей деревеньке Выглядовке, бывшей когда-то большим селом.

Член Союза писателей и Союза журналистов России Д.Ракитин сейчас работает над философской прозой, продолжая темы «Пробуждения», «Дыхания земли» (последний раздел «Выглядовских историй»).

В эссе «Что принес ветер» писатель размышляет о природе русской одарённости: «Не в этом ли просторе русской природы тайна русской одарённости, проникновенности, не в этом ли шелестящем, шумящем, рокошущем мире леса, неба, поля?»

И, наверное, совсем не случайно на этих тысячелетних просторах убаюканная вселенской тоской и тайной русская душа исподволь начала воссоздавать то, что вылилось потом в сказки, предания, былины, в мир Тургенева, Толстого, Бунина...? Запечатлённые мгновения, как знаки не только жизни, но и самой вечности.»(2, с. 16)

Проза Д.Ракитина продолжает гуманистическую, патриотическую традицию классической русской литературы с её заботой об «униженных и оскорбленных», любовью к человеку и всему живому, тревогой за судьбу страны. Не случайно в 2003 году писателю была присуждена литературная премия Л.Н.Толстого.

В эссе «Что принес ветер» есть такие строки: «Не каждому дано выразить беспредельность мира, но каждому русскому дано почувствовать беспредельность мира»(2, с. 16)

Почувствовать беспредельность русского мира помогает нам талантливая проза Дмитрия Ракитина.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) У истоков Дона Тула. Приокское, 1981
- 2) «Были-небыли», приложение к газете «Шанс», №4-5, 1992г.
- 3) Д.Ракитин. Лошадь по кличке Пуля. Новомосковск, 1992г.
- 4) Д.Ракитин.. Выглядовские истории. Тула, РИФ «ИНФРА», 2001

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

В 2002 году вышел в свет роман-память «Сталиногорцы», он рассказывает о трудных военных годах города, о судьбе наших земляков. Автором романа – документа является Николай Александрович Смирнов.

Он родился 12 октября 1941 года в поселке Петропавловский Кировской области. Ему повезло: среди трех вернувшихся с войны мужиков был и его отец.

После учебы в школе Н.Смирнов работал лесорубом, подсобником на добыче живицы, сталеваром в Ижевске. Затем были Ижевский сельскохозяйственный институт и работа зоотехником на Севере, на Урале. С 1975 года Н.А.Смирнов связан с Тульской землей.

Еще учась в школе, Н.Смирнов начал писать стихи и небольшие заметки, в основном сатирического плана. Некоторые из них печатались в районной газете.

Но серьезно заниматься литературой Н.А.Смирнов начал в 80-е годы. Тогда же были напечатаны его первые произведения в периодической печати, в том числе, по рекомендации В.Астафьева, в журнале «Наш современник».

А в 1982 в Приокском издательстве (Тула) вышла повесть «Ветлугаев бор». Она состоит из рассказов, повествующих о нелёгкой послевоенной жизни. Герои её – дети и взрослые, живущие в лесном поселке, о котором автор сообщает следующее: «Починок наш затерялся в старых березовых перелесках, по которым бегут во все стороны заброшенные конные дороги, покрытые зимой нетронутыми снегами, а осенью сугробами опавших листьев».(1, с. 3).

Рассказ ведётся от лица одного из героев повести-подростка Саньки Зайцева. И этот писательский прием во многом определил искренность и непосредственность этого повествования. Через восприятие подростка-рассказчика мы видим других героев повести, например, бабушку Прасковью, «специалистку» по страшным рассказам о нечистой силе.

Он рассказывает о находке 18 млн. старых бумажных денег и о том, чем закончилась игра на эти деньги в Жилево, и о том, как ребята, отправившись на перезд за оружием, попали в танк в военном составе, как захлопнулась крышка башни и ...

Но главное в повести – это обычная жизнь маленького посёлка с её радостями и бедами. Герои её незаметные, простые люди. Каждый из них делает своё дело, и если делает его даже очень хорошо, всё равно

не задирает носа. Настоящие герои выглядят совсем не плакатными богатырями. Поэтому и удивились ребята, побежавшие посмотреть на вернувшегося с фронта знаменитого снайпера Калинина, увидев в конюшне «щербатого мужичишку в кепке-восьмиклинке и заношенном пиджаке с деревянными пуговицами» (1, с. 37).

Зато их поразил китель снайпера, увешанный наградами.

А вот Семен Жуйков, так цветисто рассказывающий о своих военных «подвигах», на фронте никогда не был.

Настоящими героями выглядят в повести мастеровые: гончары, лопатники, приезжавшие в починок. Об их труде автор отзывается уважительно.

О нелегких взаимоотношений человека и природы – рассказы «Весна на Быстряне», «Живица», «Дальняя дорога». Н. Смирнов пишет о своем родном крае с любовью. Описания природы в «Ветлугаевом бору» великолепны. Автор знает лес, повадки его обитателей; любовью дышат страницы повести, посвященные животным, без которых невозможно существование деревенского жителя. Прекрасны рассказы о старом коне Рыжко, «бестолковом» псе Джеке, о вредном козле Яшке, о корове-труженице Маньке и др.

Люди, животные, птицы, растения – всё органично сосуществует на страницах повести Н.Смирнова.

Послевоенная жизнь полна трудностей, но люди, только что пережившие войну, не ожесточились.

Соседи помогают тётке Разумихе, весь починок собирает еду для заболевшего плотника, дедушки Протаса, во время перегона скота в заготконтору дядя Михай и ребята помогают голодающей семье 12-летнего Гришки.

Человеческая доброта – вот что помогает жить и выжить обитателям починка. А общая радость, несмотря на личные беды, объединяет людей, делая их сильнее (рассказ «В день Победы»): «Что тогда творилось! Тётка Макариха, которая первая узнала новость, бежала домой бегом целых 10 км и так забежалась, что упала посреди починка и ее отливали водой. Потом все собрались на берегу под березами, пели и плясали до утра, так что у бабки Дарьи даже оборки у лаптей оборвались. А дедушка Протас играл тогда почти целые сутки и уснул прямо на лавке» (1, с. 181).

С тематикой «Ветлугаева бора» связана и повесть «Живица», которая «родилась» из одноименного рассказа первой книги писателя и увидела свет в 2002 году. В аннотации к ней написано:

«Тема этой книги – жизнь российской деревни в послевоенное

время. Чистота и сила северной природы, цельность характеров и их небывалые оптимизм и стойкость – вот луч этой надежды, которая позволяет видеть свет впереди, избавление от тяжелой доли и заблуждений».

Сюжет повести – это рассказ о нелегкой работе по сбору живицы.

Живица – это смолистое вещество, которое добывается из сосны, оно идет «для изготовления мыла, камфары, олифы, лаков, для придания каучуку большей эластичности для лужения и пайки, для изготовления изоляции, эмалировки, типографских красок». (2, с. 23). Главные герои повести дядя Михей и ребята, которых он берет с собой на сбор живицы, – Санька Зайцев и Павлушка Забродин. Чтобы добыть живицу, нужен поистине каторжный труд. И об этом со знанием дела пишет Н. Смирнов. Но его произведение – это не «производственный роман», это, скорее, поэма о русском лесе.

Великолепные описания бора настолько живописны, что напоминают картины русских пейзажистов. Боры, оказывается, бывают разные: беломшаники, зеленомшаники, долгомшаники, черничники-брусничники, болотные ...

Сочность, яркость, образность прозы Н. Смирнова особенно сильно проявляется в его пейзажах. Вот что пишет он о боре – зеленомшанике, сравнивая его с беломшаником: «Сосны такие же огромные, только, может, растут чуть-чуть пореже. И земля, на какой они растут, точно такая же – белый или желтый песок. Но она уже не настолько сухая, как под беломшаником, поэтому вместо белого мха в таком бору растёт мох зеленый. Как по дорожному ковру идёшь по нему, честное слово. А если устал, так ложись и спи, как на перине. Пить захочется – пожалуйста. Выдерни прядку мха, продави землю палкой сантиметров на 15-20 и пей через соломинку сколько угодно. Вода холодная, как в ключе, и, конечно, чуть сосной и мхом отдаёт, но если пить захотел, то ничего, напьешься». (2, с. 55).

Бор отличается от других лесных массивов: «Боры всегда остывают медленно, и даже утром вы еще чувствуете их тепло. Да что говорить, бор есть бор. В нём даже зимой и то будто теплее.

Отчего думаете? Да оттого, что стволы-то сосен красные, будто раскаленные. От этого и теплее кажется. Это не то что в каком-нибудь еловом чапыжнике. Там в любую жару пронимает тебя холодом, сыростью да ознобом. В настоящем же бору всегда тепло и сухо, даже осенью, когда неделями льют дожди, когда в других лесах лужи стоят, как озера. А тут всё в песок уходит. Да и дождь-то в бору не достает,

будто крыша у тебя над головой. Идешь себе спокойно, да режешь в лукошко подосиновики, грузди, рыжики. И везде тебе дорога, хоть вправо, хоть влево, хоть прямо. Шагай куда угодно, потому что ни хламу, ни валежнику, ни пеньков, ни кочек, ничего этого нет в настоящем бору. Мало того, всякая усталость в нем проходит. Вот уже вроде и ноги едва волочишь, а зашел в бор и сразу у тебя силы появились, будто живой воды напился»(2, с.49).

Боры – не только источник жизни, украшение земли, они ещё и хранители местной истории. Евланов бор – это память о раскольнике Евлане, который жил и умер здесь.

А Ветлугаев бор получил свое название от фамилии погибшего на фронте лесника Степана Ветлугаева.

Есть в бору (повесть «Живица») огромная Митина сосна, «с неё лесник смотрел, нет ли где лесного пожара»(2,с.36). Но однажды нашли Митю «под сосной с раздробленными костями. Оскользнулся ли он, задремал ли наверху и сшибло его ветром, кто знает? После него на сосну уже больше никто не отважился взлезать». (2, с.36). Митину сосну берегут как память о прежних могучих лесах и о человеке, который любил лес больше жизни.

В бору можно встретиться с глухарём, сохатым или медведем, а можно и с дезертиром, что и случилось с героями повести. Они случайно наткнулись на Кольку Пронина, который сбежал с фронта и прятался в бору.

Смесь жалости и презрения испытывают герои повести к этому человеку, ведь из 350 ушедших на войну мужиков вернулось только 47. Все они честно выполнили свой долг перед страной, народом. Жизнь дезертира трагически обрывается: не выдержав одиночества, безысходности, угрызений совести, он вешается на дереве. Судьба Кольки Пронина напомнила историю другого дезертира, из повести В.Распутина «Живи и помни».

Живица, которую добывают герои повести, напоминает о словах «жизнь», «живой». Тяжкий труд, действительно, помогает людям жить, а общение с живой красотой восполняет затраченную энергию. Вторая повесть из книги «Живица» называется «Кинопередвижка». В ней рассказывается о том, как ребята помогают киномеханику Лёньке Замотаеву возить кино по округе на старом быке Зимогоре. Дорожные приключения этой «кинопередвижки» и стали сюжетом весёлой, наполненной разными событиями повести.

Ребята меняют части фильма о Чапаеве, и герой остается живым, в конце фильма он поёт песню о чёрном вороне.

Во время поездки в Сычи Лёнька попадает в бучало, из которого его вытаскивают ребята, а внучка бабки Аграфены лечит отваром из трав.

Потом Санька спасает от смерти объевшегося клевера Зимогора.

Наконец, после показа «Чапаева» в Жилево парни избивают Лёньку Замотаева за то, что он танцевал с буфетчицей Райкой и рисовался перед местными. Заканчивается повесть тем, что Лёнька, «разочаровавшись» во всем, уезжает в город «за культурой».

Лёнька Замотаев – это сатирический образ, автор не питает к нему симпатий, да и окружающие тоже. Он спесив, заносчив, упрям, не считается с мнением других людей, а иногда – просто нагл, за что ему и попадает. Это живо написанный образ такого деревенского «стиляги».

Н.Смирнов, даже создавая не очень положительных героев, все-таки оставляет им какой-то шанс на исправление, поэтому в его повестях нет злобы, нетерпимости, зато есть понимание человека, его сложной природы.

Произведения Н.А.Смирнова отличает сочетание драматизма и юмора, великолепный язык, умелое построение сюжета, неторопливость и обстоятельность повествования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Н.Смирнов. Ветлугаев бор. Повесть в рассказах. Тула, Приокское, 1987
- 2) Н.Смирнов. Живица. Тула, «Александр Невский», 2002г.
- 3) Н.Смирнов. Сталиногорцы. ООО РИФ «Инфра», 2002г.

ВЛАДИМИР СОТКА

*Лист ложится на стол...
Замечтаюсь на миг:
Станьте, строчки, мостом
Между мной и людьми.*

В. Сотка

Этот поэтический мост Владимир Валерьевич Сотка начал «возводить» в 1977 г., когда были написаны его первые стихи. В то время ему было 14 лет (родился Владимир Сотка 22 апреля 1963 г. в Новомосковске).

Стихи он писал и в школе, и во время учёбы в химико-механическом техникуме, и работая по распределению в Череповце. Потом была служба в армии. Стихи В. Сотки публиковались в газетах, коллективных сборниках; в 2001 г. вышла первая книга поэта – «Памяти лета».

Как-то во время одного из своих выступлений в нашем музее Владимир Сотка признался, что в своём творчестве идёт от символизма. Это признание поэта помогает разобраться в некоторых чертах его творчества.

Литературный энциклопедический словарь даёт такое определение: «Символизм – европейское литературно – художественное направление конца 19 – начала 20 в. Оформилось в связи с общим кризисом буржуазной гуманитарной литературы, а также в связи с позитивистской компрометацией реалистических принципов художественного образа...» (1. с. 379)

В «Энциклопедии символизма» французские исследователи пишут: «... современная поэзия в России начинается с символизма». (2. с. 198) А именно, с творчества таких поэтов, как А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт.

В основе символизма лежит условный знак – символ. В сонете «Соответствия» один из предшественников символизма французский поэт Шарль Бодлер, автор сборников «Цветы зла», «Стихотворения в прѣзе», писал:

*Природа – древний храм. Невнятным языком
Живые говорят колонны там от века;
Там дебри символов смущают человека,
Хоть взгляд их пристальный давно ему знаком.*

*Неодолимому влечению подвластны,
Блуждают отзвуки, сливаясь в унисон,*

*Великий, словно свет, глубокий, словно сон;
Там запах, цвет и звук между собой согласны.*

(4. с. 48)

Французский критик Реми де Гурмон в 1896-1898 гг. в «Книге масок» перечислил признаки символизма в искусстве: «... индивидуализм в литературе, свобода в искусстве, тяга к тому, что ново, странно и причудливо, идеализм, презиравший мелкие подробности общественной жизни, антинатурализм, наконец, верлибр». (2. с. 181).

Верлибр – свободный стих, в основе которого лежит «однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию, с которой произносят каждую из стихотворных строк – фраз свободного стиха». (3. С. 137).

Символисты мечтали заменить «математический ритм» ритмом движения души. Верлибр часто использует в своем творчестве и Владимир Сотка. Один из примеров – стихотворение «Путешествие»:

*Я куплю билет
В тот, другой конец моей жизни,
Который я еще не видел.
Постучу в свою дверь:
- Владимир Валерьевич дома?
- Его нет, -
Ответит мне совсем незнакомая женщина.
Его нет.
Его нет, но я знаю,
Что он гуляет
Осенними мокрыми улицами
И желтые листья
Шуршат под ногами, как мысли
О прошедших годах
И еще не прошедших годах.*

(7. с. 16).

Французский критик Шарль Морис когда-то сказал: «Символ – это слияние души с предметами, пробудившими наши чувства, вымысел, который упраздняет для нас время и пространство» (2 с. 182). Хорошая поэзия тоже «упраздняет время и пространство», потому-то она и бессмертна.

Стихи Владимира Сотки – это цепь метафор, образов-символов, создающих странный, нереальный и в то же время узнаваемый мир.

*Пока заботливой рукой
Людей не прибран сад,
И, будто гроздь, над Окой*

*Созвездия висят,
И, точно старый крохобор,
Считает ночь огни,
Опершись локтем на забор,
А мы с тобой – одни, -
Пойдем, я покажу тебе
Из-за вишневых стин,
Как сладко, словно воробей,
В ромашках лето спит.* (7. с. 12).
(стих. «Розовый туман»).

Каждый из нас помнит некие реальные мгновения в жизни, которые и по прошествии многих лет воспринимаются как сон или нечто, бывшее не с нами, где мы были участниками и одновременно зрителями происходящего. Обычно это связано со счастьем. Как в стихотворении В. Сотки.

Художественные средства в его поэзии весьма разнообразны, они привлекают своей свежестью и неординарностью. Это, например, олицетворения:

*Между домов,
Между деревьев
И между
Лиц ходит дождь (7. с. 8).*
(стих. «Свобода»).

О весне поэт говорит:

*∴ мыла площади грозою,
Веснушки крупных одуванчиков
Бросала горстью на газоны ... (7. с. 9).*
(стих. «Весна»).

В этом же стихотворении

*Фонарь сражается отважно
С лохматой ночью.
...
И будет маяться меж рамами
Беспечный луч, окном плененный.*

Природа оживает в поэзии В. Сотки.

*Напуганный дождем, воспрянет куст сирени
И – капли отряхнет.*
...

*И солнце, уходя, облизнет длинно землю
И заросли плюща. (7 с.37).*

(стих. «Напуганный дождем...»).

В его стихах есть и превосходные сравнения. Например:

... Металась осень в сарафане ярком.

Облезлая, шальная, как лиса

В передвижном столичном зоопарке. (7. с. 27).

(стих. «Будни»).

Трагизмом окрашены метафоры:

... Мне холодно, поручик,

На сквозняке времен. (7. с. 6).

(стих. «Дуэль»).

Повсюду – пепел дней. (7. с.7).

(стих. «В который раз ты пьян...»).

Владимир Сотка не боится ломать поэтические стереотипы. И узник в его стихах желает кандалов, потому что это кандалы любви:

На углу магазина «Одежда»

Узник отпущенный

Думает о кандалах. (7.с.8).

(стих. «Свобода»).

И привычное «руки, холодные, как лед», оказавшись в поэтической строке, звучит так:

... ждать дождя. Холодного, как руки

Пришедшей из него ... (7.с. 29).

(стих. «Ожидание дождя»).

Символисты любили использовать в своих стихах живописные и музыкальные образы, часто упоминали имена художников, композиторов, близких им по настроению. Владимир Сотка в этом смысле не исключение. Вот несколько цитат из его произведений:

В ней черной тайною Малевича

И гулом псеки в июле,

И, - как архангелы речками

Или тревогой караульный –

Дурманом клевера полна была

Душа, не тронутая прежде. (7.с.13).

(стих. «Пиноккио»).

*Здесь уже удивленный жасмин лепестки осыпает
И в акациях солнца лучи – коньяка золотистой.
Это – время любви. Это – вечер Ивана Купала,
Это – сам Модильяни играет божественной кистью
(7.С.15). (стих. «Праздник»).*

Стихотворение «Показалось» начинается как прелюдия к изысканному натюрморту:

*А в осеннем саду
Замерзают последние розы.
Им сегодня приснился
Хрустальный сосуд на столе. (7.с.36).*

Поэзия, в представлении символистов, складывается «из противоречивого взаимодействия 2 элементов: образа, вызываемого в нашем представлении словом, и формальной организации самой языковой материи (ритм, рифма, строфика, ассонансы и аллитерации)... В поэзии символистов этот второй (музыкальный) элемент приобретает особую активность – внутренние рифмы, песенные повторы, тонкая ритмическая нюансировка стиха, звуковые уподобления слов и словосочетаний ...» (5.с.80).

Что значит звукопись для поэзии В. Сотки, видно на примере аллитерации (повторения созвучных согласных звуков) в стихотворении «В парке»:

*Осенний парк.
Девчонка на скамейке
сидит.
Ей вспоминаются апрели,
липких листьев липы
карамельки,
гуд пчелиный
августовских дней ... (7.с.28).*

В творчестве В. Сотки есть особая тема: взаимоотношения с другими поэтами, их произведениями.

В качестве эпиграфов он использует строки из произведений Александра Блока, Бориса Пастернака, Александра Топчия др. Наблюдаются и прямые параллели. Стихотворение «В ресторане» перекликается с блоковской «Незнакомкой», только здесь мы встречаемся с отнюдь не романтическими реалиями нашего времени:

*Как хорошо не спешить к электричке,
Ибо – уже все равно не успеешь.
Подобострастно тянуться со стичкой
К глупенькой девочке с тонкою шеей..
Или не верить сигнально-зеленым
Этим глазам, размалеванным ловко?
Смотрят в меня широко и влюбленно ...
Ах ты, плутовка!
Что там, за этой наигранной миной?
Разве узнаешь – не молвив ни слова.
Как разобрать в выраженьи невинном –
Кому тут отводится роль птицелова. (7.с.17).*

В стихотворении «Звено» обыгрывается пушкинская строка:
«Унылая пора! Очей очарованье!».

*Есть в поэзии В. Сетки и переключки с Игорем Северянином:
В северянинском ритме, в ритме скорой разлуки,
Навсегда цепenea, проступает строка ... (7.с.7).
(стих. «Вечер – цвета сирени»).*

А немного ерническое стихотворение «Аз есмь»:

*Бросьте ваши сомненья.
Среди серой толпы
Я – единственный гений.
Все иные – тупы.*

*Все иные – обманцики.
Имя им – этигоны,
Выдающие лампочку
За священный огонь (7.с.12)*

отсылает к северянинскому: «Я гений – Игорь Северянин». (6, с.310)

Грибоедовское «И дым Отечества нам сладок и приятен» в стихотворении «Пожелание» превращается в трагически-безысходный образ спящего вечным сном Отечества:

*Ни огонька, ни дыма сладкого,
Ни смысла в строчках.
В низинах грязными заплатками –
Тумана ключья.
Отсюда, где ночую, выселки
Едва заметны.
Там – вечер серый, словно висельник,
Хрипит предсмертно. (7.с.39).*

Горькой иронией пронизаны последние строки стихотворения:
*Спи вечным сном, мое Отечество.
Господь с тобою ...*

Есть в этом стихотворении нечто, роднящее его со знаменитым лермонтовским:

Люблю Отчизну я, но странною любовью!

Смесь нежности и горечи, любви и ненависти ...

Как и символисты, рассматривавшие сон как бездейственную отрешенность от мира, «когда кристаллизуется душа», возносится внутренняя мелодия», (5.с.114) В. Сотка часто пишет о собственных снах:

*Прошлой ночью мне снилась зима
И следы на декабрьских снегах.
Фридрих Ницше, сошедший с ума,
С пузырями слюны на губах –
Безучастно смотрел за окно,
Где зима и снега, и – следы. (7.с.22)*

(стих. «Прошлой ночью»).

*Мне снились сны:
Сирень устало
Клонилась к ставням.
Из снов реальность – выпадала ...*

...
*...Есть высь небесная и сон,
И отсвет лета.
Есть в теплых бархатцах газон,
А счастья - нету. (7.с.26)*

(стих. «Оглянулась»).

*И там уже, во сне, в какой-то мешанине
Событий и зверья,
Где, собственно, и жил, раздавленный машиной
Двойного ноября –
Захочется конфет, бутылки «Ркацители»
И крепких папирос. (7.с.37)*

(стих. «Напуганный дождем ...»).

Трагический образ «двойного ноября» рождён личной драмой поэта. Именно в этом месяце преждевременно ушли из жизни две

дорогих для него женщины – сестра и жена.

Поэт выстрадал право на свое слово в поэзии:

За то, что один я живу на краю

Осеннего леса.

За то, что голодные птицы клюют

Написанных песен

Слова ...

...

За то, что в полжизни сложились года,

А словно и – не жил.

За это глухое «уже никогда»,

За пригород снежный,

Где Вера лежит и Елена лежит,

Где плачется снова ...

За все это – право имею служить

Проклятому Слову... (7.с.45).

(стих. «Слово»).

Трагические строки стихотворений «19 ноября», «До свидания» не могут оставить равнодушным сердце читателя.

Лёг, а уснуть не могу.

Вижу – свеча в головах.

Это сестрёнка в гробу.

Это – венки и венки ...

Перед глазами бьётся лоскут пламени,

Лица плывущие – не разобрать чьи.

Всхлипы уже – голос иссяк – мамыны.

Сел на диван кто-то и молчит ...

Что же ты там делаешь-то, Господи!?

Бабки-читалки, ночь напролет свет...

Выйдешь курить – забран трельяж простынюю.

Это опять: больше ее нет (7.с.37)

(стих. «19 ноября»).

Стихотворение «До свидания» - посвящено памяти жены, очень рано ушедшей из жизни:

До свидания, брат мой, прохожий.

Пусть тебе никогда не случится

От стены до стены и – обратно

Опустевшее мерить жильё.

И любимую – сравнивать с летом,

*И словами бряцать нарочито,
И глотать, произнести не решаясь,
Неслучайное имя ее .. (7.с.43).*

В поэзии XX века, начавшейся с символизма, «старый канонический аллегоризм был заменен свободным поиском индивидуальных выражений, возникающих при освоении мира персональным сознанием». (5, с.92) Новый, необычный аллегоризм демонстрирует и поэзия В. Сотки.

В стихотворении «Подводя итоги» рисуется образ осени, - но это не каноническая аллегория означенного времени года – пышнотелая женщина с плодами в руках. Осень у В. Сотки – это убийца лета.

*... Неслышно, точно вор, задворками прошла.
«Я - осень», - соврала. Но я-то помнил – смерть.
Ступала по цветам, а оставляла – илак.
Я горло криком рвала ... Обрезала:»Не смей!» (7.с.41)*

«Памяти лета» – так назвал Владимир Сотка стихотворение, давшее название его первому поэтическому сборнику.

*Лето родилось, жило и состарилось. Медленно
Мокрой аллеей несем его к старому кладбищу,
Где у оградок Рябинушки инеем белены:
Ну как нагрянет угрюмый Октябрь со товарищи.*

...

*Вот и отмучилось. Пусть отдыхает, сердешное.
Пухом земля тебе, Летушко, царство небесное.
... Вслед уходящим Снежинка, по виду – пездешня,
Было рванулось, как пес из ошейника тесного. (7.с.40)*

Лето- живое, оно так же, как человек, рождается и умирает. И поэт, печалясь, расстается с ним, как с дорогим, любимым существом.

Размеренный ритм поминального плача воспроизводит это стихотворение В. Сотки. Главный художественный прием в нём – олицетворение. Поэт виртуозно обыгрывает похоронные обряды, создавая незабываемые поэтические образы:

*Горек поминочный хлеб, и вино не бьет в голову.
Сгинуть, исчезнуть, пропасть бы, приличия комкая,
Криком зайтись и не помнить, как здесь его, голое,
Дождь обмывал, разогнав любопытных по комнатам.*

*Как обрывалась надежда тарелками медными
И в неестественной позе лежало, сомкнув уста,*

*Как выводили под белые рученьки бледного,
С остановившимся взглядом сына его, Августа.*

*Как были лужи пожухлой листвой занавешены,
Как громыхала о крышку земля озяблая,
Как обезумевший Ветер, и прежде-то бешеный,
Горько рыдал на плече у кладбищенской Яблони...*

Фольклорные истоки этого стихотворения очевидны.

Владимир Сотка пишет с большой буквы, как имена людей, слова «Рябинушки», «Октябрь», «Август», «Ветер», «Яблоня», «Летушко», «Снежинка», очеловечивая природу. Только фольклорная традиция позволяет такую степень интимности в отношениях человека и природы. И только в страшные мгновения жизни человек способен понять, что он всего лишь ничтожно малая частица Природы.

Поэзия Владимира Сотки сложна. Его стихи нужно читать не спеша и не раз, чтобы ощутить вкус слова, каждый интонационный поворот, каждый поэтический образ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Литературный энциклопедический словарь. - М. СЭ, 1987г.
- 2) Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. Автор – сост. Жан Кассу – М.: «Республика», 1998.
- 3) Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Учпедгиз, 1963.
- 4) Бодлер Ш. «Цветы зла». – М., «Высшая школа», 1993.
- 5) Крючкова В.А. «Символизм в изобразительном искусстве: Франция и Бельгия. 1870-1900». – М.: Искусство, 1994.
- 6) Северянин И. Стихотворения. М., Советская Россия 1983 г.
- 7) Сотка В. Памяти лета – Т:РИФ «ИНФРА», 2001.

ВЛАДИМИР СУВОРОВ

Пушистый белый снег в первый раз лёг в ноябре 2002 года на могилу Владимира Суворова.

Такой, о котором он часто писал в своих стихах:

*Нежный, чистый, деловитый
Снег идёт.*

*Природа молит: «Снега! Снега!»
И снега жаждет ширь и даль.*

Владимир Сергеевич Суворов родился 2 марта 1947 года.

Поэта не стало 18 августа 2002 года. Ему было 55 лет.

Его имя.

*Нарекли меня Владимиром,
Чтоб я миром завладел....*

Написал в одном из своих стихотворений поэт.

Но этого не случилось:

*Мир, что вымерен и выверен,
Постарел и поседел.
Нарекли меня Владимиром –
Миром я не завладел.
(стих. «О моем имени»).*

Финал этого стихотворения и вовсе не внушает оптимизма:

*Хватка есть, и есть уменье,
Взгляд умён, тверда рука...
А Владимир
В подчиненье
У Ивана-дурака.*

Нет, не у того сказочного, который на самом деле умнее всех, а у настоящего дурака. Что поделаешь – такова судьба таланта в России. Настоящего таланта.

Его семья.

*У нас была хорошая семья,
Хотя мы вправду жили бедновато...
А что в дому! Три стула, да скамья,
Да из матрасов вылезала вата.*

Эти строки одного из стихотворений последнего сборника «Неизвестных миров старожил» посвящены родительскому дому.

Владимир Суворов – сын сельских учителей. Родители его были дружной и любящей парой. На селе люди не сентиментальны, потому, наверное, долго помнили, что ходили Володины родители, взявшись за руки: нежность для деревни почти невероятная.

Обстановка в доме Суворовых была такая, что

*... гости, по домам скучая...,
Ходили к нам на чашку чая, -*

как позже напишет Владимир Суворов (стих. «Долги»).

Поэт понимал, какими родителями наградила его Бог:

*Старела мама. Занимала.
(Отдать двадцатого смогу).
И одного не понимала,
Что целый мир у ней в долгу.*

(стих. «Долги»).

О матери он написал и в стихотворении «К вам обращаюсь»:

*Мама моя
Умерла в ленинградской больнице.
На зиму в гости поехала к старшей
сестре.
Что уж теперь объясняться, казнить,ся,
виниться,
Лишь до вокзала ее проводил
в октябре.*

Матери поэта посвящены и пронзительно лирические стихотворения «У меня в душе», «Вот мать пришла», «Мамина дорога».

О родителях он вспомнит и в поэме «Неизвестных миров старожил»:

*Ни матери не стало,
ни отца,
Быть может,
был и я тому виною.
Но я клянусь
всей жизнью прожитою,
Клянусь Христом,
клянусь землей родною,
Что не гожусь
для роли подлеца.*

Его детство.

Оно пришлось на трудные послевоенные годы. Детство было

полуголодным. И об этом тоже – в его стихах:

*А я сожмусь
комком в кровати,
А я прижмусь лицом к стене,
Ржаной,
душистый,
сладковатый*
Мне хлеб привидится во сне.
(стих. «Хлеб»).

И невероятным счастьем была покупка мужского пальто, а до того «носил я сестрино пальто с кармашками цветными» (стих. «Трогательная история»). Но это было по-своему счастливое детство. В нем были школьный театр и школьный хор, и первая детская влюбленность (стих. «Артист», «Школьный хор», «Соседка», «Любовное письмо»).

Его книги.

*Я стал читать примерно лет с пяти,
Так, сам собой, за братом и сестрою...
Мы книги в дом охапками несли,
Так пчелы копят мёд в душистых сотах.
И с той поры от стольких бед спасли
Меня тома в различных переплётках...
... И с той поры я просто книгочей.
(стих. «У нас была хорошая семья»).*

Семья, действительно, была читающей. Наверно, не случайно по первому образованию Владимир Суворов – учитель русского языка и литературы.

А по второму – профессиональный литератор, выпускник Московского Литературного института.

В разное время разные поэты и писатели безраздельно владели его воображением. В поэме «Наташа» – это Достоевский:

*А по ночам
Мне виделось одно:
Раскольников,
Разлитое вино,
Раздавленный
Чиновник Мармеладов...
... Мне снились петербургские
Углы,*

*И Соня,
В одеянии позорном...*

В. Суворов признается:

*Его герои мучали меня
Как тяжкий бред.
Как исповедь больная.
Я крылья жёг
У страшного огня,
Всё Достоевским
В жизни поверяя.*

Шло время. Оно было беспощадным.

*Давно уж нет порушенной семьи,
Но книги мне охапками вручают.
Бесценные товарищи мои,
Они из плена души выручают!
Они с души срывают грязный пласт,
И побеждают лень и усталость.
Они – друзья. Но кто ответ мне даст,
Так сколько, книгоцеев, нас осталось?
(стих. «У нас была хорошая семья»).*

Его ученики.

Судьба распорядилась так, что поэт Суворов немало проработал в школе. И вопрос:

Так сколько, книгоцеев, нас осталось? -
для него вопрос не праздный.

Работая учителем, он видел, что происходит с нашими детьми, как постепенно утрачиваются национальные традиции, в том числе и культура чтения.

*Десятый класс. Урок литературы.
Смешные Чернышевского фигуры –
Кирсанов, Лопухов, Четвёртый Сон...
Зловещий вид отличницы Марины:
Вчера была звана на именины,
Но почему-то не явился Он...
Твердит учитель: «Разберитесь сами».
Наташа стит с открытыми глазами
(Вернулась со свиданья поутру).
Пролейся, свет, на заспанные лики!...*

И горький, неутешительный вывод:

*Десятый класс. Урок литературы.
А дети снят. И страшно за детей...*

(стих. «Десятый класс. Урок литературы»).

Одному Богу известно, что чувствует учитель, который приходит в класс, чтобы научить видеть красоту, чтобы дать знания, которые помогут избежать многих бед в жизни, сделают ее осмысленной и светлой, и встречает – равнодушные, а иногда и просто наглые детские глаза. Цинизм в ребенке способен сразить даже взрослого:

*Урок окончен.
Пусто и темно.
Поспорить не с кем,
Не с кем поругаться.
И как мне быть,
Когда не суждено
До этих душ
Заносчивых добраться.
Любезные мои ученички!
Что любите
До самоотреченья?
Но лучше мне
Побой и тычки,
Чем ваших глаз
Холодное свеченье.*

(поэма «Наташа»).

Детская жестокость, часто беспричинная и бессмысленная, ранит больше, чем взрослая, потому что исходит от изначально чистого существа – ребёнка.

*На боль, на крик –
Мне верилось с трудом –
Ответом были
Шум и смех весёлый.
Еще не раз
Вот этот мёртвый дом
Я назову
В забывчивости школой.*

(поэма «Наташа»).

Но как бы горек ни был учительский хлеб, есть в жизни учителя хоть и

редкие, но счастливые минуты.

Настоящий учитель, как наседка, которую окружают шумные, иногда бестолковые цыплята. Но попробуйте тронуть цыпленка, его мамаша самоотверженно бросится на защиту дитяти.

Вот и учителей плащ – прибежище «для ребятни проворной»:

*Вот, выйдем в поле,
Дождь начнётся,
И, убегая от грозы,
Под ним полкласса соберётся,
Торчат лишь челки,
Да носы.*

(стих. «Плащ»).

Болит, ноет сердце учителя в горьком предчувствии:

*Неужто всё,
Что сердцу свято,
Посмеет кто-то истребить?
Как уберечь мне вас, ребята,
Каким плащом тогда укрыть?*

(стих. «Плащ»).

Дети – существа непредсказуемые, которые иногда могут и приятно удивить. Например, герой стихотворения «Ученик Барабанов», которого «за прогулы, за двойки» регулярно порет мать, вдруг бросается защищать ее от нападков учителя.

Дети не только могут расстроить, но могут и согреть душу:

*Есть у детей таинственное свойство,
Они теплы, как солнышко само.
Пусть с неба сыплет ледяная крошка,
Но стоит жить, наперекор всему,
Отогревая детские ладошки,
Чтоб, наконец, согреться самому!*

(стих. «Ну что ж, судьба, давай поставим точку»).

Его герои.

*О русский край, не обозначить вехой
Над пропастью непрочные мостки.
Но только с ним, народом-неумехой,
И в бубен бить, и подыхать с тоски.*

(стих. «Все делим хлеб – достаток наш убогий»).

Герои его поэтических произведений – люди, жившие рядом с ним, те, кого он знал с детства, и кто знал с детства его, Владимира Суворова. Вот дядя Вася.

*Всей деревне лёгкие терраски
Он поставил за пятнадцать лет.
(стих. «Дядя Вася»).*

Правда, он ничего не нажил, но зато не только хороший мастер, но и весёлый человек, приносящий своим ремеслом радость в этот мир. Не случайно и обращение к нему поэта:

*Этот мир, и радостный, и горький,
Крась быстрее в светлые тона!*

Кочегар Серега из одноименного стихотворения прошел Великую Отечественную войну, но так и не заслужил у односельчан, чтобы его называли по отчеству.

Владимир Суворов не делит людей на «белую» и «черную» кость. У поэта другие критерии оценки человека. О героине стихотворения «Ни копейки, ни полушки» он написал так:

*Ничего, что Нюшка конюх,
Конюх – тоже человек.*

Это для других она просто пьяница:

*Знаю: завтра, в скуке древней
Позабавится народ.
От того, что по деревне
Нюшка пьяная пройдет.
Но никто вокруг не знает,
Что уже десятый год
Нюшка мамку поминает,
И никак не помянет!*

Любовь поэта к людям не декларативная, она действенная. Владимир Суворов в этом произведении признаётся, что «есть людей немало», которых он не пустил бы в свой дом. Но это не относится к Нюшке:

*Я тебе не плюну в душу.
Что ж так робко в дверь стучишь?*

Героиня стихотворения «Взлётная площадка» Лебедева Лида вырастила 10 детей. О её доме поэт пишет:

*... в этом
Домике невзрачном
Взлётная площадка лебедей!*

Дедушка Лавруша прошёл две войны, он любитель русской песни, её хранитель (стих. «Песня»).

Стихотворение «Клавкина песня» – это рассказ о горестной судьбе Клавки – перестарка, у которой «ушел милый навсегда на войну проклятую».

Нетрудно догадаться, какова жизнь девочки, у которой мать выходит в пятый раз замуж (стих. «Девочка соседская вошла»).

Болью за судьбу современных детей пронизано стихотворение «Одела платьице поплотше», заканчивающееся на грустной ноте:

*И ни обувки,
Ни одёжки
Не заслужил ты, мой народ.*

Трагична судьба деда и бабки, у которых «все сыны на войне поубиты»:

*Дед и бабка стоят возле хаты,
По-младенчески смотрят вокруг.
Вот стоят они, солнцем облиты,
И не ждут ни сынов, ни внучат...*

*...Тишина над деревней. Ни звука
Вот и мы обойдёмся без слов.
Как своих неродившихся внуков,
Гладит бабка головки цветов...*

(стих. «Дед и бабка»).

Его Родина. Его судьба.

До чего ж ты, Родина, грустна...

В. Суворов.

Село моё срединное,

У нас судьба одна!

(стих. «Полынь»).

Судьба, как оказалось, не очень счастливая. Когда-то весёлое, наполненное песнями и звуками гармошки село теперь – место «пенья безъязыкого».

И гармошки под арестом, -

Словно души под замком!

(стих. «Последний гармонист»).

Владимиру Суворову больно и обидно за разорение русской деревни, да и всей страны, из которой бегут:

*... Певцы, актёры, зрители,
Писатели, художники, мыслители,
Предчувствуя вселенский глад и мор.*
(стих. «Что делать нам, Матрёна Алексеевна?»)

В конце стихотворения автор пишет:

*Грозит судьба и голодом и папертью,
Кто бросил нас – тому дорога скатертью,
Кто верен нам – цветастым рушником...*

Не столь категоричен В. Суворов в другом своём произведении, посвященном России:

*Нет тебя сиротей,
Словно сердце вынули.
Не сердись на детей,
Что тебя покинули.*
(стих. «Русь»).

Верой в страну, народ пронизаны строчки:

*Мы ещё заживём.
Без пустого ячества.
Мы ещё соберём
Славное богачество.
Русский дом, русский лес,
И речушка узкая...
У заморских небес –
Позолота – русская!*

Судьбе современной России посвящены стихотворения «До чего ж ты, Родина, грустна», «Ударит ли кризис...», «Живу в деревне. Всё здесь рядом», «Разворошили старые могилы», «По ступенькам сельсовета» и другие.

Себя Владимир Суворов относит к объективным летописцам нового «смутного времени» (стих. «Летописцы»). А общее ощущение от нашего забулдыжного времени поэт выразил так:

*Безвременье. Беспамятность. Бесславье.
И стыд такой, что сердце холодит.*
(стих. «Я в этой жизни водки выпил много»).

Владимир Суворов, в отличие от многих, кто пишет о деревне, всю свою жизнь провёл в ней:

*Мне незачем
в деревню возвращаться,*

*Я из неё вовек
не уезжал.
Не уезжал, - не думал,
не манило,
Меня держала
на земле родной
Не то, что бы
неведомая сила.
А некий образ,
созворённый мной.
(стих. «Мне незачем в душе разоблачаться»).*

Этот образ никогда не оставлял поэта.
*В дни радости и в дни печали,
Куда б меня не занесло,
Такими долгими ночами
Родное видится село.
(поэма «Поле»).*

На глазах поэта рушились крестьянские устои, народная мораль:
*О сельский быт!
Каким былинным гадом
Ты на корню
Навек испепелен, -*

напишет он в поэме «Прощание славянки».
В этом же произведении есть строочки, говорящие о том, в чем упрекали
В. Суворова его поэтические оппоненты:

*Володя!
Повторять о том не надо!
Ты сотый,
Или тысячный в ряду.
Гармонь ...
Изба ...
Старинные обряды ...
В каком краю живешь?
В каком году?*

Всё творчество поэта – подтверждение того, что он не отступил от своей главной темы – темы Родины, её судьбы, размышлениями о которой проникнута и поэма «Святогор».

Святогор – русский былинный герой. «Тяжести его не выдерживает

«мать – сыра земля», но сам он не может превозмочь тяги земной, заключённой в суме; пытаясь поднять суму, он уходит ногами в землю» («Славянская мифология»).

Именно к нему посылает народ Ваньку-дуренья за помощью. По дороге попадает герой к «мужику в аршин», странному мужику:

*Звал он мачехой
Землю милою,
Да с нечистою
Знался силою.*

После долгих препирательств и драки с вредным мужиком получает он от него клубок, который и приводит Ивана к Святогору, которого герой просит:

*Пробудись, Святогор,
и Руси помоги!*

Но Святогор сделать этого не может:

*Если ступит мой конь,
будет гром и огонь,
А сойду я с коня –
нет на свете меня.*

*Не видать мне
ни поля, ни бора,
Не удержит земля
Святогора! ...*

*... Возвращайся, Иван,
сквозь туман и дожди,
Сколько хочешь живи,
а заступы не жди.*

Ни с чем возвращается Иван от богатыря. Вновь встречается со странным старичком-уродом.

*Старичок-урод
Насмехается,
А вокруг народ погибается.*

Пронзительная нежность, горечь и бесконечная любовь к России звучат в финале поэмы:

*Любимая – от речек до оврагов,
Твою судьбу предсказывать боюсь...
Так что тебе! Каких еще варягов,
Бездомница моя, святая Русь?*

*Ты не жила в покое ни минуты
По милости небесного творца.
Нашествия, восстания и смуты,
И рабство, без предела, без конца.*

И все же поэт верит:

*Закончатся кровавые потехи,
Устанут люди мучить и грешить.
Блестят на солнце звонкие доспехи,
И мчится рыцарь, чтобы суд свершить.*

Фольклорные истоки поэмы бесспорны. Об этом говорят и её герои, и сюжетные ходы. Лирические отступления, открытая авторская позиция делают это произведение отличным от произведений устного народного творчества с их отстранённой объективностью.

Суворовский «Святогор» родственен шукшинской повести-сказке «До третьих петухов». И В. Шукшина и В. Суворова волнуют болевые точки нашей русской жизни, это произведения провидческие.

Предугаданный развал основ русского бытия, русской государственности у Шукшина у В. Суворова оборачивается предсказанием грядущего неминуемого возмездия всем, кто это допустил и кто в этом участвовал.

О главной любви своей жизни поэт скажет в поэме «Неизвестных миров старожил»:

*Если даже и прожил вслепую,
Не скажу,
что прожил не любя.
Я любил
эту землю скудную...*

О любви и дружбе.

О любви и дружбе Владимир Суворов пишет сдержанно. Тот, кто жил в деревне, знает, что об этих чувствах там не принято разглагольствовать. Любовь городская - другая.

В поэтическом триптихе «Грачи» есть такие строки:

*А я бреду домой неторопливо,
Спокойный, тихий и почти счастливый,
Как будто вправду можно без любви.*

Но поэт, как никто, понимает что без любви невозможно ничто. А зарождается это чувство в неуклюжих детских проявлениях симпатий.

Детские переживания нашли отражение в стихотворении «Любовное письмо». Старший брат, отобрав записку влюблённой девочки, ещё и посмеялся. Оскорблённый до глубины души герой стихотворения прячется в сарае:

*Меня искала дотемна семья,
И умирала
самая большая
Любовь десятилетия моя...*

О юношеской любви – стихотворение «Соседка»:

*Был класс восьмой. Был май. Была весна.
Меня, как птицу, по лесу носило,
В меня была соседка влюблена...
Неужто это в самом деле было?*

Любовное чувство «взрослеет» вместе с лирическим героем Владимира Суворова.

*Когда октябрь рукою загребущей
Смахнет с деревьев желтую листву,
Войди в мой дом,
Тоскующий и ждущий,
Свою судьбу к твоим ногам кладущий
Любую стынь с тобой переживу!
(стих. «Уже гармонь не развернется в плясе»).*

Это слова о любви уже много пережившего взрослого человека. Пушкинская пронзительная любовная нота звучит у Владимира Суворова драматично, жестко:

*Мне сорок лет.
Судьбой не озабочен,
Я жил,
как все с надеждой на успех.
Я получил достаточно пощечин,
Но эта – от тебя – больше всех.
Старо, как мир: обманы, ложь, измена,
Я письма жёг. Я потерял покой.
Я проклял – испуганно и надменно
Тот день, когда я встретился с тобой.
Как мир непрост!
Как хрупок и непрочен
Покой души,
Незыблемый вчера!*

*И я тебе желаю чёрной ночи,
И не желаю доброго утра.*

Пушкинская гармония как бы разрушена, но не по вине автора, наверное, это заслуга нашего жесткого времени. Любовь в поэзии Владимира Суворова – чувство нежное, деликатное, скорее платоническое, чем плотское.

*Верилось, что это навсегда:
Полыханье солнечного диска,
Сонная, недвижная вода,
Девушка, сидевшая так близко.
Ты сняла доверчиво платок,
Тронул косы ветер присмиривший,
И коснулся нежный локоток
До руки моей отяжелевшей.
Что случится?
Что произойдёт?
Но пока не кончилась дорога,
На руке моей
Не зарастёт
Золотое пятнышко
Ожога.*

(стих. «Верилось, что это навсегда»).

В поэме «Прощанье с юностью» есть также строки, посвящённые любви, любви, оставшейся безымянной:

*А ты была
Красива и желанна
и выделялась среди своих подруг.
Так будь, как эта речка
безымянна,
Как этот лес желтеющий,
как луг...*

Поэмы «Прощание славянки», «Дом», «Неизвестных миров старожил» – это не только размышления о смысле бытия, о нелёгкой судьбе поэта, но и рассказ о любви.

Героиней «Прощания славянки» стала девушка, по имени Мария, в которую влюблен лирический герой поэмы. Но, как часто случается в жизни, Мария выходит замуж за другого. И вот запоздалое свидание во время отъезда мужа.

*Когда рассвет
Ладошкой ледяною
Коснется глаз,
Чтоб ощутил беду,
Тебя, Мария,
Тропкой потайною
До дома
Осторожно доведу...*

Это торопливое, украденное у судьбы свидание не может принести ни счастья. И герой понимает это:

*Прощай, Мария!
Горестным обманом
Я знаю
Поздно
Заниматься нам.*

Трагически звучат строки о любви в поэме «Дом».

*Так жила я —
от запы до загула,
Да и тебя
есть в чем мне упрекнуть...
... И жизни смысл —
он мной не обнаружен.
Ни я тебе
сегодняшний не нужен.
Сегодняшняя
ты мне не нужна.*

... Наш дом давно похож на пепелище...

И несмотря ни на что, герой помнит как одно из прекраснейших мгновений жизни дорогу их, молодожёнов, в родной дом, в той молодой жизни, которая «бездарно промелькнула»:

*А ты идёшь,
Срывая васильки,
А ты идёшь,
Всем в жизни обладая,
А ты идёшь,
Такая молодая!
Мы ничего*

не просим от судьбы,
И ждет нас мать
У старенькой избы.

Поэма «Неизвестных миров старожил». Трагическая поэма.
Предчувствуя печальный финал, поэт успокаивает любимую:

Если снова,
как в сумрачной сказке,
Звуки грома разбудят
от снов,
Погляди ты в окно
без опаски,
Ты увидишь
цепочку следов.
Это я приходил,
неказистый,
Неизвестных миров
старожил.
И от молнии этой
ветвистой
Всю-то ночь
я тебя сторожил...

О дружбе писали практически все русские поэты. Не изменил традиции
и Владимир Суворов.

Кто за дверное дернул там кольцо?
Быть может, с многолетним опозданием
Старинный друг поднялся на крыльцо?
Но никого.
И ничего не нужно.
Ничком в кровать, не выключив огня.
Ах, если б знал, что в этот вечер
вьюжный
Мой старый друг вот так же ждал
меня.

(стих. «Который год измучен ожиданием»).

Поэт верен дружбе и друзьям, верен пушкинской традиции в освещении
этой темы в поэзии:

А вас, друзья, с кем прежде я делил
Заветные мечты, сомненья, муки.

*В душе моей я свято сохранил,
Хоть разделяют нас года разлуки.
(стих. «Свидетели моих далеких лет»).*

Но есть и грустные строки:

*Когда в снегах студеных пропал,
Никто мне руку дружбы не подал,
Сам выползал
на свет избы знакомой.
(поэма «Неизвестных миров старожил»).*

В поэме «Прощание славянки» В. Суворов признался читателям:

*Я всяким был.
Но только не был
Пошлым.*

Это относится и к его лирике, посвященной любви и дружбе, и ко всему творчеству в целом.

Природа в его жизни и творчестве.

*В жизни народа
Что значат
хоть чьи-то слова?
Только природа
Всегда
и повсюду права.*

(поэма «Неизвестных миров старожил»).

Он пишет о природе, о братьях наших меньших по-есенински просто, с неизбывной нежностью и любовью.

Ему до боли сердечной жалко кобылу Машку, над которой издевается пьяница – возчик, по прозвищу Мобута (стих. «Вспомнил я сегодня почему-то»).

Он пишет о том, что животные иногда разумней и добрее человека. Машка, несмотря ни на что, не собирается мстить своему обидчику, заснувшего у её ног:

*Только Машка медлит,
и не хочет
Наступить на голову врага.
Отдыхает Машка. Машка дома.
Натаскал Мобута ей овса.
Снится ей дорога без подъема...
Машка тоже верит в чудеса!*

Стихотворение «Треух» посвящено «верному псу», из шкуры которого «злой мужик» из другого колхоза сделал себе шапку:

*Он пришёл в мое село,
Вижу – знай, шагает!
Только сердце обожгло,
Ведь треух-то лает!
Соскочил он с головы
Мужичонки злого.
Дескать, мертвый я, увы,
На, возьми такого!*

*Как он звонко голосил!
Рад я был треуху.
А убийце закатил
Пару раз по уху!*

Природа, по Суворову, имеет душу.

А у речки есть душа...

Это о речке Птани. И родник умирает, как человек.

И

*...бетонное тело плотины
Держит речку мою взаперти.
(стих. «Мост»).*

И гибнет река Пронь:

*Уходит речка по подземным трубам,
В стыде и муке обнажая дно.
(стих. «Пронь погибающая»).*

Человек ведет себя по отношению к природе как временщик и жестокий мародёр:

*Бельки лежат на льдинах недвижимо,
И с ними впрямь расправа коротка.
- Что делают? – кричит профессор Гржимек –
Снимают шкуру, не убив белька!
(стих. «Бельки»).*

В этом же ряду находится великолепное стихотворение о последнем волке, убитом в Окской пойме, заканчивающееся такими строчками:

*Но горько и долго
Над лесом туманилась мгла,
Последнего волка*

Приокская пойма звала...

И земля в поэзии Владимира Суворова наделена собственным голосом:

Лежит остаток пашни черной,

И, верно, с Богом говорит.

(стих. «Поля, засохшие от дыма...»).

Поэт В. Суворов не понимает и осуждает охотников. У него другой взгляд и другое отношение ко всему живому:

И меж полей

Морозно – чистых

Себе тихонечко иду,

И всех ушастых,

И пушистых

Благословляю на ходу.

(стих. «Там, за селом, где дремлют тихо»).

Да и себя поэт представляет частью природы в шутивно-серьезном стихотворении «Вышел в сад, а он блестит»:

Лучше в поле постоять

Яблоней – дикушкой.

Чтобы я, в сиянье дня,

Был под снежной ватой,

Чтоб садились на меня

Всякие пернатые.

И стоял бы, и стоял

Под любой нагрузкою,

И корнями обнимал

Эту землю русскую!

Природа спасала поэта в трудные времена. Об этом он пишет в поэме «Наташа»:

Я уходил

За маленький лесок,

Спускался тропкой

К застывшей речке,

И под ногами

Тоненький ледок

Трещал сердито,

Как растопка в печке.

Общение с природой утверждало поэта в вере в то, что в силах он помочь:

*На свете всем
Обиженным и сирым.
(поэма «Наташа»).*

Русская природа, русский неброский пейзаж грели одинокую душу поэта:

*И таяла,
И таяла тоска,
Как тает снег
От солнечного жара...
(поэма «Наташа»).*

Любимое время года поэта Владимира Суворова – зима. О ней он пишет во многих стихах, в своих поэмах:

*Ночью вьюга башни строит.
Вьюге улочка тесна.
Вьюга злится, вьюга воет.
Словно вздорная жена.
Но глядит, глядит природа
На притихшие дома.
Вот такое время года,
Называется – зима.
(стих. «Я опять весь день шагаю»).*

Как и любой творческий человек, Владимир Суворов мечтал о гармонии и красоте в мире.

Наверное, и зиму он любил потому, что она скрывала многие безобразия русского пейзажа:

*И может снег, в конце концов,
Из полусгнивших сараюшек
Создать подобие дворцов...*

Русская природа является героем многих произведений Владимира Суворова: «Когда вокруг черемуха цвела», «Нежный, чистый, деловитый», «Древнее, забытое, простое», «Колдунь» и других.

О творчестве.

*Жалок тот писатель и художник,
Сотни книг познавший, жалок тот,
Кто забыл, как пахнет подорожник,
Кто забыл, как яблоня цветет...
(стих. «Древнее, забытое, простое»).*

Владимир Суворов никогда не отрывался от родной земли. В ней он видит исток своей поэзии.

В творчестве он ценит простоту, человечность. Об этом – в стихотворении «Художник Селиванов»:

*Был он плотник и печник,
Но однажды он постиг,
Что искусство простодушно.
По жене он тосковал
Стариковскими ночами,
И kota нарисовал
С человеческими глазами.
Это было, как стихи,
Как сияние божницы.
На картинках петухи
Превращались в жар-птицы.*

Творчество – это не только взлеты, но и падения, не только радость, но и горькие минуты сомнений в себе.

*И падает увядшая листва
В предчувствии морозов отдаленных;
И падают стихов незавершенных
Безвременно погибшие слова.*

(стих. «Свидетели моих далеких лет»).

Поэт с горечью признается:

*От лирики моей, конечно, мало прока,
Больных не исцелит, и не изменит мир...*

(стих. «Гвоздь в притолоку вбит, а вот висит веревка»).

Владимир Суворов верил в святость искусства, в то, что приступать к процессу творческого созидания можно, только очистив себя от всякой скверны. От этого зависит результат творчества.

*Пред тем, как написать священный лик,
Иконописец радостно и строго,
Будь мастер он, иль даже ученик,
Постился долго и молился Богу...
... И вот теперь, когда прошли века,
Нам результат заранее известен.
Мы ясно видим: вот висит доска,
А этот лик воистину чудесен.*

(стих. «Пред тем, как написать священный лик»).

Это правило верно и для поэзии:

*Будь смелым, мастер. Будь предельно строг
И пусть трудна, мучительна дорога.
Ищи, ищи переплетенье строк,
Когда найдешь, тогда они от Бога.*

Поэзия Суворова именно такая.

О судьбе поэта и поэзии.

Судьба поэта в России никогда не была простой. Примеров тому тьма. Судьба Владимира Суворова не выбивается из этого ряда. Разные времена были в его жизни. Нередко такие, о которых он пишет в одном из своих стихотворений:

*Я тоске проклятой не поддамся,
За окошко выброшу вино.
Нет работы?
В грузчики подамся.
Нет жены?
Мечтал о том давно!
Но страшусь я мысли потаённой,
Что стихи закончились уже.
Сколько нас!
Начнем Наполеоном,
кончим
подпоручиком Кижсе.
(стих. «Я тоске проклятой не поддамся»).*

Поэт и толпа. Это также вечная тема поэзии.

*Нет житья от глаз чужих,
Хоть почуй под стогом.*

*И за каждым за углом
Чуть не с кулаками:
- Что ж ты гнёшься над столом?
Гнулся б под мешками!*

У поэта и толпы - разные цели существования:

*Что мне там мешок другой,
Если крут оплечьем.
Болен тяжестью иной:
Горем человечьим!*

(стих. «Нет житья от глаз чужих»).

Но и поэты бывают разные:

*Страхнув сомненья, как вериги,
Благословясь на тяжкий труд,
Друзья надписывают книги,
И, словно хлебные ковриги,
Своим знакомцам раздают.*

*А я, вкусив сей хлеб с горчиной,
Успев пожить и отцвести,
Хочу хоть строчкою единой
В народном сердце прорасти!*

(стих. «Еще шумят, еще пророчат»).

В поэме «Прощание славянки» он рисует образы псевдопоэтов:

*И вы, друзья,
Кто сделал вас такими?
Кто просит
От зари и до зари
То стройку славить,
То коровье вымя,
То чье-то
Веком поднятое имя
Вставлять в свои
Псалмы и тропари.*

Он не может писать по заказу, на «злобу дня», слишком много боли в окружающей его жизни, боли, которая не даёт поэту покоя.

*Земля моя,
Пришедшая в упадок,
Впитавшая и порох,
И свинец,
Скажи, зачем
Так розов
И так гладок
Твой радостно-бессмысленный
Певец?*

(поэма «Прощание славянки»).

Владимир Суворов был не из числа этих «радостно-бессмысленных певцов».

Круг поэтов, близких ему, очерчен им самим: Есенин, Смеляков,

Хлебников, Рубцов. Он упоминает Тютчева, Фета, Некрасова, Мандельштама, Васильева.

Тесную связь с есенинской поэзией подтверждает сам Владимир Суворов:

*Пусть жестокой ценою
Оплатилась строка.
Но пока он со мною –
Я богат на века.*

(стих. «Сергею Есенину»).

В поэме «Прощание славянки» вновь возникает образ Сергея Есенина:

*Есенинский
Грустит, как прежде,
Клен,
Как будто ждет,
Что снова,
Спозаранку,
Его поэт
На танец пригласит.*

Николаю Рубцову посвящены стихотворения «Звезда Рубцова», «Кружка Рубцова», «Та женщина, убившая Рубцова».

Трагическая судьба автора «Видений на холме», «Звезды полей» волновала В. Суворова, вероятно, потому, что его собственная судьба тоже была не самой благополучной. Ну, а главное – у них была одна общая боль – судьба России:

*Но что-то родина темна,
Как поле брани.
И ни просвета, ни окна
В густом тумане.
И мчится песьников рать
С охотой псовой,
Чтоб, как окуроч, растоптать
Звезду Рубцова.*

(стих. «Звезда Рубцова»).

О собственной жизни и судьбе Владимир Суворов написал в стихотворении «Мама, мама, я подстреленная птица».

Финал этого произведения вновь возвращает нас к образу столь нелюбимой поэтом охоты, которая здесь становится зловещим символом:

*Знаешь, мама,
Слишком долго над Россией
Не кончается
Охотничий сезон.*

За что же гибнут русские поэты? На этот вопрос Владимир Суворов ответил так:

*Кто к родине любовью грешен
Найдет покой в конце концов.
Расстрелян будет, как Орешин,
Или задушен, как Рубцов.*

(стих. «Любви единственной, всегдашней»).

О поэзии, поэтах, внутрилитературных нравах Владимир Суворов размышляет в стихотворениях: «Моя звезда меня спасает», «Не любите по указке», «Звезды», «Ко мне приехал старый и больной» и других. Поэта волнует мысль о потере собственного поэтического голоса, дара поэзии:

*... О, Родина!
... Всё отними!
Оставь лишь только слово!
(стих. «Комбат России»).*

О жизни и смерти.

*У природы столько дел!
Ну, а жизни – есть предел!
(стих. «Не дошел, не дотянул...»).*

Об этом «пределе» в своих стихах и поэмах ярко, образно и печально написал Владимир Суворов.

Каждый из живущих рано или поздно задумывается о смысле бытия, жизни и смерти. Особый отклик эти темы находят в творчестве поэта. Для поэта смерть страшна вдвойне:

*Как страшно уходить бесследно,
Не слыша слова похвалы.
(стих. «Как страшно уходить бесследно»).*

Творческий простой, враждебность собратьев по перу, отсутствие понимающего и разделяющего взгляды автора читателя – всё это составляющие жизни творческого человека.

*Я шел неправильной дорогой
И оказался в тупике.*

*Стою у низенького дома
И шапку мучаю в горсти.
О, если б дереву сухому
Опять весною зацвести!*

(стих. «Как страшно уходить бесследно»).

Русский человек смиренно встречает свой последний час. Этим смирением пронизано и стихотворение Владимира Суворова «Горьких лет череда»:

*Эту землю мою
Я когда-нибудь тоже покину.
Хорошо бы в пути
Под густою ракитою лечь.
И оставить на память
Родимой деревне и сыну
Полевую дорогу
Да горькую русскую речь.*

Осознавая неотвратимость конца, он пишет в стихотворении «Не допел, не доплясал»:

*Жаль, что больше не прилечь
На пригорок чуть неловко.
Жаль, что больше не сберечь
Одуванчиков головки.*

*В этой жизни кочевой
Жаль водицы ключевой.*

*Жаль, что в летние смотрины
Не придется отдыхать.
Без меня кусты рябины
Будут жаром полыхать.*

Поэт мужественно встретил тяжелую болезнь и связанные с ней испытания:

*Вот и мне уготован подарок,
Знать, Господь и меня не забыл.
Тихо таю, как тает огарок...*

(стих. «Нет, такое не может присниться»).

Поэма «Неизвестных миров старожил» – это размышления о жизни, смерти, любви.

Глава Первая рассказывает о сжигающей поэта болезни, лишившей его личной и творческой свободы:

Не испугаюсь

*больше боли,
Мне б только воли,
только б воли,
А там - пропасть.
А там – сгореть,
А там –
хотя б и помереть.
Не пить, не плакать,
не казниться,
С землей
и небом породниться.*

Испытание болезнью поэт переносит стойчески:

*Я был своей доволен ролью,
Мне был отпущен долгий век,
И только с болью, только с болью
Во мне воскреснул человек.*

Воскреснул, чтобы осознать, что жизнь кончается, что итог её, как считает сам поэт, печален:

*Но и о том
болеет голова,
И сердце рвётся
от тоски натужной,
Что жизнь отдал
за стёртые слова,
Которые
уж никому не нужны.*

Воскреснул, чтобы ещё раз сказать себе и читателю:

*О какой же пустяшной заботе
Я сегодня сквозь зубы пою?
Я ведь тоже – из крови и плоти,
А любил только землю свою.
(стих. «Нет, такое не может присниться»).*

Но родная земля не всегда отвечала поэту взаимностью.

*Я чужд селу,
и значит я урод, -*

*Кто ты?
Совесть?
Виденье?
Строка?*

А затем черный человек является на свидание уже с больным поэтом в поэме «Неизвестных миров старожил»:

*Мой человек
был хлипок и ничтожен,
Предельно тих,
предельно осторожен,
Себе, как говорится,
на уме.*

Гость ведет себя в больничной палате по-хозяйски:

*Присел сей гость
на уголок постели,
Заговорил чуть слышно,
еле-еле:
- В твоих глазах
я вижу интерес.
Ты хочешь знать,
что повидал Серёга?
А он, любезный,
видел полубога,
А я всего лишь
мелкий полубес.
Полубогам –
и в этом вся причина –
К таким, как ты,
являться не по чину,
И не по чину ты буянил, тил.*

Ехидный полубес читает мораль поэту:

*Талант в России
бесконечно редок.
И тайна строк
тебе не по плечу.*

Ну а что же собеседник Черного человека?

*За прутья койки
я в тоске схватился,*

И ощутив

приятный холод их,

Задумался,

Забылся,

И затих.

Вместо заключения.

Русский поэт 20 века Николай Глазков когда-то дал ироническую характеристику своему времени:

Я на мир взираю из-под столика:

Век двадцатый, век необычайный,

Чем ты интересней для историка,

Тем для человечества печальней.

20 век собрал свою трагическую жатву на ниве русской поэзии: А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Гумилев, М. Цветаева, Н. Рубцов... Прекрасный русский поэт, наш земляк Владимир Суворов – из этого ряда.

В одном из своих стихотворений он грустно пошутил:

Ты скажешь: рано подводить итог.

Но, милый друг,

Когда протянешь ноги,

Замрешь

С лицом белей, чем потолок.

Тогда другие

Подведут итоги.

Поэт умер. Осталось его творчество, наполненное болью за судьбу народа и Родины, отечественной культуры.

Это и есть главный итог его жизни

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Большаков В. Спохохи памяти. – Тула: Пересвет, 2002.
- 2) Суворов В. Нить: стихи и поэмы. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987.
- 3) Суворов В. «Тебя мы звали домом...»: стихи и поэмы. – Новомосковск, 1992.
- 4) Суворов В. Русская речь. – Новомосковск, 1996.
- 5) Суворов В. «Неизвестных миров старожил»: стихи и поэмы. – Новомосковск, 1999.

с горечью написал Владимир Суворов в поэме «Дом».
В деревне поэт почти юридивый, и отношение к нему соответствующее.
В поэтическом триптихе «Грачи» есть такие строки:

*И страшно мне: в своем селе родимом
Уж столько лет кажусь я чужаком.
Вот что-то было, мучало, дразнило,
Но как темно, как горько одному!
Вот мать была. Она меня любила.
А большие нету веры никому...*

*... Простившись с материнскою любовью,
Над местом, где так живо горе вдовье,
Опять стою, ненужный и ничей.*

Русская деревня, давшая отечественной литературе десятки талантливейших поэтов и прозаиков, судила о них с деревенской простотой и жестокостью, не признавая их ремесло за что-то серьезное и требующее уважения.

Вероятно, в этом была одна из причин личной трагедии поэта Владимира Суворова.

Но не будем во всем упрекать только односельчан поэта, ведь и сам Владимир Суворов не был ангелом, а как личность творческая был достаточно неоднозначен, не всегда поступал, по понятиям обычного человека, правильно.

На то и поэт! К сожалению, мы часто живем по пословице «Что имеем - не храним, потерявши - плачем». Это относится не только к нашим национальным богатствам, но и к нашим талантам.

Русский талант часто из-за своей особой совестливости принимает на себя чужую боль, чужие невзгоды и горести:

*И по собственной воле
Слово сорвано с губ,
Почерневших от боли,
Как колодезный сруб.*

(стих. «Ни угла, ни прописки»).

Его черный человек.

Впервые он появляется в стихотворении «Что-то черное в тёмном углу»:

*He есенинский призрачный гость,
Я б того приглубил, как друга.
Навевает и ужас, и злость
Неизвестно какая зверюга.*

АЛЕКСАНДР ТОПЧИЙ

... двадцать лет писал, как проклятый, -
Ни для кого, от всех свой дар тая.

А. Топчий

(12, с.28)

Часть 1. Биография.

Поэтические судьбы так же разнятся между собой, как и человеческие. Судьба поэта Александра Топчия сложилась так, что между первыми публикациями и выходом двух сборников «Фарфоровый колокольчик» и «Неприкаянный» было 20 лет поэтического молчания. Стихи писались, но не печатались автором сознательно.

Что же мы знаем о жизни поэта? Родился Александр Васильевич Топчий в Новомосковске 21 апреля 1959 года. В 1976 году окончил среднюю школу №4 и пошёл работать на завод. С 1977 по 1979 гг. служил в армии, в воздушно-десантных войсках. Затем учился заочно на инжызе ТГПИ им. Л. Н. Толстого, позже в Московской Государственной юридической академии.

Со своей будущей женой Светланой Юрьевной Александр Васильевич познакомился, работая сразу после демобилизации из армии инструктором по плаванию в пионерском лагере.

Работая на Донском заводе радиодеталей, Александр Топчий дважды был участником программы Центрального телевидения «Шире круг», а также другой программы ЦТ «Наш адрес – Советский Союз», в 1985 году стал дипломантом 12 Всемирного фестиваля молодёжи в Москве, так как занимался в самодеятельных художественных коллективах. Был в его жизни даже такой период, когда он работал гитаристом и вокалистом рок-группы в Грузии.

Но большая часть его трудовой деятельности связана с учреждением УЮ 400/6, где с перерывом он работал с 1979 по 1996 гг., откуда и ушёл на пенсию по льготной выслуге лет в звании капитана.

Стихи он писал с 9 класса. Но только в последние годы вышли две поэтические книжки: «Фарфоровый колокольчик» и «Неприкаянный» - и начались регулярные публикации в периодических изданиях и сборниках.

Часть 2. Первый поэтический сборник.

Написать бы Стихи, -

да такие, чтоб женщины в слёзы,

Второй раздел сборника называется «Пессимистичный блюз». Начинает его одноимённое стихотворение:

*...Падают рифмы, ноты и души
С губ и гитар.
Кто-то не понял, кто-то прослушал,
Кто-то - плевал ...* (II, с.24)

«Блюз» у Александра Топчия не просто грустная песня, это песня, проникнутая разочарованием в настоящем, неверием в будущее, безнадежностью:

*Падают руки, падают веки,
Нет сил и слов.
Всё ненадёжно, всё – не навеки, -
Даже любовь.* (II, с.24)

Содержание стихотворений раздела «Пессимистичный блюз» полностью отвечает его названию. Вот несколько отрывков из стихотворений этого раздела.

*Глухо каплет дождик –
Ни конца, ни края.
Серый хвост угрюмо
Небо волочит...
Искривлюсь в усмешке,
Брошу сигарету,
И ворона страшно
В спину закричит.*
(стих. «Глухо каплет дождик»). (II, с.26)

*Мой костер давно погас – остался пепел, -
Да и тот развеян играми турги;
И тоскливо, словно колокол над степью,
Раздаются в пустоте мои шаги.
...
Все, что было – перечеркнуто, забыто.
Не осталось ни друзей и ни врагов, -
И моей пустой надежды карта бита
Этой белой безысходностью снегов.*
(стих. «Заметает белый снег мою дорогу»).

(II, с.33)

Согласитесь, такие размышления посещают и нас с вами, дорогой читатель. Особенно в сегодняшние нелёгкие времена.

Но жить постоянно подобными ощущениями невозможно. Для поэта – тоже. И третий раздел сборника «Фарфоровый колокольчик» А. Топчий вовсе не случайно назвал «В заколдованном пруду».

Лучшие стихи этого раздела – «Ночь над Доном», «Двойка по астрономии», «На семи ветрах», «Грустное чудо», «Поэзия». Всё в них овеяно тайной и напоминает о чуде... О таком простом чуде, как жизнь.

*Журавли плывут над Русью,
С неизбывной светлой грустью
Наши души на закате окликают...
День утонет в тихом Доне,
Упадет звезда в ладони,
И в ночи промчится птица колдовская.*

(стих. «Ночь над Доном»). (11, с.39)

Великолепно по настроению стихотворение «Грустное чудо». Его «героиня» – русская осень.

*Серыми тучами неба затянута просинь.
Мягко ступая, обходит владения осень.
Листья, как жёлтые звезды, под ноги ложатся...
Тёплой погоды нам долго теперь дожидаться.*

...

*Птиц перелётных печальные тянутся стаи.
Кажется, с ними частичка души улетает...
Молча им вслед поглядим и вернуться попросим...
Осень, друзья мои, - просто российская осень.*

(11, с.43)

Четвёртый раздел сборника назван поэтом «Бумажные самолётики».

*Бросает нас бумажным самолётиком
Извечный ветер*

под названьем «жизнь» – (11, с.47)

пишет А. Топчий в одном из стихотворений этого раздела. «Извечный ветер под названьем «жизнь» определяет не только судьбу отдельного человека, но и судьбу страны. Человек, любящий Родину, переживает как собственную драму то, что сделали с Союзом «реформаторы»:

*...Моя великая страна!...
Моя злосчастная Россия...
Пришли глухие времена,
И на рубле*

Чтоб у крепких мужчин заходили вверх-вниз кадыки

...

Чтобы сердце живое в них болью и радостью било,

Чтобы, раз услышав, невозможно их было забыть...

А. Топчий.

(12, с.13)

Первый поэтический сборник «Фарфоровый колокольчик» - вышел в Туле в 2001 году. В нём пять разделов: «Фарфоровый колокольчик», «Пессимистичный блюз», «В заколдованном пруду», «Бумажные самолётики», «Шлёп-шлёп» (песни для детей).

Великолепный лирик, Александр Топчий много пишет о любви, этой вечной теме поэзии. Любовь в его произведениях – чувство прекрасное, почти неземное и часто трагическое, оно переживается каждым как открытие, как нечто, чего не было до сих пор:

Продал я душу за синие омуты глаз,

За золотистую прядь у тебя на виске...

Милая девочка, - всё это было до нас;

Милая девочка, - так не бывало ни с кем.

(стих. «Милая девочка»).

(11, с.10)

О своей избраннице лирический герой А. Топчия говорит как о существе неземном:

Воплощённой любовью,

хрустальной тайной астральной

Ты идёшь мне навстречу, почти не касаясь земли.

(стих. «Ты узнаешь меня среди сотен похожих

прохожих»).

(11, с.13)

О любви – стихотворения «Быть может», «Плачь!..», «На прощание», «Гадалка», «Здесь меня уже не ждут», «Так ли уж важно?», «Фарфоровый колокольчик».

А. Топчий пишет о любви искренне, с достоинством. Человек в этом чувстве велик и одновременно беззащитен:

Среди людской толпы

Ищу тебя одну;

Теряюсь и молчу,

Соприкоснувшись взглядом, -

И, забыв про всё,

В глазах твоих тону

И не пытаюсь плыть –

Пусть даже берег рядом...

(11, с.14)

*распят
Мессия...*
(стих. «Имея сердце и талант»...). (11, с.50)

Своё отношение к «героям нашего времени» поэт высказывает в стихотворении «Демократ»:

*Проворненькими лапами
Под ельцинское «Ну-у-у...»
Распродали, расхапали
Великую страну.*

Во все времена люди пытались определить понятие «счастье». И, возможно, действительно для поэта

*Быть счастливым – значит просто
Быть всегда самим собой.*

(стих. «Обманщик») (11, с.52)

Быть самим собой – для поэта значит уметь глубоко и по-своему ощущать добро и зло, красоту и безобразие. О чём бы ни размышлял в стихах А. Топчий, он верен одному правилу: не почувствовал, не прочувствовал – не пиши. Будет фальшиво.

«Монолог старого крэка» – стихотворение о судьбе коня, когда-то бывшего чемпионом.

*...И за океаном и в Европе,
Было время, - все призы я брал,
Мчась вперёд в ликующем галопе, -
И соперник сзади пыль глотал.
А теперь я слабым стал и старым,
Невозможно время победить...
Но прожил на свете я не даром, -
Дай-то Бог любому так прожить.*

(11, с.57)

Это стихотворение заставляет вспомнить толстовского «Холстомера», купринского «Изумруда» – и человеческую жизнь, ведь законы старения, увы, одни и те же для животного и для человека.

Вспоминаю одну историю, услышанную на Хреновском конезаводе во время экскурсии. Нам рассказали, как старого, заслуженного коня «списали», отдали колхознику на прокорм. Когда тот запряг бывшего чемпиона, прославившего конезавод, и вывел его за ворота – конь упал: умер от разрыва сердца.

Неблагодарность, унижение, обида – эти чувства, видно, одинаково переживаются и людьми, и животными. Последними, может

быть, даже сильнее, ведь они не могут выговориться... Или мы, люди, не умеем их слушать? Вот такие размышления вызвало у меня чтение этого стихотворения А. Топчия.

Раздел «Бумажные самолётики» включает в себя и стихи о русской армии: «1919-ый», «1945-й. Солдат вернулся», «Десант не сдаётся».

Герой первого стихотворения - подпоручик Бубенцов, убитый в Гражданскую. Поэт с горькой иронией пишет:

*Подпоручик Бубенцов,
Счастлив ты, не зная,
Как глумится над страной победивший хам.*

(II, с.61)

Стихотворение «1945-й. Солдат вернулся» – это рассказ о трагедии, постигшей многих советских людей:

*Он вернулся с войны -
к пепелищу родного села...
Только грай воронья,
только стылые угли да ямы...
Шевельнулась под ветром, -
как будто живая, - зола...*

Он вернулся домой.

Только нету ни дома,

ни мамы...

(II, с.62)

И слова, слетевшие с губ солдата, были словами слишком многих:

Он стоял на коленях, -

солдат, покоритель держав,

Прошагавший в жестоких боях

от Москвы до Потсдама, -

И хрипел,

кое-как побелевшие губы разжав:

«Здравствуй, мама...

Я жив,

Я вернулся.

Ну как же так, мама»...

(II, с.62)

О современной армии поэт пишет в стихотворении «Десант не сдаётся». Сегодняшний русский десант «в проклятых Богом песках» ведёт себя так же мужественно, как и древние ратники на полях сражений:

*Безусый мальчишка, романтик
Не сделает шага назад:
Ведь каждый из нас – десантник,
А в плен не сдаётся десант.* (11, с.59)

Пятый раздел сборника «Фарфоровый колокольчик» А. Топчий назвал «Шлёп-шлёп». Это песни для детей. Весёлые, задорные и мелодичные, они рассказывают об обычных вещах, которые в детстве воспринимаются совсем не так, как во взрослой жизни:

*Просто вы не знаете,
Вы не понимаете,
Как по лужам здорово идти!*
(стих. «Шлёп-шлёп»). (11, с.64)

«Подарили мне щенка», «Воздушный шарик» – всё это знакомо, памятно каждому из нас.

Детство – это сказка, наполненная теплом, светом, радостью. Наверно, поэтому так хочется вернуться в него:

*Пусть говорят, что всё сказки врут,
Что так не бывает,
Что все это знают, –
Пускай себе твердят, что хотят,
Но в сказку попасть хоть раз
Каждый мечтает.*
(стих. «Путешествие в сказку») (11, с.76)

Когда-то большой русский поэт Константин Бальмонт написал:

*Жизнь проходит, - сказка – нет,
Хорошо мне, - я поэт.* (5, с.220)

Мне кажется, поэты – это большие дети, которые всю жизнь верят в сказку.

Стихи Александра Топчия из его первого сборника сродни прекрасным фарфоровым цветам П. У. Иванова, которые хранятся в Русском музее Санкт-Петербурга. Такие же нежные, тонкие, прозрачные, хрупкие и в то же время вечные, потому что созданы настоящим мастером.

Часть 3. Второй поэтический сборник.

В 2002 году в Туле вышел второй сборник Александра Топчия «Неприкаянный». В нём пять разделов: «Что ж...», «Ночь Пьеро», «К вопросу о...», «Синяя трава», «Монолог».

Первый раздел открывается стихотворением «Что ж...»:

Что ж – улетели мои журавли,

улетели...

Глупое сердце, а ты-то за ними куда? (12, с.5)

Но как же может не стремиться в полёт сердце поэта? И как можно быть поэтом – с иным сердцем?

Как раз особая сердечность, нежность отличают стихи Александра Топчия. Он будто боится причинить боль поэтическому тексту каким-либо неосторожно употреблённым словом, небрежной синтаксической конструкцией. Его стихи – это негромкий, доверительный разговор с читателем о том, что волнует их обоих: о жизни и смерти, любви, дружбе и предательстве, Родине, её истории, настоящем и будущем.

О любви поэт пишет в стихотворениях: «Ночь. Дождь. Ты», «Замок из песка», «Я – как шхуна», «Два креста», «Бессмертный палач», «Уезжаю», «Куда мне деться от тебя», «Строчки на снегу».

Это чувство приносит не только радость, но и боль, потому что бывает безответно. И тогда спутник его – одиночество.

Ночь.

И ты – совсем одна.

Ты

Застыла у окна.

Город пуст. И только дождик

Тихину его тревожит...

Ночь.

И дождь.

И ты одна.

(стих. «Ночь. Дождь. Ты»).

(12, с.6)

Природа и человек взаимосвязаны в поэзии А. Топчия:

На кострах из клёнов

Дотлевают лето.

Нет в усталом небе

Презней синевы...

...

Будут падать слезы

Затяжных дождей...

Ты украдкой ночью

Тожё будешь плакать, -

Просто потому, что

*«...Закон природы, господя!
Нет новизны какой-то в этом:
Мертвец не может стать поэтом,
Но мертвецом поэт – всегда!
Владыка Рима, сам Нерон –
И тот стал пищей для ворон;
Что же камер-юнкер? ждал чудес...»*

*...Так утешал себя
Дантес.* (12, с.19)

Пушкин не стремился стать придворным поэтом, которых сегодня немало:

*Не завидуй придворным поэтам!
Пусть у них и эфир, и тираж;
Быть придворным
и честным при этом –
Парадокс,
небылица,
мираж.*

(стих. «Придворные поэты») (12, с.20)

Великолепно краткое и образное стихотворение «Дожди»:

*Все поэты – дожди...
Хоть сравнение кажется странным,
Но у тех и других
Одинаковы
в главном
стеzi:
На иссохшую землю
Упасть золотым, долгожданым! –
Или нудно идти,
Увязая в осенней грязи...* (12, с.21)

Эпитет «золотой» здесь совсем не случаен. По признанию самого поэта, он возник под влиянием образа живописно – мифологического. Вспомним историю Данаи, заточённой отцом в темницу, куда в виде золотого дождя проникает влюблённый в неё Зевс. Творчество, по мысли поэта, тот же оплодотворяющий дождь, который заставляет реальность «рождать» прекрасное.

Вообще раздел «Ночь Пьеро» – это размышления поэта о творчестве, судьбе самого творца и судьбе его творений.

Обрывки фраз.

Обрывки ритмов.

И вдруг рождается строка.

И вдруг

сама

приходит рифма,

Как джокер в руку игрока.

(стих. «Прогулки в октябре»).

(12, с.22)

Юмором окрашено стихотворение «Страхи», рисующее «сны о зачарованных местах»:

Там живёт в болотах амфибрахий,

Там хорей шмыгают в кустах;

Там гуляют барственные ямбы,

Пестуя апапест молодой;

Там диктует дактиль дифирамбы,

В сумерках летая над водой.

(12, с.22)

Эти строчки, помимо прочего, отличает и великолепная звукопись.

А. Топчий следует поэтической традиции, вспомним пушкинское «четырёхстопный ямб мне надоел» (8, с.114) или у Льва Озерова:

Четырёхстопный ямб не надоел.

Не оставляю мальчикам в забаву

Его омытых нашей кровью стрел,

Его неостывающую славу.

(стих. «Сонет»).

(4, с.414)

А Игорь Северянин посвятил стихотворным размерам «Поэзу о старых размерах» (1919 г.).

Третий раздел сборника «Неприкаянный» - «К вопросу о...» продолжает размышления поэта о жизни и творчестве.

Иронические строки стихотворения «Обидно» посвящены современной поэзии:

... Был серебряный век у поэтов,

У поэтов был век золотой, -

Но, увы, не покажется странным,

Если в этом реестре веков

Наш с тобой назовут «деревянным» -

За обилие пней и дубов.

(12, с.26)

Узнаваем и убедителен сатирический образ псевдопоэта Альфонса Кукушкина:

*Я в газете нашей местной
Всех сотрудников «достал», -
Но стихи свои и песни,
Что одна другой прелестней,
Мно-о-ого раз публиковал.*

(стих. «Альфонс Кукушкин») (12, с.27)

Как и каждому по-настоящему творческому человеку, Александру Топчию свойственны сомнения:

*Всю жизнь пишу стихи:
Про то, про сё, про это,
Они порой грубы,
Они порой нежны;
Хорошие стихи
Хорошего поэта, -
Да только вот -
на кой*

*Они кому нужны...
(стих. «Всю жизнь пишу стихи») (12, с.38)*

Четвертый раздел сборника «Неприкаянный» носит живописное название «Синяя трава». Такая вряд ли возможна в реальности. Но в поэзии, в искусстве – почему нет?

Лучшие стихотворения этого раздела посвящены России, её прошлому и настоящему:

*Печенеги, половцы, хазары –
Имена исчезнувших племён,
Ворогов из летописей старых,
Из седых языческих времен.*

...

*...Где они, степные могоканы?
Что от них осталось на земле?
Плосколицый идол на кургане
Да полночный шорох в ковыле...*

(стих. «Печенеги, половцы, хазары...») (12, с.46)

Россия, русские, национальный характер... Александр Топчий не может пройти мимо этой темы:

*Окоём без края,
Радуги и росы,*

«Бог». Девятая децима оды – это гимн Человеку:

Я связь миров, повсюду сущих.

Я царь – я раб – я червь – я Бог!

(3, с.564)

Константин Бальмонт так определил своё поэтическое «Я»:

Я – изысканность русской медлительной речи,

Предо мною другие поэты – предтечи,

Я впервые открыл в этой речи уклоны,

Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,

Я – играющий гром,

Я – прозрачный ручей,

Я – для всех и ничей.

(5, с.193)

Александр Топчий в стихотворении «Человек» рисует психологический портрет человека начала третьего тысячелетия:

С полуулыбкой отрешённой

Смотрю в себя, почти как Будда.

Я – соль Земли.

Я – прокажённый.

Я – Муций Сцевола Иуда.

Я – трепет нервов и эмоций,

Я – разум, запертый в вольере,

Я – Вольфганг Амадеус Моцарт,

И я – Антонио Сальери.

(12, с.49)

Он, этот человек, сложен и противоречив, он обнаруживает в себе черты мученика и предателя, жертвы и палача, первого и последнего.

Философски осмысляя человеческую жизнь, поэт пишет:

И, время комкая в ладони,

Иду дорогой вечной,

Млечной,

Во все века живу

сегодня,

И гибну в тысячах агоний,

И возрождаюсь бесконечно.

(12, с.49)

Продолжение раздумий поэта о человеческом характере и смысле человеческого бытия мы находим в стихотворении «Ариварано».

*До сих пор –
Хоть лежат между нами века –
Рукоятку меча оцупцает рука...*

(12, с.55)

Трагическую судьбу русской женщины в 20 веке рисует стихотворение «Мужчины Марии»:

*Оба деда, которых Мария не знала,
Полегли на Гражданской.
Отец был застрелен на Финской.
Старший брат - на Великой, под Курском.
Младший брат – на Даманском.
Старший сын – на афганской.
Младший сын – на чеченской.
Ликвидатора – мужа
прибрал потихоньку Чернобыль.*

Вот и все мужчины Марии. (12, с.56)

Сколько женщин в России повторили судьбу героини этого стихотворения, оставшись в горьком вдовьем одиночестве!..

О драматической судьбе поколения сорокалетних, своих сверстников, поэт написал в стихотворении «Взлетает монетка – «орёл» или «решка?»».

*Проснав, проморгав, прозевав отправленье,
Сидит на вокзале моё поколенье,
Не глядя друг другу в глаза.*

(12, с.57)

Грустные ноты слышатся в стихотворении «Всё переменится»:

*Тропки окольные
Под ноги стелются,
Пыль переулков,
Чужая стерня...
Всё переменится.
Жаль – без меня.*

(12, с.58)

Поэт ценит независимость прежде всего, даже Бога он не хотел бы ни о чём просить:

*Не хочу я с какими-то просьбами лезть.
У Него без меня попрошайек – что блох.
Только, знаете,
Он ведь не спонсор, а – Бог!
Он всеведущ.
Без наших подсказочек,*

сам

Он воздаст за дела и за помыслы нам.

(стих. «Я живу как живу») (12, с.59)

Александр Топчий – человек городской, но у него, как и у многих горожан – бывают минуты, когда хочется освободиться от урбанистической шелухи:

*Как мерцает полночное поле под полной луной!
Как таинственно, нежно, тревожно оно серебрится!
Всё со мной уже было... Но всё ещё будет со мной,
И не кончится жизнь, - просто как-то иначе продлится*

*Расстилает по полю луна невесомый гипюр,
И далёкими, жалкими кажутся страхи и боли.
Из привычного рабства – от мнений, вещей и купюр-
Я к тебе прихожу:
Забери в серебро меня,*

поле...

(стих. «Серебряное поле») (12, с.60)

Великолепно по исполнению и настроению стихотворение «Элегия звёзд и прощаний». Эпиграфом к нему стала шекспировская строка из «Гамлета»: «Уснуть... и видеть сны?». Размышления о жизни и смерти Александр Топчий облакает в форму поэтического монолога::

*Когда последний лист
Бессильно и печально
Распластанной звездой
У ног моих замрёт,
Я*

*постою над ним
И, помолчав прощально,
Отчётливо пойму,
Что скоро мой черёд.
Что скоро,*

вопреки

*Извечной жажде жизни,
Вот так же упаду,
К земле прильнув лицом...*

(12, с.61)

Это стихотворение завершает сборник «Неприкаянный». Финал – достойный прекрасного поэта.

Часть 4. После второго сборника.

После выхода сборника «Неприкаянный» поэт продолжает активно работать. Им создано много новых стихотворений. Среди них – автобиографически-исповедальные «Мой город ночью пуст», «Трагикомедия», «Рождённые в Новомосковске», «Мы – десант», «Краткая автобиография», «На погосте – кресты да звёзды», «Холодное лето две тысячи третьего», «Город. Начало весны».

Трогательно – интимно звучат строки сонета «Жене Светлане», пронзительной душевной болью отмечены строки «Исповедания», посвященного тяжелобольной дочери.

Только абсолютным доверием к читателю объясняется та степень откровенности, которую позволяет себе поэт:

*Вот у этой двойной берёзы -
Мой отец и дочурка...
Спите.*

...
*Есть банальность – искусства выше:
На могилах любимых плакать,
Вера, будто тебя услышат
Сквозь сырую земную мякоть...*

(стих. «На погосте – кресты да звёзды»). (13)

Поэт ни о чём не просит Бога для себя, но ради дочери он может и нарушить свой зарок:

*Всё у меня, что хочешь, забори, -
А если жизнь потребуетя тоже,
Возьми и жизнь!
Но только -
слышишь, Боже! -*

*Ты
ей
хоть каплю счастья подари.
(стих. «Исповедание»).*

Размышлениями о прошлом, настоящем и будущем пронизаны стихотворения «Из круга фонарного света», «В трясине лжи чужой...», «Русскому тинэйджеру», «Надежда», «Показатель», «Невнятное о грустном», «Облака и годы».

В бессонные ночи «приходят» к поэту герои, знакомые с детства:

*И замшелые сказки слетят на пламя свечи:
Про Горыныча Змея, укравшего царскую дочь,*

Про Кащя и Вяя,

Ягу и гусей-лебедей...

*А в окно беспритомно, доверчиво тычется ночь, -
Словно глупый щенок, не привыкший бояться людей.
(стих. «Весь изломанный хищно, - как мыши
летучей крыло»).*

По верованиям наших предков, никакой дом не стоит без
домового. Свой домовый есть и у нашего поэта:

Неприкаянный, тревожный

Мне достался домовик.

Но в соседстве жить с ним можно:

Я привык -

И он привык.

Домовой сочувственно относится к работе хозяина:

... Сидит неслышной мыши,

Даже, кажется, не дышит,

Если я пишу стихи.

...

А под утро, словно кошка,

Подкрадется в тишине,

И шершавая ладошка

Вдруг лицо погладит мне...

(стих. «Мой домовый»)

Прекрасно стихотворение «Пролетели, откричали...». Трижды
повторённая фраза «утоли печали моя» православной молитвы,
обращённой к Божией Матери, придаёт этому произведению
неизъяснимое печальное очарование:

Пролетели, откричали

Журавли...

Утоли мои печали,

Утоли.

Просто рядом сядь, как прежде,

Помолчи...

Излечи меня надеждой,

Излечи!

И вовсе не святотатством продиктовано обращение поэта с
просьбой уменьшить душевные мучения к земной женщине:

Помолчи ещё немного

О себе,

*О несбывшихся дорогах,
О судьбе
И о ждущем всех причале -
Там, вдали...
Утоли мои печали.
Утоли.*

Есть отчего печалиться русскому сердцу. По-отцовски обращается поэт к современной молодёжи в стихотворении «Русскому «тинэйджеру»:

*Мне – сорок с лишним.
А тебе – семнадцать.
Практически – ты рос в другой стране...
И мне в тебе так трудно разобратъся! -
Как и тебе, наверное, во мне.*

Несмотря ни на что, русские разных поколений должны научиться понимать друг друга:

*Я рассуждаю так.
А ты – иначе.
И оба убеждениям верны...
Понять друг друга – сложная задача,
Но мы с тобой
решать её должны.*

Без этого понимания у нашей страны нет будущего.

Поэт не может ни жить, ни творить с апокалиптическими настроениями. Поэтому для него, как и для всякого человека, так важна надежда. В одноимённом стихотворении поэт пишет о человеческой жизни как сизифовом труде. Несмотря ни на что, поэт верит:

*Но - настанет иная пора,
Миг
за жуткою толщей веков:
Там,
когда-то,
согрётся гора
От бесчисленных тяжких шагов!*

По-прежнему верен Александр Топчий одной из основных тем своего творчества – теме Родины.

Стихотворение «Летаргия?» – это размышления поэта о судьбе России. Много вопросов встаёт перед лирическим героем

произведения, но главный:

*И почему так ошельмован
Когда-то гордый внук славян?
Мол, хуже всех он образован,
Мол, чаще всех бывает пьян,
И, мол, работник никудышный,
И с интеллектом – не вполне...*

Поэт делает неутешительный вывод:

*Похоже, русский – просто лишний
В своей же собственной стране!*

Автор обращается к Отчизне:

*Очнись,
очнись,
моя Россия!*

Не таясь, эмоционально и искренне поэт пишет о своей любви к Родине:

*Люблю тебя, моя святая
Многострадальная страна!
Я не один такой,
И знаю:
Россия – встрянет ото сна!*

Это стихотворение Александра Топчия невольно вызывает в памяти другие строки:

*Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,*

*От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

(8, с.451)

Адресат этого стихотворения был указан в его названии – «Клеветникам России». Автор – А. С. Пушкин. В произведении «Летаргия?» переключки с Пушкиным явны. Они проявляются и в тематике, и непосредственно в тексте. «Гордый внук славян» – цитата из пушкинского «Памятника», «Россия встрянет ото сна» – из «К Чаадаеву».

Современной России посвящены стихотворения «Архипелаг «Аншлаг», «Предвыборное», «Как с изнурительной работы», «Чужой

Севастополь», «Больны большие города», «Как же бьют нас нещадно, родная страна...».

Стихотворение «Террикон» рисует безрадостную картину современного Подмосковья:

*Безмолвно
и как-то исконно
Зброшенный Сфинкс террикона
Глядит
и глядит
в никуда.*

Разруха, как после войны, царит в нашей стране, «невезучей стране». Но А. Топчий не мыслит себя вне России:

*Неприкаянный сын невезучей страны, -
Я с Россией до смертного вздоха
(стих. «Как же бьют нас нещадно, родная страна).*

Поэт верит:

*Кружат, кружат над Россией –
Там, у неба на краю –
Птица Феникс, птица Сирин,
Алконост и Гамаюн.*

Вещие и сладкоголосые птицы славянской мифологии выражают веру поэта в возрождение нашей страны, в её будущее. Заканчивается это стихотворение так:

*... Не давая нам забытья,
Помогая быть собой.
Молчаливо, словно тени, -
Между судеб, между звёзд, -
Птица Сирин,
Птица Феникс,
Гамаюн
И Алконост.*

Отдельный цикл новых произведений поэта можно озаглавить как юмористическую или сатирическую ЖЗЛ: «Архимед», «Пифагор», «Александр Дюма – отец», «Наполеон Бонапарт»... Пишет А. Топчий и о «героях нашего времени», к которым относится с открытой неприязнью:

*... И с Горбачёва, мой читатель,
Пошёл развал по всей стране...*

А кто он был – дурак? предатель? –

Пока понятно не вполне.

(стих. «Михаил Горбачёв»).

Ещё жёстче изображается автором «великий борец с коммунизмом»:

До Горбачёва был Борис –

Номенклатурный коммунист.

Ортодоксален и неистов,

Клеймил господ капиталистов.

Но перестройка началась...

Пришла возможность ханнуть власть.

...

А Ельцин – шасть, и в «демократы»!

И, возлюбив, как маму, Штаты,

Под руководством Си-Ай-Эй

Сломал хребет стране своей.

Страны СССР – не стало...

Поэт перечислил и некоторые другие «подвиги ЕБН»:

И как-то - видимо, по пьянке –

Он на парламент двинул танки!

И расстреляли танки всласть

Законодательную власть...

Потом решив, что он – артист,

На сцене дёргался под твист.

Лечился. Пил. И в пьяном раже

Руководил оркестром даже...

Время правления этого господина поэт называет «позором». Период, когда у власти были Горбачёв и Ельцин, Александр Топчий описывает в лучших традициях русской сатирической поэзии, - вспомним «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого.

Интересен и цикл стихов «Хроники деревни Заманиловки» с центральным героем Евграфычем, деревенским выпивохой и балагуром. В цикл входят стихотворения: «Утро Евграфыча», «Удивительное – рядом», «Испорченный телефон, или Рождение легенды», «Родственники Пушкина», «Деревенские гурманы», «Политическая активность», «Столичный внучек».

Гоголевская сатира – один из образцов для Александра Топчия, когда он работает в этом жанре. Недвусмысленно говорит о том

*Именно ночью
с тобою
приходит ко мне? ...*
(стих. «Вновь по угрюмости уличных гульки^x уцелий».)

Именно ночная тишина рождает такие размышления:
*Мир был создан куда как неглупо!
Жаль, что мы, не страшись ничего,
Сумасбродно, упорно и тупо
Под себя подгоняем его.
Подгоняем –
уродуем, губим,
Потакая желаньям своим...*
(стих. «Бессонница. Мысли»)

В «Ночном автопортрете» поэт делится с читателем своим взглядом на самого себя как бы со стороны:

*На колченогой табуретке
В «хрущевской» кухне – два на два –
Пишу в тетрадные клетки
Стихов нахлынувших слова.
...
Давно остыл забытый кофе, -
Но недосуг: идёт строка;
И я похож - и в фас, и в профиль –
На сумасшедшего
слегка.*

И все эти мучения – ради обретенного в результате слова:
*Вот он – трепещет, как рыбка в руках рыболова, -
Длинных бессонных ночей драгоценный улов.
Дай полюбуюсь тобой, обретенное слово,
Прежде, чем брошу в магический омут стихов.*
(стих. «В поисках слова»)

Именно в этом смысл существования поэта. Описывали творческий процесс многие. Об этом, например, в стихотворении К. Бальмонта «Как я пишу стихи»:

*Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья, ей издали
Четвертая смеется, набегая.*

*И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько – я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда – не сочиняю.* (5, с.345)

Об этом же когда-то написал и А. С. Пушкин в стихотворении «Осень»:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
Минута – и стихи свободно потекут.* (8, с.458)

Часть 5. Критика – о творчестве Александра Топчия.

*Давно стараюсь критиков не слушать:
О чём и как я только ни пишу,
Одни в моих стихах находят – душу,
Другие же – отсутствие души!*

*Одни кричат: «Вот это то: что надо!
Какой охват! Какая глубина!»
Другие называют верхоглядом,
Который видит жизнь
лишь из окна.
(стих. «Критики»).*

Первая профессиональная рецензия его стихов (весьма и весьма положительная) была опубликована в газете «Новомосковская правда» в 1979 году. Вот отрывки из этой рецензии: «Да, имя А. Топчия можно не стесняясь назвать нашим читателям, потому что при всём умении писать в рифму, соблюдая определённый размер и ритм, Александр обладает той самой непосредственностью и свежестью чувства, без которых не найти поэзии и в самых изощрённых, но холодно-ремесленнических поделках». Автор этих слов – новомосковский поэт Владимир Болохов.(9)

Далее в жизни А. Топчия были те самые 20 лет поэтического молчания, сознательного отказа от публикаций своих стихов. Но вот весной 2001 года выходит сборник «Фарфоровый колокольчик». Анализ этого сборника была посвящена статья члена Союза журналистов России Александра Пырьева «Закольцованный стих», опубликованная в той же «Новомосковской правде» 13 июля 2001 года: «Итак, перед нами поэт, человек, глубоко чувствующий свою личную

название деревни, где происходит рассказанное автором, - Заманиловка.

Вспомним разговор из 2 главы «Мертвых душ»: «На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал:

- Маниловка, может быть, а не Заманиловка?

- Ну да, Маниловка.

...

- Направо, - сказал мужик. – Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовётся так, то есть её прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то есть, живёт сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было». (6, с.19)

Та самая Заманиловка, существование которой отрицали гоголевские мужики, вдруг воскресла почти через 150 лет в творчестве нашего земляка, поэта Александра Топчия.

Размышления о поэтах и поэзии – ещё одна сквозная тема в творчестве А. Топчия. Проникновенные строки посвятил он Владимиру Маяковскому:

*Бунтарь и экспериментатор,
Глашатай, футурист, новатор,
Высокий, резкий, громогласный –
Какой он лирик был прекрасный!*

(стих. «Владимир Маяковский»)

Маяковский стихотворений «Ко всему», «Хорошее отношение к лошадям», «Письмо Татьяне Яковлевой», «Послушайте!», поэмы «Облако в штанах» – великий трагический поэт 20 века.

Сложному и тяжкому искусству слагать стихи, судьбе их творцов посвящены стихотворения: «Метаморфоза», «Невнятное о грустном», «Отчего меня тревожит», «Ночной автопортрет», «Неканонический сонет», «О чём ты думаешь, когда...», «В поисках слова», «Холодное лето две тысячи третьего, или Монолог пьяного поэта».

О спутнице любого творчества – бессоннице – писали много и многие. Александр Топчий тоже отдал дань этой теме. Поэт бессоннице благодарен:

*Здравствуй, бессонница, -
мой исповедник жестокий,
Свет из-за штор до утра в одиноком окне...
Разве случайно, что самые честные строки*

боль и готовый разделить боль чужую. В книжке без предисловия и «благословения» маститых писателей Александр Топчий раскрылся в стихах».(7)

24 октября 2002 года в газете «Тульские известия» руководитель Тульской писательской организации, известный поэт В. Пахомов написал: «Александр Топчий разбрасывается и ёрничает. Это у него получается, однако ждёшь от него чего-то большего, значительного... Строки его стихов запоминаются насыщенностью мысли и образов. Он умеет многое. Мне же по душе его лирика».(10)

Восторженные слова посвятил творчеству Александра Топчия в предисловии к сборнику «Неприкаянный» член Союза писателей России, руководитель Новомосковского литературного объединения поэт В. Киреев.

Рекомендуя А. Топчия в члены Союза писателей России, известный поэт, руководитель Узловского литобъединения Николай Боев написал: «Он представляет новое поколение литераторов, которые пристально всматриваются в сегодняшний день, сопоставляют его с днём вчерашним, чтобы увидеть день грядущий и предсказать его ориентиры. Отсюда у него и глубина мысли в стихах, и ироничное отношение к некоторым проблемам современности... Ирония, увы!, от которой становится грустно, и горько! Именно сюда выходит знаменитое гения: «... глаголом жечь сердца людей».

А известный наш прозаик, президент писательского клуба «У истоков Дона» Дмитрий Ракитин в своей рекомендации отмечает: «Читая стихи Александра Топчия, сразу понимаешь: они написаны человеком неравнодушным, обладающим тонким чувством слова и ритма, прекрасным версификационным мастерством и своим поэтическим голосом. Лирика его прозрачна, зачастую грустна, но всегда проникновенна. Два сборника стихов Александра Топчия – «Фарфоровый колокольчик» и «Неприкаянный» – яркое подтверждение его таланта. Чувствуется, что творческий потенциал его велик, а значит, велики и перспективы дальнейшего творческого роста этого несомненно талантливого поэта».

Заместитель главного редактора московского журнала «Наш современник» Александр Казинцев в рекомендации в СП России написал о творчестве Александра Топчия так: «Для меня его творчество значимо прежде всего тем, что выражает настроение, мировосприятие огромной социальной группы... Это вообще редкость – поэт масштаба социальной группы, класса... Выразить этот настрой столь ясно, с такой великолепной ненавистью ко всякого рода захребетникам, оседлавшим

современного русского Ивана, под силу только подлинному поэту».

Давая общую оценку сборника «Неприкаянный», Казинцев пишет: «...те находки и поэтические обретения, которые явственно просматриваются в книге Александра Топчия, позволяют говорить о нём как о серьёзном поэте со своим взглядом на мир и с непохожим ни на чей другой голосом» (Москва, 20 января 2003 г.)

Поэт продолжает работать, а мы, читатели, будем надеяться на встречи с его новыми произведениями, всегда поражающими своей нежностью, лиризмом, юмором, трепетным отношением к Слову и любовью ко всему, что называется жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. т.3 М., «Прогресс», «Универс», 1994 г.
- 2) НЛО. Литературно-музыкальный альманах №2. Тула, РИФ «ИНФРА», 2002 г.
- 3) Русская литература 18-века. М., Просвещение, 1970 г.
- 4) Русский сонет. М., «Совет. Россия», 1987
- 5) Бальмонт К. Избранное. М., «Совет. Россия», 1989 г.
- 6) Гоголь Н.В. «Мертвые души». М., «Дет. лит», 1981г.
- 7) «Закольцованный стих». – «Новомосковская правда», 13.07.2001 г.
- 8) Пушкин А.С. Золотой том. С/с. Издательский дом «ИМИДЖ», М., 1993 г.
- 9) «Радость встречи» — «Новомосковская правда», 6.09.1976 г.
- 10) «45 под одной крышей». «Тульские известия», 24.10.2002 г.
- 11) Топчий А. «Фарфоровый колокольчик». Тула, РИФ «ИНФРА», 2001 г.
- 12) Топчий А. «Неприкаянный» РИФ «ИНФРА», Тула-2002 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
НАЕДИНЕ С ТЕКСТОМ

МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР

(Размышление над поэтическим текстом).

*Если есть такой вопрос,
который можно считать
главным моральным вопросом
нашего времени, то это
вопрос об Иуде.*

М. Волошин

*Христос от вечности есть
единое праведное осуждение греха.*

А. С. Хомяков

Вошел Иуда – шапчонку снял...

Так начиналось стихотворение, появившееся на страницах районной газеты в 1960-е годы и вызвавшее негативную реакцию тогдашних идеологических работников.

Автором поэтического произведения с кратким и знобким названием «Иуда» оказался десятиклассник Гремячевской школы Владимир Суворов.

О герое стихотворения 5-ый том биографического словаря Брокгауза и Ефрона сообщает следующее: «Иуда Искариот – предатель Христа».

С именем Иуды связана почти 2000-летняя дискуссия о предательстве. Злодеяние этого ученика Христа стало одним из излюбленных сюжетов художественной литературы, изобразительного искусства. Вспомним всемирно известную фреску итальянского художника Джотто «Поцелуй Иуды», многочисленные «Тайные вечера» (Леонардо да Винчи, Тинторетто, Ф. Бароччи, Н. Ге...), одним из героев которых был и Иуда.

Русская литература также проявляла живейший интерес к этой личности. Достаточно вспомнить стихотворения «Как с дерева сорвался предатель-ученик» А. Пушкина, «Иуду» С. Надсона, «Иуду – предателя» А. Ремизова, рассказы «Иуда Искариот» Л. Андреева и «Любимый ученик» Ю. Нагибина.

Уже названия этих произведений несут в себе своеобразную

этическую оценку героя, правда, не всегда однозначную.

Дело в том, что предательство Иуды пытались объяснить, потому что страшен и омерзителен был сам факт его, ибо «явился предатель из самой среды учеников» (А. С. Хомяков).

Существует ряд предположений о причинах, которые могли толкнуть ученика Христа на этот поступок. Например, разочарование в словах и действиях Учителя, или своеобразный патриотизм этого апостола, который был единственным иудеем среди прочих учеников – галилеян и боялся, что необдуманные действия Христа вызовут недовольство Рима и как следствие – новую интервенцию.

Назывались и меркантильные причины, например, мечты Иуды о хорошей должности в мессианском Царстве Божьем, которое он, как и многие евреи, представлял как Царство Израильское. Когда же оказалось, что Христос имел в виду совсем другое Царство, Иуда и «отпал» от Учителя.

Удивляет и умиляет сам факт этих попыток – как будто можно найти оправдание предателю, разве что хотели разобраться в феномене предательства.

Как бы то ни было об Иуде писали Ренан, Вл. Стасов, М. Муретов, В. Розанов, Р. М. Бланк, З. Косидовский и многие другие

Не прошли мимо образа Иуды и тульские поэты. Предательство Иуды – это символ самого страшного из человеческих грехов, неизжитого до сих пор.

Об этом говорится в стихотворении В. Сапронова:

*Так искони
На земле и ведётся
Был бы Христос,
А Иуда – найдётся.
(стих. «Иуда»)*

Николая Боева волнует прибавившийся к вечным русским вопросам еще один:

*Почему многоликий Иуда
Постоянно преследует нас?
(стих. «Тайная вечеря»)*

Канонический образ евангельского предателя нарисован в стихотворениях Н. Боева и А. Харчикова «Иуда».

Вл. Сапронов пишет о том, что Христос – единственный, кто простил Иуду (стих. «Притча»), а еще о том, что в человеке есть и свет Христов и тьма иудина, странным образом сочетающиеся (стих.

«Натурщик»).

«Иуда» Владимира Суворова стоит как бы особняком в этом ряду. Во-первых, потому что написано стихотворение было тогда, когда мало кто рисковал затрагивать эту тему. Во-вторых, в нем нет назидательности, «мудрости лукавой», открытых авторских оценок.

В-третьих, сам текст идеален со всех точек зрения: по-пушкински краток и прост, я бы сказала, гениально прост, когда нечего убавить и добавить, когда текст – естественный монолит.

В-четвертых, есть в стихотворении та самая пушкинская легкость не легковесность, а именно легкость, когда у читающего возникает ощущение, что стихотворение как бы само собой родилось, без каких-либо авторских потуг.

А этим и отличаются истинные поэтические шедевры. И на мой взгляд, суворовский «Иуда» из их числа. Вот он

*Вошел Иуда – шапочку снял.
Сказал: «Сегодня Христа продал.
Несладко будет теперь Христу.
Вон – прибывают его к кресту.
Ты слышишь стоны?
Ты слышишь стук?
Не пожалеют Христовых рук,
Исусе, хватит творить добро.
Тебе – распятье.
Мне – серебро.
Пусть предаст брата, не упрекай.
Жаль только, плата невелика».
Ушел Иуда.
Пропал.
Исчез.
А утром чудо:
Христос
Воскрес!*

(Цитируется по сборнику «Тебя мы звали домом. Стихи и поэмы», Новомосковск, 1992. С. 82)

Всего 18 строк, написанных вольным ямбом, создающим неровный, как бы пульсирующий ритм стиха, который, меняясь, создает разное настроение. Ни одного эпитета, сравнения, олицетворения, т.е. того, что называется художественно-изобразительными средствами.

За счёт чего же автору удается добиться поразительного воздействия на читателя?

Мы будто находимся внутри драматического действия. Этот эффект возникает в результате виртуозного использования разноstopного ямба. Вольный стих – прекрасное средство для передачи особенностей разговорного языка. Прямая речь Иуды в суворовском стихотворении занимает 11 строк из 18.

Они – своеобразный смысловой и художественный эпицентр произведения.

Начинается стихотворение обыденно просто:

Вошёл Иуда – шапчонку снял.

Сказал: «Сегодня Христа продал...»

Сказал как-то буднично, как торговец о сделке.

И сам Иуда вовсе не злодеем выглядит. Нет в нем ничего от того Иуды, которого запечатлел в 1861 году в своем этюде Н. Ге: трагически – безобразное лицо, изборожденный глубокими морщинами лоб, нависающий над глубоко посаженными глазами; их странно тревожный и тревожащий взгляд направлен куда-то вбок, крупный мясистый нос над прячущимися в усах и бороде губами. Лицо, внушающее боязнь, презрение и будящее какое-то странное болезненное любопытство.

Какую мучительную и неразрешимую загадку хранит оно?

Не таков Иуда в стихотворении Суворова. Тихий, какой-то даже пришибленный и потерянно вежливый: «... шапчонку снял».

Вот эта самая шапчонка и настораживает, вернее, презрительно-пренебрежительный оттенок суффикса – онк – в этом слове.

Нотки торжествующей, но какой-то вялой злости звучат в словах Иуды:

Несладко будет теперь Христу.

Вон – прибывают его кресту.

Распятие Христа для Иуды событие вовсе не всемирного значения, а обычное наказание, применявшееся достаточно часто в те времена. Христа и не казнят, по мнению ученика-предателя, а просто «прибывают к кресту». Отсутствие трагического пафоса придает этой фразе выразительно зловещий оттенок.

Автор явно рассчитывает на то, что каждый из нас знает, что было связано с этим «прибыванием» – чувство одиночества и горечи оттого, что оставлен учениками, разбежавшимися в страхе, ужас, который испытывает человек, приговоренный к мучительной смерти.

«На миру и смерть красна», – гласит народная мудрость, но это когда мир не враждебен по отношению к умирающему.

Смерть Христа была не такой.

Иудин голос, как бы вызывая нас из плена картины, рисуемой нашим воображением, вновь вовлекает в круг вершащегося:

Ты слышишь стоны?

Ты слышишь стук?

Повтор глагола «слышишь» призван закрепить в нашем сознании мучения Христа и торжество его неверного ученика: ничего бы этого не было – если бы не Я – вот подтекст этого обращения.

А дальше – будто и не для слушающих только, а скорее – для самого себя – злорадное:

Не пожалеют Христовых рук.

Следующая фраза Иуды – вероятная причина нелюбви ученика к учителю, как бы продолжение незавершенного спора, упрек – напутствие умирающему:

Исусе, хватит творить добро.

Но сказано все это будто под нос самому себе, без энтузиазма, подкрепленного убежденностью в своей правоте.

Было бы иначе – автор поставил бы в конце фразы восклицательный знак. И возникает постепенно, исподволь ощущение какой-то смуты, закрадывающейся в душу Иуды.

Добро – ключевое слово для понимания трагедии, произошедшей почти 2000 лет назад. Исус хотел добра для всех, он хотел, чтобы каждый из нас определил цель своего земного существования как ежедневное и ежечасное творение добра.

Творить добро – значит созидать. А Иуда – разрушитель по натуре. Отказавшись от учителя – созидателя, он как бы вывел себя за пределы добра, став страшным символом его противоположности. Он еще не понял, чего ему будет стоить его «подвиг» в веках.

Кошунственно звучат его слова:

Пусть предал брата, не упрекай.

Жаль только, плата невелика.

Продал и предал...

Лексическая близость двух разнозвучающих глаголов здесь – изобразительный прием. Иуда как будто пробуждается от того, что сделал, как от страшного сна, попадая при этом в не менее страшную реальность – понимание, что предал. Иуда сам произнес это слово, будто подписал себе приговор, которым отметит его вечность

Ушел Иуда.

Пропал.

Исчез.

И опять автор обращается к нашему «внутреннему» знанию.

Мы ведь помним, как закончил свои дни «предатель-ученик». Вот, отверженный всеми, стоит он сгорбясь и зябко кутаясь в плащ в неверном лунном свете на дороге, а вдали люди, которые уже никогда не примут его. Таким изобразил финал иудиного земного существования Н. Ге на своем полотне «Совість. Иуда». (1891 г.)

И лесенка из глаголов: «ушел», «пропал», «исчез» – рисует эту картину погружения в полное небытие: страшно – «умер», но страшнее по смыслу – «исчез».

И как антитеза этому исчезновению звучит финал стихотворения:

*А утром чудо:
Христос
Воскрес!*

В пасхальном возгласе, утверждающем торжество Добра над Злом, Света над Тьмой, заключено и отрицание действительности такого страшного греха, как предательство.

В этом был убежден тот 17-летний мальчик, написавший не просто стихотворение об Иуде, а поэтическую драму о Добре и Зле, воплотившуюся всего в 18 строчках, начинавшихся гениально просто:

Вошел Иуда - шапочку снял.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Боев Н. Озвученное время. – Т.: Пересвет, 2001.
- 2) Вагнер Г. К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников. Середина 19 – начало 20 в. – М.: Искусство, Российский фонд культуры, 1993.
- 3) Даниэль С. М. Библейские сюжеты. Серия «РЖ 19 века». – СПб.: Художник России, 1994.
- 4) Иван-озеро. Сборник. – Т.: Пересвет, 2001.
- 5) Иуда. 2000 лет дискуссий о предательстве. – М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 1996.
- 6) Сапронов В. Избранное. – Т.: Пересвет, 2000.
- 7) Суворов В. С. Тебя мы звали домом. Стихи и поэмы. – Новомосковск, 1992.
- 8) Хомяков А. С. Сочинения в 2 тт. – М.: Московский философский фонд, 1994.

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЧУВСТВО

(о рассказе В.Зайцева «Хорёк»)

Помню, на I курсе института, осенью, были мы на картошке в Дубенском районе. Жили на квартире у старенькой колхозницы. Бабуля у нас была оригиналка: худенькая, проворная, с тонкими ногами в разношенных кедах. Когда мы возвращались с поля голодные, а часто и промокшие до нитки, потому что осень была дождливой, она вынимала из теплой русской печи наваристые щи с мясом, и мы забывали обо всём. Бабуля нас жалела.

Потихоньку привыкали мы к нелёгкой работе, всё вроде бы налаживалось. Но вдруг по утрам нас начал будить горестный тонкий плач с причитаниями: «Лихоманка тя заberi, чёрт паршивый, и чё привязалси...»

«Чертом паршивым» оказался хорёк, который выбрал для своих ночных походов курятник нашей хозяйки, женщины одинокой, а потому вдвойне беззащитной.

Её попытки вместе с нами изловить злодея оказались безуспешными, да и после полевых работ сторожами мы были никакими.

Все мы дружно ненавидели куриного «убивца» и сильно обрадовались, когда приехавший из города сын нашей хозяйки свёл счёты с незваным гостем.

Все это я вспомнила, когда читала рассказ В.Зайцева «Хорёк». История была похожей и не похожей на нашу студенческую.

Сюжет рассказа прост. Жители деревни не знают, куда деваться от хорька, повадившегося ходить за курами. Ненависть к нему достигает таких размеров, что на него устраивается настоящая охота: «Его загнали на террасу в угол. Он смотрел на озлобленных людей широко раскрытыми глазами, скалил зубы и сердито шипел, если кто-то подходил к нему близко. Тело хорька нервно вздрагивало. Но голову он держал высоко и гордо» (1, с.91).

Когда хорёк попытался убежать, брошенное кем-то вслед зверьку березовое полено угодило ему в голову: «Он сдѣлал ещё один скачок, и, как бы споткнувшись, перекувыркнулся через голову и во всю длину тела распластался на серой пыльной дороге». (1, с.91-92)

После того как все разошлись, вполне удовлетворенные своей «работой», герой рассказа, от лица которого ведѣтся повествование, остаѣтся один на один с мѣртвым зверьком, который, конечно, не от хорошей жизни пришел к человеческому жилью: «Особенно поразила

меня его мордочка, белые щёчки. Кончики ушей у него тоже белые».
(1, с.92)

Герой рассказа смотрит на хорька без ненависти, скорее с жалостью и интересом. Финал у этой истории, в отличие от нашей студенческой, был совсем невеселым: «А вечером, когда лёг спать, я горько плакал. Слезы неслышно стекали на подушку, тело вздрагивало. Ко мне почти неслышно подошла мать, положила на голову руку, погладила и сказала:

- Ишь как набегался за день, аж во сне плачет.

Я промолчал. Постеснялся признаться в своей слабости». (1, с.92)

Рассказ автобиографический. В основе его детские воспоминания писателя.

То, что герой рассказа счёл «своей слабостью», на самом деле было великим актом понимания, часто недоступного взрослым, умудрённым жизнью людям.

Мальчик пожалел хорька, тем самым признавая неписанные законы природы, где и хищнику уготовано свое место, назначение. Голод, чувство, знакомое и человеку, толкнул хорька к курятнику, он пришел сюда, чтобы не погибнуть.

Мальчик прощает зверька и признает его право ради собственной жизни пойти на то, на что он пошёл. А чтобы понять и простить – нужно иметь большое доброе сердце.

Наверно, не случайно, став взрослым, этот мальчик превратился в писателя, творчество которого пронизано непреходящим чувством любви и жалости ко всему живому.

ЛИТЕРАТУРА

1) У истоков Дона. Историко-литературный альманах, ч. 1, Тула, РИФ «ИНФРА»-2001 г.

ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЬ...

(об одном стихотворении А. Логунова).

Фольклор – неиссякаемый источник народной мудрости. Он всегда питал и будет питать все виды искусства своими идеями, темами, образами (2, с.3)

А. Логунов

Представим себе далёкие уже от нас времена, когда предки наши считали живым, одухотворенным всё, что их окружало. Они поклонялись солнцу, месяцу, грому, деревьям, водоемам и т.д.

«Земледельческая традиционная культура не была пассивной, созерцательной. Человек не только молился, приносил жертвы, пытался разгадать смысл разных явлений и связь вещей, он требовал, указывал, вызывал природу на определённые действия, заявлял о себе как о властелине, хозяине во вверенном ему природном участке» (5, с.13)

Наши предки были уверены в особой силе воздействия слова на природу и её явления. Отсюда множество обрядовых текстов с обращениями к ней, одними из которых являются заклички, песенные обращения к солнцу, радуге, птицам, дождю и т.д. Свое происхождение они ведут, по всей вероятности, от древней земледельческой магии.

Сельские жители являются хранителями фольклорных традиций. Наверное, вспомнив о древних закличках, написал такое стихотворение новомосковский поэт Алексей Логунов, детство и юность проведший в деревне:

*Дождик, дождик,
Перестань,
Уходи
За Епифань,*

*Прямо в Дон,
В свой дом,
Ждет тебя
Дождиха в нем!*

(1, с.40)

Сравним его с народной закличкой:

*Дождик, дождик, убывай,
Будет славный урожай:
В поле лён и бобы,
В лесу ягоды, грибы,*

*В саду мак и сирень,
В огороде зелен хмель!*

(4, с. 120).

И в литературном и фольклорном произведении «стих краткий, энергичный, призывный», используются повелительные формы глаголов «перестань», «уходи», «убывай», существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: например, к главному «герою» дождю обращаются ласково – уважительно – «дождик».

Как и в народной закличке, в стихотворении А. Логунова вместе с повелительной интонацией используется обращение, причем для усиления дважды повторенное: «Дождик, дождик ...».

Поэт так ритмически организует текст, что он поражает своей энергией и напором, хотя стихотворение и состоит всего из 8 строк.

В нём нет эпитетов, сравнений. Главный художественный прием в этом стихотворении – олицетворение. Дождик – главное существо, которое должно исполнить просьбу – приказание – перестать и уйти.

В отличие от народной заклички, носящий, как правило, общий характер, поэт называет конкретные географические места: посёлок Епифань, реку Дон, которую он называет «домом» дождя. Мало того, он наделяет героя стихотворения женой – «дождихой», что еще сильнее сближает природное явление с человеком.

Поэтических обращений к дождю, воде много в русском фольклоре. Наши предки – земледельцы во многом зависели от «капризов природы».

Летний дождь и хлеб для русского человека неразделимы. Это подчеркнул в своем стихотворении прекрасный русский поэт А. Майков:

*«Золото, золото падает с неба!»—
Дети кричат и бегут за дождём...
«Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!»*

(3, с. 3)

А вот Алексей Логунов обращается к тому дождю, который шёл долго, оставил размокшую землю, огромные лужи и грозит превратиться в дождь-сеногной. Тут уж каждый из нас, пожалуй, присоединится к просьбе поэта:

«Дождик, дождик, перестань»...

ЛИТЕРАТУРА.

- 1) А. Логунов. Пирог из русской печки.
- 2) А. Логунов. «Радость творчества», «Новомосковская правда», 3.01.1986
- 3) Делу время, потехе час. Стихи, рассказы, пословицы, приметы. М, ДЛ, 1988 г.
- 4) Чудесный короб. Русские народные песни, сказки, игры, загадки. М, ДЛ, 1989г.
- 5) Круглый год. М., «Правда», 1989г.

ДВА ИВАНА И ЛЯГУШКА

Лягушка. Собственно-русское.

Образовано с помощью суффикса (-ка) от лягуха, производного посредством суффикса – уха от ляга. Земноводное названо по длинным задним ногам. (1, с.251).

Слово «лягушка» в русском языке известно ... с начала 17 века (2, с.499).

Это земноводное известно нам с детства. Все мы, конечно, видели лягушек. Одни над ними издевались, другие их боялись. На заре моей педагогической деятельности в деревне Стрешнево Тёпло-Огарёвского района десятиклассники, решив подшутить над молоденькой учительницей, а заодно и сорвать урок, бросили на классный журнал маленького испуганного лягушонка. Преодолевая страх и отвращение (как и все девчонки, с детства боялась лягушек), я накрыла его ладонью.

А потом, когда он успокоился, зажала его в руке. Урок продолжался Лягушонок, согревшись, спал в моем кулаке, а на лицах моих «детिशек» читалось такое нескрываемое разочарование, что я еле сдержалась, чтобы не захохотать.

После урока я выпустила зеленого «мальца» в густую траву в школьном саду. С тех пор я отношусь к лягушкам с нежностью и любовью, и не только потому что это полезные существа, а ещё потому, что они красивые, нежные и великолепно «поют».

Наверное, не случайно появился в нашем фольклоре образ царевны-лягушки. «Лягушке присуща женская символика. Из-за сходства лап лягушки с человеческими руками считают, что лягушка в прошлом была женщиной», - так написано в энциклопедическом словаре «Славянская мифология».

Потому и в русской сказке царевна превращается в лягушку, а затем из лягушки – снова в человека. Лягушка ещё и медицинское животное. Все мы помним такого литературного героя, как Евгений Васильевич Базаров. Неутомимый «борец» за превращение природы из храма в мастерскую нещадно резал лягушек в именин Кирсановых:

- На что тебе лягушки, барин? – спросил его один из мальчиков.

- А вот на что, - ответил ему Базаров, - я лягушку распластаю да посмотрю что у неё там внутри делается; а так как мы с тобой те же лягушки, только на ногах ходим, я и буду знать, что и у нас внутри

делается.

- Да на что тебе это?

- А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь и мне тебя лечить придётся.

.....

- Васька, слышь, барин говорит, что мы с тобой те же лягушки. Чудно!

- Я их боюсь, лягушек-то, заметил Васька, мальчик лет семи, с белою, как лён, головою, в сером казакине с стоячим воротником и босой. (6, с.337).

20 век был жесток в отношении природы. Наверное, потому его «герой – естествоиспытатель» вызывает ещё меньше симпатии, чем Базаров.

Именно с таким героем встречается читатель в стихотворении Юрия Кузнецова «Атомная сказка»:

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.*

*Он пошёл в направлении полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.*

*- Пригодится на правое дело!
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

*В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.*

1968 г.

(3, с. 18)

У новомосковского поэта Петра Митрохина есть небольшая поэма, которая называется «Иванушкино болотце». Сюжет её прост. Жил в деревне Иван, «дурачок-простачок», который «смеялся себе беспричинно» и «в селе подаянья просил»...

Так бы и жил Иван тихо-мирно, довольствуясь своими незатейливыми радостями, но однажды в его убогой избушке появилась

лягушка.

Обыкновенная, но Иван-дурак знал, что в сказке она превращается в царевну.

Поэтому в отличие от сказочного героя, которому досталась в жёны лягушка, Иван не задался вопросом: «Как я стану жить с лягушей» (7, с.233), а взял да и влюбился в явившийся ему образ, да не просто влюбился – а до безумия

Любовь изменила Ивана:

Ни грубости в нём и ни лени,

В общении с соседями мил,

Поправил избёнку и сени

И сам прояснился, ожил.

(4, с.65)

У Иванушки – дурачка была такая любимая, какой не было ни у кого. И его любовь была тайной и чудом, и это возвысило его в собственных глазах: он был не такой, как все.

Если бы окружающие узнали обо всем, Иванушку точно отправили бы в сумасшедший дом. Но никто об этом не знал. Иванушка стал «творцом» своего «сказочного счастья». И так уверовал в него, что даже приревновал свою «избранницу» к «сопернику», которого выкинул из своего дома.

Лягушка, лишившаяся самца, «заболела от стресса».

Избавляя принцессу от стресса,

Исхудал он, святая душа.

(4, с. 67)

А заботливый деревенский сход, видя происходящее, но не зная о его сути, решил женить дурака.

Так бедный Иван стал мужем злой и кривой Домахи, ну а «принцессу» свою, свою тайную мечту – любовь, спрятал в закуте. После брачной ночи вспомнил Иван о лягушке:

Взял лягушку к себе на ладошку,

И та мирно на ней улеглась.

Он погладил ей шкурку сырую

И хотел уже сунуть в закут,

Как нарвался на жёнку кривую,

Прихватившую ивовый прут.

(4, с.71)

Тихий послушный Иван заступился за лягушку. Обращаясь к Домахе, сказал: «Ты принцессу-лягушку не тронь!» (4, с.71).

Но Домаха не могла смириться с причудами мужа.

Отняла всё ж мечту у Ивана

Эта баба – исчадие зла...

Раз, запряжав в карман сарафана,

Ту лягушку в болото снесла. (4, с. 72)

Узнав об этом, Ваня сокрушил всё в своей избе, ушёл из своей деревни в другую и поселился у одинокой старушки.

Он рассказывал всем о царевне,

О своих отношениях с ней.

И катилось за ним по деревне:

«Вон царевич идет, дуралей!» (4, с. 74)

И однажды весной, забредя к болоту, услышал Иван лягушечий хор и показалось ему, что увидел он среди певуний свою «царевну». Бросился он к ней через топь – и сгинул.

На поминках, устроенных вскладчину,

Об Иване тужили всерьёз,

Говорили все добрую всячину,

Умываясь в обилии слёз. (4, с. 77)

А потом:

Всё забылось.

Избу разобрали:

Кто киртич утащил, кто бревно.

Лишь болотце с тех пор называли

В честь Ивана «Иванушкино» (4, с. 77).

О чём поэма П.Митрохина?

Его Иван-дурак похож и не похож на сказочный персонаж. Взят фольклорный мотив, поэт на самом деле поведал нам о трагедии творческого человека, человека с воображением, мечтателя, а значит для окружающих – юродивого.

Его Иван не похож на кузнецовского прямолинейного дурака – энтузиаста, из тех, что готовы ради «прогресса» и реки вспять поворачивать, и проводить самые страшные опыты над природой. Герой Митрохина – созерцатель, человек, мечтающий о чуде. Он почти поэт. У него свой взгляд на смысл жизни, который не могут понять «умные», так называемые нормальные люди. Он и дурак-то до тех пор, пока не появилась в его жизни его царевна-мечта, преобразившая этого человека, до того, что он «прояснился, ожил».

Митрохинский Иван отрицает скучную реальность, он поверил в, пусть и не им созданный, идеал красавицы, умницы, царевны-лягушки, но лишился его, а довольствоваться «кривой» и глупой Домахой не захотел. В этом смысле он максималист в любви. А сочетание идеализма и максимализма ни к чему хорошему в жестокой реальности не приводит.

Наверное, и об этом, немного ёрничая, хотел сказать в своей простенькой, но не совсем простой поэме Петр Митрохин.

P.S. Уже когда был написан этот текст, моя хорошая и давняя знакомая Ася Львовна Кузьминская прислала мне из Красноярска книгу В.Астафьева «Затеси», и там я обнаружила строки, которые заставили меня вновь вспомнить об «Иванушкином болотце» и его герое: «Какой великий дар даден человеку! Память! Воображение! Как хорошо, что они были и остаются свободными, только тебе и никому более не принадлежащими, и ты, деревенский лапотный мужик, можешь выдумать и полюбить царицу, принцессу или княгиню, и ни хрена никто с этим не сделает. Мое – и все!» (8, с.332)

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Н.М. Шанский, В.В.Иванов, Т.В.Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Просвещение, 1971.
- 2) П.Я. Черных Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., «Русский язык», 1994 г. т.1
- 3) Ю.Кузнецов. Стихотворения и поэма. М, ДЛ, 1989 г.
- 4) П.Митрохин. Песня волка-одиночки. Тула, РИФ «ИНФРА», 2003 г.
- 5) Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., ЭЛЛИС Лак, 1995г.
- 6) И.С.Тургенев. Сочинения в 2-х томах. М., «Художественная литература», 1980г. т1
- 7) Русские сказки. М., «Художественная литература» 1987 г.
- 8) В.Астафьев. «Затеси». РГ «Вся Сибирь», Красноярское книжное издательство, 2003г.

О МАСТЕРСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА

«Портрет в литературе – изображение внешности героя (черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, одежды) как одно из средств его характеристики ...» (1, с.289)

Он создаётся разными приёмами. Автор может разбросать отдельные портретные детали героя или героини по всему произведению. Или дать достаточно полное описание сразу, как поступает новомосковский прозаик Н.Смирнов. Портреты его героев индивидуальны, психологичны и живописны.

Вот бабка Прасковья из «Ветлугаева бора»: «Ей уже за семьдесят, но выглядит она совсем молодой, особенно когда оденет дочерину юбку «колоколом» да подвяжется пёстрым платком. На широком лице ее сидит приплюснутый нос, точно гриб на берёзе, глаза маленькие, хитрые и без всякой старческой поволоки. Даже губы у бабки и то ещё, как у девки, розовые масляные, будто только что ела блины со сметаной». (2, с.10)

Писатель пользуется всем набором приёмов создания портретной характеристики. Он пишет о лице, глазах, одежде героини. Бабка Прасковья любит пошутить, она знает много историй о леших и домовых, потому и бегают к ней починковские мальчишки и девчонки.

Наверное, не случайно портрет её в чём-то похож на скульптурный портрет сказительницы М.Д.Кривополеновой работы С.Т.Коненкова.

Совсем другой по настроению – портрет Феди Слюзина: «Был он высок ростом, худ и бос в любую погоду. Лишь зимой на ногах его появлялись большие опорки, которые то и дело опадывали с ног. Длинное угрюмое лицо Феди со включенной бородой было всегда напряжённо вытянуто, будто он вспоминал что-то и никак не мог вспомнить. Зимой и летом он ходил в военном бушлате, перетянутом мочальной оборкой и в портяных штанах дудочках» (2, с.48)

Федя – благой, юродивый, таким он стал после гибели на фронте пятерых сыновей. Военный бушлат, в котором он ходит, будто навсегда привязал его к страшному времени войны, сделавшей его безумным и одиноким.

Автору удаются не только портреты взрослых, он создал прекрасные портреты детей.

Вот сын погибшего на фронте лесника, которого встречают герои «Ветлугаева бора» в лесу. Он и его сестра сбежали из детдома: «В избу вошел конопатый рослый мальчик в выцветшей лесниковской

фуражке с дубовыми листиками на околыше, которая была ему велика и съезжала на глаза» (2, с. 118).

А вот 12-летний Гришка, увиденный героями «Ветлугаева бора» на пути в заготконтору: «Через полчаса мы .. настигли пацана, худощого, молчаливого и с белой полотняной сумкой на боку. Правда, в ней, в этой сумке, лежали не книжки, а скорее печёная картошка или хлебные кусочки. На голове у парнишки, точно ворон крыльями, махал ушами чёрный овчинный малахай, какие у нас шьют из старых полушубков, когда из них уж больше ничего невозможно выкроить: ни душегрейку, ни чуни на ноги, ни хороших рукавиц. На узких плечах болтается длинный пиджак с разноцветными заплатами, от которого даже клапаны карманов и то были отрезаны для чего-то. Штаны на пацане были сшиты из мешка, потому что на одной штанине красовалась написанная детем какая-то фамилия. В больших галошах, обутих прямо на босые ноги, жулькала жидкая грязь» (2, с. 270)

Портрет мальчика как бы сфокусировал в себе и тяжесть послевоенного времени, и его личную драму (отец погиб на фронте, мать болеет, кроме Гришки, у нее ещё Ленька, Васька, Таиська, Людка).

Еще один портрет мальчишки военного времени – в повести «Живица»: «Рядом с нею [бабкой Чивилихой-В.Л.] стоял пацан, примерно одинаковых с нами лет, в распахнутом на груди матросском бушлате, в застиранной тельняшке и в закрученных до колен штанах. Давно нестриженные чёрные волосы на его голове сваялись в лохматый ком. Из-под этого кома с вызовом блестели прищуренные голубые глаза» (3, с. 23).

Так герои познакомились с Вадькой, который пробирается из уральского детдома в Архангельск, чтобы стать моряком, как и его погибший отец.

Особого драматизма писатель достигает в портрете дезертира Кольки Пронина (повесть «Живица»): «Огонь будто вытолкнул из темени жалкую фигуру человека в драной серой рубаше и холщовых опущенных на сапоги штанах, затянутых у пояса и на штанинах лыковыми бечёвками. Лицо у Кольки заросло диким волосом с заметно пробивающейся сединой, ... Старик нечёсанный, а не Колька. И глаза у него провалились, будто он какой-то неизлечимой болезнью болел. Озираясь по сторонам, он все пятился и пятился к стене, будто его кто давил спереди». (3, с. 67).

Портрет рисует загнанного в жизненный тупик человека, как увидит далее читатель, обречённого на гибель.

Итак, литературный портрет в произведениях Н.Смирнова – это

прежде всего отражение социального положения и психологического состояния героя.

ЛИТЕРАТУРА.

- 1) Литературный энциклопедический словарь. М, 1987г.
- 2) Н.Смирнов. Ветлугаев бор. Тула., Приокское, 1987
- 3) Н.Смирнов. Живица. Тула, «Александр Невский», 2002г.
- 4) Н.Смирнов. Сталиногорцы. (роман-память). ООО РИФ «Инфра», 2002г.

О ЗВЕЗДАХ, ДОЖДЯХ, И ПРОЧЕМ

(Любимые образы поэзии А.Топчия)

*Те, кто пишет стихи,
очень часто подвержены стрессам.
И над ними имеют
неясную тайную власть
И шальная звезда,
что, скатившись, погасла над лесом...
И струна,
что с последним аккордом,
как нерв, порвалась...
(стих. «Пустяки»).*

Звёзды – это один из любимейших образов поэта Александра Топчия.

Поражает разнообразие вариантов, которое создаётся с помощью этого словообраза: «Бог для нас с тобой играет на струнах звёзд», «ставишь в подсвечник упавшую ночью звезду», «падают листья, ливни и звёзды», «улицы спят – убаюканы звёздами», «листья, как жёлтые звёзды, под ноги ложатся», «под гроздьями южных диковинных звёзд», «горит над Эльсинором печальная звезда» и так далее. Одно из стихотворений Александр Топчий назвал «Элегия звёзд и прощаний».

Луна издревле была почитаема людьми как одно из загадочных светил, лунный свет тревожил душу древнего человека, будил в нём страх и любопытство одновременно. Луна была символом «умирания и рождения», так как она возникала и исчезала.

Поэтому внимание к ней поэтов вполне объяснимо, ведь всё таинственное будит воображение. Вот и в стихах Александра Топчия «лунный свет серебряно струится», «в заколдованном пруду лунных бликов салочки», «лунный свет на синих травах», «колдовал апрель лунною гитарой», «в забытом золоте луны», «еле слышно волны в речке спорят, лунный серп лениво шевеля», «лунный блик, словно слово в поэме, легкокрыло лежит в ковьялах», «расстилает по полю луна невесомый гипор»...

Дождь – ещё один устойчивый образ поэзии Александра Топчия.

*Хочется быть дождем –
Тёплым, неспешным,
С неба слетать в сады*

*После заката;
Тихо шуршать листвою
Старой черешни,
Падать с ветвей, как в сон,
В запахи мяты...*
(стих. «Хочется быть дождём»).

Символика воды в мировой культуре многообразна и противоречива: вода – то, без чего невозможна жизнь, но она же – стихия, способная погубить всё живое. В христианстве вода – это и святая вода, и вода крещения.

Александр Топчий любит ливни, дожди, в общем, воду и всё, что с ней связано: «глухо каплет дождик», «шепчет вкрадчиво тихий дождь», «и стучит в окно вечный дождь осенний», «то ли дождинка, а то ли слеза серебрится», «будут падать слёзы затяжных дождей». И, наконец, поэт утверждает: «Все поэты – дожди». (2, с.21)

Говорят, что по цветовым предпочтениям можно определить характер человека. Цвет в русской поэзии – это отдельный разговор. А что же цвет в поэзии Александра Топчия? Вот цитаты из произведений поэта, где он оперирует цветом: «синие омуты глаз», «в голубом саду, «серый хвост уныло небо волочит», «дымится чёрный флаг над башней», «уплыл мой розовый туман, растаял в синем и любимом», «тихие сны на сиреневых крыльях», «серыми тучами неба затянута просинь», «алые зыбкие тени», «узоров багряных сплетенья», «твой глаза – две чёрных птицы», «оттого синий луг мой скошен», «далёких российских берёз зовущий серебряный шелест», «промелькнуло бабье лето быстрой птицей в синеве», «над серебряной водой, под сиреновой звездой», «летел, кружился чёрный снег», «синие льды, белые сны», «над грохочущим городом, изначально права, молчаливым укором – синева, синева»...

Как видно из приведенных примеров, поэт предпочитает синий, голубой, сиреневые цвета.

У художников цвета солнечного спектра делятся на тёплые и холодные. Красный, жёлтый и все производные от них называются тёплыми цветами. Синий и все производные от него – холодными.

Цвет имеет в мировой культуре определённую символику, которая могла меняться со временем. В христианстве белый цвет символизирует чистоту и непорочность, зелёный – надежду на бессмертие души, голубой – печаль, красный – кровь святого. В народных представлениях – зелёный – надежда, красный – любовь,

белый – свет, чистота, чёрный – траур.

Белый цвет у художников относится к ахроматическим (бесцветным). Белый, серый и чёрный – не имеют цвета и отличаются друг от друга по светлоте.

Но и эти цвета обладают большими изобразительными возможностями, которые и продемонстрировал в своей «Белой песне» Александр Топчий:

*Бел был день, и солнце было белым,
С неба белый снег летел легко,
И синица пела, как умела,
Песню белым стаям облаков.*

*После пели белые метели,
Выстлав землю белым полотном,
И снежишки белые смотрели
На меня сквозь белое окно.*

*Может быть, волшебник добрый сделал
Белым город, белыми поля?
Хмурый лес стал праздничным и белым, -
Чистой, белой стала вся земля.*

(1, с.72)

Вот такой зимний пейзаж!

«Синий луг», «голубой сад», «синие травы» – понятия, далёкие от реальности. Но художник слова, как и живописец, имеет право на собственное видение окружающего. Вспомним, например, «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина. Возможно, именно этот живописный образ послужил отправной точкой для следующих строк А. Топчия:

*Не зная о вечном законе
Нас в высь не пускающих пут,
Крылатые красные кони
Над городом плавно плывут.*

«Красный» в русском языке издревле означало «красивый». Эта красота противостоит не всегда красивой реальности:

*О город, погрязший в двуличье,
Бездушных пустых словесах, -
Ты видишь, какое величье
В лиялых твоих небесах?!*

Для поэта важен этот образ, пусть и неправильный:

*...И что из того, что на свете
Таких не бывает коней? ...*

То, чего не может реальность, может искусство. Ему под силу создать и «красных коней», и «синие травы», и ещё много чего.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Топчий А. Фарфоровый колокольчик. Тула, РИФ «ИНФРА», 2001 г
- 2) Топчий А. Неприкаянный. Тула, РИФ «ИНФРА», 2002 г

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

«Собака (греч. *kyon*, лат. *canis*) как домашнее животное была известна уже в эпоху неолита (около 8000 лет до н.э.)» (1, с.533).

В мифах разных народов о собаке говорится, что она создана была раньше человека: сначала был создан друг и слуга, потом – его господин. Происхождение этого животного теряется в глубине тысячелетий.

Наскальные изображения собаки, находящейся рядом с человеком, археологи обнаружили в разных частях света.

Издrevле собака «символизирует ... верность и бдительность, а нередко выступает стражем врат в потусторонней мир ... или жертвует умершему, с тем чтобы в ином мире служить ему проводником и охранником» (6, с.251-252).

В греческой мифологии таким проводником был пес Кербер, а богиню мрака Гекату окружали воинственные псы. Асклепий и Гермес, охотники Адонис и Кефал сопровождались собаками.

От собственных псов погиб Актеон, герой греческих мифов.

В древнем Риме перед домами находились доски с надписями «*Cave Canem*» («Берегись собаки!»). Сейчас мы можем видеть на заборах и калитках подобные предупреждения в несколько трансформированном виде: «Осторожно: Злая собака!»

А в Древнем Египте бог мёртвых Анупис представлялся в виде огромной шакалообразной собаки, что указывало на его функции проводника душ в иной мир.

«Греки использовали собак в качестве поводырей слепых и помощников в сражениях». (1, с.533). сейчас к этим функциям добавились и другие: собаки ищут под завалами людей, а также принимают участие в борьбе с терроризмом и наркоторговлей.

В общем, как и в древние времена, не менее опасные, чем теперешние, и сегодня «собака человеку неизменный друг» (3, с.358)

В русском языке существует множество пословиц и фразеологизмов, связанных с этим животным.

Приведём некоторые из них: «собака лает, ветер носит», «с собаками не найти (о запорастившемся)», «собака на сене лежит, сама не ест и другим не даёт» (4, с.286), «собаку съел, только хвостом подавился», «собак вешать на кого» (всячески бранить, унижать) (4, с.287), «собаке (псу) под хвост (бросить) – тратить без цели, даром, зря» (4, с.288), «вот где собака зарыта» – вот в чем суть дела заключается, «как собак нерезаных» (об очень большом количестве кого-нибудь),

«собачья преданность, привязанность, покорность» (перен.), «собачий нюх» (перен.: об обостренном чутье) (2, с.457-458).

И наконец, всем известный фразеологизм «собачья жизнь» (4, с.288), иносказательный смысл его по отношению к человеку – «тяжёлая жизнь».

А какова она – собачья жизнь?

О ней пишет в своем стихотворении новомосковский поэт П.Митрохин. Обычный дворовый пес, по кличке Рыжик, живет, никому не мешая, всем на радость:

*Он вымахал с пони, был добр, лопух,
Любой оседлать мог и ехать ...
С детьми закадычный приятель и друг,
Родителям – просто потеха.* (8, с.185)

Но кто-то, не очень добрый и милосердный, отравил Рыжика.

*На утро угрюмым и мрачным стал пёс:
Не ел, не играл, не ласкался.
На лапы ложился, повизгивал, полз,
К холодной земле прижимался.* (8, с.186)

Дети несли уже обреченному Рыжику «кто чего только мог».

Но пес:

*Худел на глазах, опаршивел, скулил,
Шёл к людям в смертельной печали,
Глазами помочь себе как-то молил,
Но те его прочь прогоняли.* (8, с.186)

Собака умерла в «заросшем овраге», вдали от людей. С горькой иронией поэт пишет:

*Сдох друг человека, как проклятый враг,
Убитый рукой человека.* (8, с.186)

Очень часто «господин» решает участь своего «друга и слуги» с предельной жестокостью, забывая о мнении древних предков: «Не бей собаки, и она была человеком (обращена во пса за прозорливостью)». (3, с.358).

Собаки, как и люди, бывают разными. Иногда и злыми. Про недоброго человека говорят: «Собака», - а про любящего браниться, ругаться – что у него «собачий нрав».

Злым, как собака, оказывается герой рассказа Г. Паншина «На краю деревни» – Дмитрий Пеньков, по прозвищу Оглобля. Вместе с ним и его женой живёт младший брат Никита, совсем не похожий на

старшего Пенькова. А ещё есть в крестьянском хозяйстве старая дворняга Найда, которая преданно сторожит хозяйство и радуется своим небольшим собачьим утехам: ломтю хлеба, «да чтоб за ухом потрепали» (9, с. 75)

Старший Пеньков зол и жаден, и только страх, что младший разделит хозяйство, удерживает его от убийства старой собаки, которую он считает дармоедкой.

Но когда Никита уезжает «на несколько дней в район добывать тракторные запчасти» (9, с. 58), его брат и невестка решают участь, на их взгляд, слишком «прожорливой» собаки.

Дмитрий уводит Найду в лес: «Найде интересно. Давно не ходила с человеком. Вон, он, мир-то, какой большой. Сколько лет не отлучалась от двора – забыла. Легко бежит по пыльной дороге. Мягко старым ногам, тепло спине от солнышка. Хорошо. Так бы и бежала всю жизнь». (9, с. 58)

Привязав собаку к дереву в лесу, Дмитрий собирается расправиться с ней: прицелившись, «глядел вверх рябой ружейной дорожки на собачий страх, отводил душу за хлебные мякиши, скормленные без прибытка, за Никиткины угрозы разделить хозяйство.» (9, с. 59).

Подумав, что собака слохнет и так, пошел прочь и, услышав жалобный, просящий вой, все-таки выстрелил, наскоро прицелившись.

Вернувшись брату Дмитрий показывает «могилу» Найды. «Постоял Никита возле холмика и пошел в сарай. Там он забрался на сеновал. Забыв про ужин, провалялся, не раздеваясь, всю ночь.

Под тоскливые коровьи вздохи вспоминал, как босоногим малышом, любил он забираться верхом на здоровенную Найду. Сразу это у него не получалось. Тогда он начинал бороться с собакой, пытаясь повалить ее набок. Та, словно понимая свое превосходство, поддавалась и, тихо повизгивая, цапала его за руки, совсем не больно. Отец в расстегнутой рубашке, тоже босой, глядя на них хохотал до упаду. Им было весело, всем троим.

Потом отца и мать убили немцы». (9, с. 59).

Для Никиты Найда – часть его прошлой счастливой жизни и символ верности, доброты, самопожертвования. Зубы собака потеряла, искрошив их о тяжёлую цепь, пытаясь перегрызть ее, чтобы защитить от ворон двух своих щенков, опрометчиво убежавших в сад: «Никитка с собакой заплакали над изуродованными щенками – и ничего больше... С тех пор она даже корку не могла, как надо, изгрызть». (9, с. 60) Обо всём этом Никита вспоминает бессонной ночью.

А утром умирающая собака появляется у дома: «Она ползла к саду, неотрывно глядя в одну точку. Туда, где возле навозной кучи валялось яблоко, сшибленное ветром. Из невысокой травы антоновка проглядывала, как макушка щенка, проклеванная вороном». (9, с. 60)

Услышав слова Дмитрия: «С-сволочь гадючья. Приползла. Не сохла...» – «Никита подхватил шкворень и пошел на брата.» (9, с. 60). Испугавшаяся жена подсунула ружье Оглобле.

И он выстрелил в брата.

Страшный рассказ и поучительный: жестокость по отношению к братьям нашим меньшим разрушает человеческую душу. Не пожалевший доверчивую животину, Дмитрий Пеньков, без всякого сожаления, стреляет в брата. Такого и собакой-то грех назвать.

Собачья жизнь и собачья судьба. О ней писали А.Чехов («Каштанка»), А.Куприн («Белый пудель»), Г.Троепольский («Белый Бим Черное ухо»), Г.Владимов («Верный Руслан») и мн. др.

Великолепную повесть о бездомных собаках «До свидания, овраг» создал московский писатель Константин Сергиенко, бывший выпускник нашей средней школы №13.

Многие живописцы изображали на своих полотнах это верное и доброе существо. Вспомним «Цепную собаку» П.Поттера, «Собак и сороку» Д.Вуттона, «Мальчика с собакой» Мурильо, очень много этих четвероногих друзей человека на картинах «малых голландцев» и русских художников.

Собаки учат нас преданности, самопожертвованию.

Именно об этом «Баллада о верности» новомосковского поэта В. Болохова. Хозяин-пьяница решил продать пса с говорящей кличкой «Верный». И продал бы, если бы потенциальный покупатель не решил проверить «качества» пса:

*И прохожий рванул продавца за плечо,
А свободной рукой – замахнулся ...
Взвился взорванный рык над асфальтом – свечой,
вспыхнув острым огнём языка – горячо,
и, хрипя в поводке, захлебнулся ...* (7, с. 5).

Верный спас своего «господина» не только от нападения «врага», но и от задуманного предательства, его самоотверженный поступок – урок человеку:

*И, кирзовую вывернув сумку,
инвалид намотал на культю поводок
и, скормив припасенный на закуску кусок,
прошептал: «Ты прости меня, суку...»* (7, с. 5)

Наверное, не случайно именно за это произведение В.Е.Болохов получил «третью номинацию Всемирной премии «Надежды Лира Золотая» на одноимённом Всемирном литературно-поэтическом конкурсе, организованном в 2003 г. Первым Литературным Музеем А.С. Пушкина в США (Нью-Йорк)».

Стихотворение нашего земляка проникнуто надеждой на то, что остатки ещё не совсем утраченной человечности помогут нам «не озвереть» окончательно.

Человек и собака. Долгим был их совместный путь, он исчисляется тысячелетиями. Наше отношение к этому верному другу характеризует и общее моральное состояние общества.

У русского художника 20 в. Д.Жилинского есть такая картина: человек в плавках как-то потерянно смотрит на зрителя, держа на руках мертвого пса. Это «Автопортрет с мертвой собакой» (1975-1976гг), названный искусствоведом Г.Ельшевской примером «портрета на глобальную «экологическую» тему – о взаимоотношениях человека с природой, о его ответственности за существование «живого». (10, с.174).

Собачья жизнь сегодня так же трудна, как и человеческая. Помня об этом, будем милосердны к «четвероногим друзьям», ко всему живому. Иначе наше бытие рискует превратиться в «собачью жизнь».

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Словарь античности. М, СП «Внешсигма», 1992 г.
- 2) Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., «Русский язык», 1984 г.
- 3) Пословицы русского народа. Сборник В.Даля. В 2тт., том 2. М., «Художественная литература», 1984г.
- 4) Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. В 2тт, том 2. М., Терра, 1994 г.
- 5) Джеймс Холл. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., КРОН-Пресс, 1996г.
- 6) Ганс Бидерман. Энциклопедия символов. М., издательство «Республика», 1996г.
- 7) Болохов В. «Баллада о верности», Газета «Новомосковская правда», 14.02.2004г.
- 8) Митрохин П. Песня волка-одиночки. Стихи. Тула, РИФ «ИНФРА», 2003.
- 9) Паншин Г.И. Послесловие. Тула, РИФ «ИНФРА», 2003 г.
- 10) Ельшевская Г.В. Модель и образ. М., «Советский художник», 1984г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Читателю этой книги.	3
От автора	5
Часть первая.	7
Литературные портреты	
Владимир Большаков	7
Александр Вишневецкий.	17
Виктор Зайцев	22
Валентин Киреев	28
Вячеслав Кузнецов	35
Алексей Логунов	46
Петр Митрохин.	58
Геннадий Ошурков.	66
Степан Поздняков	70
Дмитрий Ракитин	76
Николай Смирнов	83
Владимир Сотка	88
Владимир Суворов	98
Александр Топчий	128
Часть вторая.	156
Наедине с текстом	
Маленький шедевр	156
(размышления над поэтическим текстом)	
Непреходящее чувство	162
Дождик, дождик, перестань... ..	164
Два Ивана и лягушка	167
О мастерстве литературного портрета	172
О звездах, дождях, и прочем	175
(любимые образы поэзии А. Топчия)	
Собачья жизнь	179

Допущенные опечатки

Номер страницы	Номер строки	Напечатано	Следует читать
31	8	<i>псразившем</i>	<i>поразившем</i>
36	8	<i>свойственно</i>	<i>свойственны</i>
140	38	<i>попытается</i>	<i>пытается</i>
165	16	<i>носящий</i>	<i>носящей</i>
172	5	<i>разбросать</i>	<i>«разбросать»</i>
179	10	<i>потусторонней</i>	<i>потусторонний</i>

